

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

П.С. ВИНОГРАДСКАЯ

ГОДЫ
и
ЛЮДИ

«ГОДЫ И ЛЮДИ»

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ ★

И. С. ВИНОГРАДСКАЯ

**Издательство
«СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ»**

**Москва
1972**

И. Виноградова ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Воспоминания
о В. И. Ленине,
Н. К. Крупской,
Я. М. Свердлове,
И. Ф. Арманд,
А. М. Коллонтай,
Кларе Цеткин,
Карле Либкнехте,
Розе Люксембург
и других

Виноградская П. С.

В49 **Памятные встречи. М., «Сов. Россия», 1972.**
208 с. («Годы и люди») с илл. на вкл.

Поллина Семеновна Виноградская — автор книг «Фердинанд Лассаль», «Женни Маркс» и других. Она член партии с марта 1917 года, участник Октябрьской революции. На ее долю выпало счастье видеть и слышать В. И. Ленина, наблюдать его в домашней обстановке, среди родных и близких товарищей. Автору книги довелось тесно сотрудничать с Н. К. Крупской, которой посвящены многие страницы воспоминаний. Перед читателями предстанут также выдающиеся деятели партии, Советского государства и международного революционного движения: Я. М. Свердлов, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, Клара Цеткин, Карл Либкнехт и другие, с которыми автору пришлось соприкоснуться по работе в нашей стране и за границей.

Книга иллюстрирована редкими, малоизвестными фотографиями.

Все близкое уходит вдаль, а даль-
нее, приблизившись, приобретает
ясность.

Гете

Предлагаемые читателю воспоминания относятся к тому периоду XX столетия, когда произошли невиданные перемены, когда в октябре 1917 года была открыта новая страница истории не только России, но и всего мира. С тех пор прошло полвека с лишним. Для истории это только миг, но как изменилась кругом жизнь!.. Потому что никогда еще ранее в истории не действовали на политической арене такие огромные народные массы. И ни в какую эпоху прежде люди не поднимались так смело и так сплоченно на борьбу в защиту своих прав. Теперь уже одна треть населения земного шара следует примеру Страны Советов.

Время — вечный ткач истории. В ней, однако, есть огонь, есть и пепел. Пепел со временем развеется, а огонь — он времени не подвластен. Он лишь разгорается сильнее, если люди его зажгли и поддерживают.

Люди, о которых я пишу в этой книге, всю свою жизнь высекали искры, из которых затем разгоре-

лось пламя революции. Подобно легендарному Прометею, они тоже принесли миру огонь, знания и свет правды. И подобно Прометею, они были прикованы за это, если не к скале, то к каменным стенам тюрем. Их ссылали на край света, где царили лед и стужа, или зверски умерщвляли. Но они были не «сверхчеловеками», а всегда оставались людьми.

Автору довелось соприкоснуться с этими замечательными людьми. Посчастливилось видеть их в делах, борьбе и жизни. Это были люди высоких идеалов, глубоких мыслей и горячего сердца. Одни из них родились в царской России, другие — в кайзеровской Германии. Но всех их роднила беззаветная любовь к трудовому люду и мечта о великом братстве всех народов планеты, за свободу и счастье которых они самоотверженно и бесстрашно боролись всю свою жизнь. О встречах с этими людьми я и рассказываю в книге, предлагаемой читателю. Рассказываю о них так, как они сохранились в памяти сердца.

Тот костер, то пламя, что зажгли эти первые смельчаки, будет светить и грядущим поколениям, которым придется жить и цвести уже в ином мире — мире разумном.

Эта книга воспоминаний мной написана не только с думой о прошлом, но ради настоящего и во имя *будущего*. Вот почему читатель, как мне кажется, воспримет эти воспоминания не как что-то давнее, отстоявшееся, спокойное. Ведь и сейчас «покой нам только снится...» Борьба продолжается. И все мы в строю. И хочется сказать словами

Александра Трифоновича Твардовского:

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоём.
За новым трудным перевалом —
Вздохнуть
С тобою за одно.

И дальше в путь —
Большим иль малым,
Ах, самым малым, —
Все равно!

.

И высших нет для нас велений —
Одно начертано огнём:
В большом и малом, быть как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нём.

Идут годы, унося с собой людей,
имевших счастье видеть, знать
В. И. Ленина и его соратников. Все
меньше остается живых свидетелей и
участников героических событий.

То, что здесь рассказывается о
Владимире Ильиче, — это всего лишь
маленькие детали, отдельные эпизо-
ды, штрихи. Быть может, и они в ка-
кой-то мере дополняют все еще «недо-
рисованный» его портрет.

П. С. Виноградская

Москва — Переделкино
1970 г.

Считаю своим долгом выразить благодарность дирекции Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: В. Я. Зевину, А. А. Соловьеву, В. В. Аникееву и научным сотрудникам ИМЛ; а также начальнику историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР М. А. Харламову и начальнику Архива внешней политики СССР А. А. Маслакову за содействие, оказанное автору.

Ленин
и новая
столица

Великий Октябрь заново возродил старушку Москву. Первую страницу в ее новую биографию вписал Ленин после переезда правительства из Петрограда в Москву в 1918 году: Москва была объявлена столицей Советского государства.

Вскоре после приезда Владимир Ильич встретился с членами президиума Московского Совета рабочих депутатов (где я работала с начала 1917 года) и имел с ними беседу. Это были старые члены партии, которых Владимир Ильич знал еще по подпольной работе. Ленин с жадностью расспрашивал их о Москве, о работе, о проблемах, выдвинутых новой жизнью.

В заключение беседы Ленин сказал товарищам, что с переездом правительства Москва возводится в ранг столицы. Она должна иметь соответствующий этому облик. Требования к ней сразу повысятся, контроль будет сверху больший, чем прежде. И добавил: с местничеством пора покончить.

Дело в том, что Московский Совет тогда организовывал у себя «Совет Народных Комиссаров Москвы и Московской области». Местничества в первые месяцы становления Советской власти было много. Это был период поисков. Ведь опыта не было почти никакого. Парижская коммуна продержалась всего три с лишним месяца.

Помню, после взятия власти мы в Моссовете не знали, с чего начинать. И так было не только в Москве. В Сибири тоже был учрежден свой Совнарком, в Курской

области был губернский Совнарком и еще малый Совнарком. Да что Москва, Сибирь! В Елецком уезде Орловской области был создан уездный Совнарком из четырнадцати народных комиссаров! Москва, разумеется, намеревалась полностью копировать Центральный Совнарком. В плане организации был даже свой комиссариат иностранных дел. А на пост народного комиссара был намечен известный ученый-историк большевик Михаил Николаевич Покровский, который был избран председателем Моссовета после победы Октября и пробыл на этом посту до марта 1918 года.

Ленин, узнав про это, пришел в веселое настроение. Он не преминул со свойственным ему юмором, по-дружески высмеять москвичей за их затею. Особенно его рассмешил местный комиссариат иностранных дел. Ленин заметил по этому поводу, что вот теперь «москвичи войдут в сношение с Тверью, Новгородом, Псковом, Рязанью, и мы начнем с того, что шагнем лет на шестьсот назад, а потом... потом, крепко потузив друг друга под микитки, примемся объединяться».

Вскоре была создана специальная ликвидационная комиссия, и летом 1918 года Московский Совнарком был упразднен. М. Н. Покровскому Ленин сразу «подыскал» более подходящее занятие. Он был назначен в Брест для переговоров с немцами.

А после возвращения из Бреста, по предложению Ленина, Покровский стал заместителем народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского.

Вспоминаю, как солнечным утром 12 марта — в первый день прибытия Ленина — вся Москва читала в свежешедшем номере газеты «Известия» ВЦИК его вдохновляющую статью «Главная задача наших дней», которую он, оказывается, успел написать еще накануне, в пути. Точно теплым, весенним ветерком она дохнула на москвичей. В этой статье Ленин звал трудящихся, невзирая на тяжелое положение, не предаваться унынию, напрячь все нервы, все мускулы, внести дисциплину, порядок, организованность в работу, и тогда при наших природных богатствах, человеческих ресурсах мы сможем Россию, убогую и бессильную, превратить в Россию, могучую и обильную.

Естественно, всем не терпелось поскорей увидеть,

услышать Ленина. Но особенно не терпелось нам, тогда еще совсем молодым. Хотелось хотя бы одним глазком посмотреть на него. Каков он? Ведь мы его еще никогда не видели. И у молодых было ощущение, что Ленин каждому в отдельности подал руку и вывел на верную дорогу.

И я в пору моего становления испытала такое чувство. Мне казалось, что Ленин и мне лично помог, хотя я его тогда совершенно не знала.

Революция захватила меня целиком. Ради нее я рассталась с юридическим факультетом, куда поступила сразу по окончании гимназии в 16 лет. (Впрочем, позднее революция дала мне возможность получить высшее образование на философском отделении Института красной профессуры.)

Мне довелось не только принять посильное участие в подготовке Октябрьской революции в Москве, но и провести великую «страстную неделю» в Военно-революционном комитете. Само собой разумеется, срочные задания и поручения Московского военно-революционного комитета я выполняла в те горячие дни с готовностью и энтузиазмом, который вообще свойствен юности.

Легко себе представить нашу неумемную радость, когда стало известно, что Владимир Ильич согласился уже 12 марта выступить на пленарном заседании Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Оказывается, свой первый день в Москве Ленин намеревался начать со встречи с массами. При этом хочется отметить, что первую свою речь в Москве 12 марта 1918 года Ленин произнес перед депутатами Моссовета в большой аудитории Политехнического музея (где происходили обычно пленумы), и свою последнюю речь в жизни в 1922 году он произнес там же, тоже перед депутатами.

Первое выступление Ленина в Московском Совете действительно было историческим событием огромного значения. Депутаты встретили Ленина восторженно. Ведь они его видели впервые со времени революции 1917 года. Лишь некоторым из них, старейшим участникам декабрьского восстания 1905 года, посчастливилось видеть и слышать прежде Владимира Ильича. А большинство депутатов, даже те, которые в годы реакции прошли свои «университеты» в тюрьмах и ссылках, знали Ленина

лишь по его произведениям и статьям в нелегальных изданиях. Велика была радость присутствовавших на этом заседании. На лице Ленина ни тени усталости, хотя выступление Владимира Ильича в Моссовете совпало с очень сложным периодом в истории Советского государства, когда на горло русской революции наступил сапог прусских империалистов и пришлось заключить Брестский мир. Как известно, «левые коммунисты», привыкшие до того к непрерывному триумфально-победоносному шествию революции вперед, не хотели мириться с временным отступлением, с заключением Брестского мира. Надо заметить, что в Москве «левые» пользовались еще тогда некоторым влиянием. Поэтому так важно было выступление Ленина, который развеял сомнения московских пролетариев и поднял их дух.

Вспоминаю, что особенно резко Ленин обрушился на «левых» на фракции IV чрезвычайного съезда Советов, который должен был ратифицировать договор с немцами. Это заседание происходило 13 марта в одной из аудиторий Дома союзов. Яков Михайлович Свердлов поручил Цырлиной (техническому секретарю ВЦИКа) и мне вести протоколы этого заседания. Мы составили очень подробные записи. К сожалению, протоколы, которые мы вели тогда, не сохранились. (В те горячие первые годы мало думали о будущих архивах. Было не до того...)

Сейчас, разумеется, я не возьмусь по памяти восстанавливать всю речь Владимира Ильича на фракции. Но один его аргумент крепко засел у меня в памяти. Я хочу его привести тут. Ленин сказал, повернувшись в сторону «левых» (они сидели тесной группкой) и глядя на них в упор:

— Вы трубите непрестанно о революционной войне с Германией, великолепно зная, что у нас нет армии, старая армия не существует, а новую мы еще не создали. И я вас спрашиваю: кто же будет воевать в этой революционной войне? Вы, что ли? А умеете ли вы стрелять? Вот,— продолжал он,— я недавно посетил Кремль и увидел, что там валяются груды винтовок, брошенные после октябрьских боев. Никто их не убирает. Лежат они под открытым небом, мокнут от дождя, ржавеют... Пришла ли кому-нибудь из вас — «храбрых вояк» — мысль убрать эти винтовки, почистить их? Возникло ли хоть у кого-либо из вас намерение научиться стрелять из них? Почему никто из вас не

попробовал овладеть винтовкой? Научиться разобрать ее, собрать, пострелять из нее? Вы занимаетесь пустозвонством, бросаете в массы безответственные фразы, которые могут иметь тяжелые последствия и уже принесли большой вред. Этим вы совершаете преступление перед революцией.

Веско и убедительно Ленин доказал необходимость подписать «похабный» Брестский мир, поддержав мысль, что надо «пожертвовать пространством, чтобы выиграть время». Помню, «левые» заметно пообмякли после речи Ленина на фракции и его веских аргументов.

Вскоре были проведены перевыборы Московского Совета. Новый состав отразил те изменения в классовом соотношении сил, которые произошли в Октябре. Московские рабочие и солдаты проголосовали за членов большевистской партии.

23 апреля Владимир Ильич пришел на заседание пленума Совета, чтобы приветствовать его обновленный состав. Он сказал: «Элементы, враждебные революции, все, кто поддерживает врагов народа, все, кто волочится за буржуазией, — возлагали большие надежды на перевыборы нашего Совета... И в этот момент пролетариат предстал опять перед нами со всей силой своей сознательности».

Владимир Ильич выразил надежду, что рабочие и впредь проявят героизм, решительность, вынесут еще большие лишения, лишь бы отстоять великие завоевания Октябрьской революции. Московские пролетарии оправдали надежды своего вождя. Они отстояли в борьбе с внешними и внутренними врагами завоевания Октября.

Ленин был единогласно избран членом Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. После его кончины Моссовет постановил депутатский мандат № 1, выданный В. И. Ленину, сохранить за ним навсегда.

Исключительно велика была помощь Ленина Московскому Совету в октябрьские дни. Но, разумеется, особенно ощутимой она стала после переезда правительства в Москву. Ленин теперь помогал непосредственно Моссовету, как в большом, так и в малом.

Ленин придавал вообще огромное значение деятельности Советов. Он их считал главным звеном в цепи управления страной. «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали у богатых для бедных...» — писал Ленин. Вслед за этим наступила очередь делового и умелого хозяйничанья. Естественно, Владимир Ильич хотел, чтобы Московский — столичный — Совет умел хорошо управлять Москвой и был примером для других Советов. Но что означало у Ленина «хорошо управлять»? Под этим он понимал не узко организационную сторону дела, а управление хозяйством, производством и распределением, удовлетворение нужд населения. С этой точки зрения Ленин зорко и пристально присматривался к деятельности Моссовета. Так, например, ознакомившись с отчетом Моссовета, где было сказано, что на заседаниях исполкома вопросы организационного характера играли главенствующую роль, примерно в шесть раз большую, чем вопросы экономического характера, Ленин заметил: «Уродство. Должно быть наоборот». Сталкиваясь с тем или иным недостатком в работе Совета, Ленин тотчас же на него реагировал. Он делал строгий выговор соответствующему члену президиума, невзирая на то, что иной из них был его соратником и даже близким товарищем. Так, например, Ленин строго выговаривал письменно члену президиума, старейшему члену партии М. Ф. Владимирскому за то, что питерские рабочие, посетившие Моссовет проездом на фронт, жаловались, между прочим, на *«чрезмерный формализм при входе в Совет, на невероятную придирчивость контроля, на писание совершенно излишних пропусков. Нельзя ли упростить это дело?»* — спрашивал Ленин.

Надо заметить, что в те суровые дни почти во всех учреждениях Москвы были введены пропуска для посетителей. Такой же порядок был в Моссовете¹. Ленин считал, что вход в Совдеп должен быть свободным, поскольку он призван обслуживать местное население.

¹ Пропуска в Моссовете были впервые введены в дни октябрьских боев. Тогда они были абсолютно необходимы, чтобы оградить ревком и штаб от проникновения посторонней, подозрительной и определенно враждебной публики.

Получая жалобу от отдельных граждан на какие-либо неправильные действия или решения Моссовета, Ленин не переадресовывал жалобу автоматически «по назначению», как обычно это делалось в таких случаях, а направлял лично от себя члену президиума жалобу с сопроводительным письмом, требовал срочного ответа по существу, следил за поступлением такового, напоминал в случае задержки ответа. И таких примеров было много.

Ленин лично знал членов президиума Моссовета. Но особенно пристально он присматривался к тем, которые в прошлом были пролетариями. Следил за их ростом. Его по-настоящему радовало, когда он видел, что у них есть способности к управлению, интерес к государственной деятельности. Ленин доказывал, что: «За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни». Особенно это относилось к рабочим, ибо только революция раскрыла творческие способности, таившиеся в них и не имевшие выхода при старом, царском режиме. Поэтому Ленин требовал, чтобы таких рабочих растили, прислушивались к ним. И сам Ленин поступал именно так, подавая пример другим. Достаточно вспомнить хотя бы, как Ленин реагировал на присылку ему брошюры рабочим К. Ухановым, ставшим директором завода «Динамо», председателем районного Совета рабочих депутатов и, наконец, мэром столицы — председателем Моссовета. Но еще будучи председателем Рогожско-Симоновского районного Совета, К. Уханов вместе с другим депутатом — Н. Борисовым — подытожил работу райсовета в книге «Из жизни и деятельности Совета рабочих и красноармейских депутатов Рогожско-Симоновского района г. Москвы» и послал один экземпляр Ленину с надписью: «Дорогому товарищу Владимиру Ильичу Ленину». И Ленин, несмотря на занятость, быстро прочитал брошюру, причем самым внимательным образом и по достоинству высоко оценил ее. Он сразу же ответил авторам книги и в своем письме дал ряд ценных указаний.

Наряду с огромной загруженностью по управлению страной, Ленин проявлял исключительное внимание Москве и заботу о ней.

Но особенно велика была его помощь Москве в снабжении продовольствием для нужд пролетариата и детей.

Сколько телеграмм, писем Ленина летели в разные концы страны с просьбой помочь голодающей Москве. Но уже тогда сквозь эту мглистую, захламленную, нищую Москву Ленин своим могучим взором провидел иной, расцветающий город.

На первых порах Владимира Ильича и Надежду Константиновну пришлось поселить в гостинице «Националь». Разумеется, гостиничная обстановка совершенно не соответствовала образу жизни и занятиям Ильича. К тому же там было не безопасно — много посторонней публики, близость черносотенного Охотного ряда, где:

С капустой кислую ушаты,
Среди колбас, окороков...
Охотнорядские ребята —
Смесь христославия и мата...

Ленин мирился с неудобствами, знал, что это временно. Он только торопил с ремонтом кремлевских зданий, предназначенных для вселения правительственных учреждений. Зато от Якова Михайловича Свердлова здорово доставалось Моссовету.

Дело в том, что Московскому Совету и специальной правительственной комиссии заранее было поручено разместить учреждения и подобрать помещения для квартир работников правительственного аппарата. Сделать это было нелегко. В старой Москве не было такого комплекса зданий, где можно было бы разместить вместе все государственные учреждения. Первопрестольная устремилась ввысь только колокольнями своих «сорока сороков», она расплзлась вширь переулками, застроенными одноэтажными купеческими особняками. Московскую старину оберегали веками.

Первые же попытки Моссовета расширить проезд бывшего Китайгорода, упразднить Сухаревскую толкучку были злобно встречены московскими обывателями.

Вот и получилось, что Московский Совет не мог ничего предложить другого, кроме Кремля и нескольких зданий в Китайгороде. И правительственная комиссия с этим согласилась. В Китайгороде разместились позже наши центральные партийные органы. Правительству предоставили Кремль. И если контрреволюционные жур-

налисты, бежавшие за границу, вопили тогда, что большевики «отгородились от народа толстыми стенами Кремля», то это была явная демагогия и ложь. Кремль был заселен по необходимости.

Но беда была в том, что Кремль оказался не готов к заселению. Многие его помещения были испорчены и загажены белыми еще в октябрьские дни 1917 года. Стены некоторых зданий пострадали от перестрелки. Все было захламлено. Вот поэтому под жилье для Ленина, членов правительства и сотрудников центральных учреждений пришлось временно занять гостиницы. Так «Националь» стал первым домом Советов, «Метрополь» — вторым и т. д.

Наконец наступил день, когда Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова смогли из гостиницы «Националь» переехать в Кремль. Ленина с семьей поселили сначала в Кавалерском корпусе, а когда был окончательно закончен ремонт, — в маленькой квартире в бывшем здании Судебных установлений. В этом же доме разместился Совнарком и управление делами. Одна из больших комнат стала залом заседаний Совета Народных Комиссаров. На этих заседаниях решались срочные, важные государственные дела. Постепенно в Кремле был сосредоточен центр управления всей страной. К нему тянулись взоры рабочих и крестьян Страны Советов и трудящихся всего мира.

В своем кабинете Ленин принимал крестьянских ходоков и иностранные делегации, встречался с партийными товарищами и руководителями с мест, иностранными корреспондентами, общественными деятелями и писателями Европы. Здесь он работал допоздна, создавая свои эпохальные произведения.

К первой годовщине Октября над правительственным зданием взвился государственный флаг. Еще до этого был утвержден герб первой в мире социалистической республики. Ленин, как известно, велел убрать из первоначального проекта герба меч, оставив только эмблему труда и мира: серп и молот.

А с какой радостью и гордостью Ленин, получив новую печать, оттиснул ее на своем ответном письме Кларе Цеткин, где он писал: «Вот отпечаток. Надпись

гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Позднее по заданию Ленина были исправлены часы на Спасской башне, куда попал снаряд во время октябрьских боев с юнкерами. И часы вместо «Коль славен наш господь в Сионе» заиграли «Интернационал». Так постепенно в Кремле повизна ленинского революционного размаха сочеталась с седой стариной Москвы.

Около шести лет провел Ленин в Кремле.

Как известно, Ленин в своей беседе с товарищами — членами президиума Моссовета поделился своей мечтой: сделать Москву, столицу первого социалистического государства, одним из лучших городов мира. Это должен быть город будущего, какого еще не знало человечество. Вскоре Ленин подробно рассказал, каким он себе представляет такой город, виднейшему русскому архитектору И. В. Жолтовскому. Это будет город солнца, света, воздуха, зелени и в то же время — город самых лучших жизненных удобств. Ленин советовал также, чтобы все парки, сады, общественные места были бы украшены статуями, бюстами, барельефами, памятниками тех деятелей и мыслителей, которые в прошлом думали о народе, о трудовых массах, творили для них, обращались к ним. Ему хотелось, чтобы общественные здания не наводили уныния своим казенно-безмолвным видом, а чтобы они радовали людей, как бы беседовали с ними — были украшены живописными панно, лозунгами, изречениями, зовущими советских людей к строительству новой жизни. Это был детально обдуманый план идейно-художественного оформления столицы и в то же время — воспитания масс в эстетически-революционном духе. Ленинский план пропаганды социалистических идей с помощью монументального искусства был грандиозным. Он и до сих пор своим величием, необычностью вызывает наше изумление и восхищение.

Этот проект поражает тем более, что выдвинут он был главой государства в такое время, когда вся Советская страна была окружена врагами, зажата в огненном кольце фронтов гражданской войны. Когда она, по словам Ленина, переживала один из самых тяжелых моментов своего существования. И тем не менее весной 1918 года был ут-

вержден Лениным декрет, согласно которому в Москве и в Петрограде предстояло соорудить памятники великим людям, общественным деятелям, предтечам социализма, представителям науки и искусства: философам, литераторам, артистам, музыкантам и другим — нечто вроде революционного пантеона. На постаментах должны быть высечены изречения этих мыслителей.

Чрезвычайно характерно для стиля работы Ленина, что осуществление этого плана он не мыслил без привлечения местной власти, то есть Московского Совета. И это было подчеркнуто Лениным в обнародованном 30 июля 1918 года декрете, в котором говорилось, что Народному комиссариату просвещения поручено войти в соглашение с президиумом Московского Совдепа и немедленно начать приводить в исполнение постановку памятников. В случае же какой-либо задержки надлежит доложить об этом Совету Народных Комиссаров.

Моссовет начал с того, что на колонне, воздвигнутой в Александровском саду по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых, были стерты имена царей и высечены имена тех, «кому пролетариат ставит памятники». Это были: Маркс, Энгельс, Бебель, Либкнехт, Кампанелла, Мелье, Томас Мор, Сен-Симон, Фурье, Прудон, Чернышевский, Бакунин и другие. По распоряжению Моссовета на ряде общественных зданий заалели полотнища с лозунгами «Революция — вихрь, опрокидывающий всех ему сопротивляющихся» или «Кто не работает, тот не ест» и т. д. Таково было лишь начало необычайно широкой монументальной пропаганды.

В Москве предполагалось соорудить пятьдесят памятников. Кроме того, по предложению Ленина надо было еще установить несколько десятков мемориальных досок. На них также должны были быть высечены выдержки из речей тех исторических деятелей, памяти которых они посвящались.

Творческая революционно-настроенная прогрессивная интеллигенция очень воодушевилась и гордилась тем, что была призвана пролетарской властью творить для широких масс народа. Ленинский декрет вдохновил многих деятелей искусства. Архитекторы, скульпторы, художники горячо, с энтузиазмом принялись за работу. Ленин сам лично следил за выполнением декрета, торопил. Когда

же до него дошли сведения о том, что работа тормозится, он немедленно занялся выяснением причины.

В письме, адресованном П. П. Малиновскому (тогдашнему комиссару по охране имуществ республики), Ленин спрашивает: «Почему, вопреки постановлению СНК и несмотря на безработицу (и несмотря на I. V), не начаты в Москве работы

1) по *хорошему* закрытию царских памятников?..

4) по постановке *бюстов* (хоть временных) разных великих революционеров?»

Малиновский в свое оправдание ответил, что снятие памятников задерживается из-за саботажа специалистов. Но Ленина такой ответ не удовлетворил, и он тут же запросил Малиновского: «А сколько из них вы предали суду?» От Ленина немало доставалось И. А. Виноградову, помощнику Малиновского (специально выделенному на этот участок), и даже самому президиуму Моссовета.

И вот благодаря настойчивости Ленина, его вниманию и энергии памятники были вскоре сооружены. За короткий срок Москва обогатилась монументами, которые придали старому городу отчасти новый облик. Торжественное открытие памятников Ленин предложил приурочивать к юбилейным и праздничным датам. Все это вносило новые штрихи в жизнь и быт столицы.

Уже к первой годовщине Октябрьской революции были открыты памятники К. Марксу и Ф. Энгельсу, А. Радищеву, С. Халтурину, С. Перовской, М. Робеспьеру, Ж. Жоресу, Т. Шевченко, Н. Никитину, А. Кольцову, Н. Гоголю, Ф. Достоевскому и другим.

Некоторые из первых монументов были по-настоящему хороши. Таков, на наш взгляд, обелиск Конституции со статуей свободы. Она была поставлена позднее на Советской площади.

Этот обелиск удачно вписывался в ансамбль невысоких домов и в то же время хорошо просматривался с Тверской, над которой он возвышался. На его гранитном постаменте был затем выгравирован текст первой Советской Конституции, вдохновителем и создателем которой был Ленин. На фоне обелиска вздымалась статуя величавой девы в древнегреческой тунике. Одну руку она простирала ввысь, а другой держала земной шар. Все это было выдержано в классических формах. Монумент полюбился москвичам. Особенно он радовал нас — участни-

ков Октября. В горячие дни октябрьских боев мы постоянно видели из окон Московского Совета рабочих депутатов (где находился Военно-революционный комитет), гарцующую на коне фигуру генерала Скобелева с занесенной над головой шашкой, точно угрожавшего Моссовету.

Разумеется, не все монументы были удачны. Некоторые скульпторы, художники, стремясь найти новые, более подходящие формы для выражения нового содержания, рожденного революцией, ударились в крайний формализм. Широкие слои трудящихся не понимали и не принимали их. Вспоминаю, как в президиум Моссовета обращались целые делегации рабочих с заводов и фабрик с требованием убрать тот или иной памятник. Так, например, они категорически потребовали соскрести «наляпанную» на стене Страстного монастыря картину панно. Президиуму Моссовета приходилось считаться с требованиями масс...

Беда еще была в том, что памятники в ту пору шпатель и отсутствия добротных, прочных материалов, выполнялись из гипса, бетона и других непрочных материалов. Поэтому они были весьма недолговечны и легко портились от непогоды и других причин. Некоторые же монументы были тайком уничтожены врагами Советской власти, которые таким образом проявляли свою ненависть к ней.

Одним из интересных памятников того времени, выполненным старейшим нашим скульптором недавно скончавшимся С. Т. Коненковым, была мемориальная доска в память жертв Октябрьской революции в Москве. Ее открытие было приурочено к первой годовщине Октября на Красной площади, и открывал ее Владимир Ильич.

Помню, первая годовщина Октябрьской революции отмечалась в Москве очень торжественно. Праздник начался еще накануне, когда народ высыпал на улицу. Город был ярко иллюминирован, поминутно освещался заревом фейерверков. А с самого раннего утра 7 ноября толны трудящихся заполнили площади, улицы, оглашая их звонким пением. Повсюду гремела музыка.

Художники, скульпторы, артисты вняли призыву Ленина: «Искусство — трудящимся» и вынесли свои произведения на улицы, площади и скверы, оформив их ярко, красочно, с большой выдумкой и творческим

вдохновением. Дома были украшены гирляндами из зеленых веток, алыми стягами, на стенах многих домов — живописные панно, барельефы, на площадях — вновь воздвигнутые памятники, скульптуры.

Особенно нарядной была в тот день Красная площадь.

После возвращения из Германии (куда я была временно командирована) мне довелось присутствовать на открытии коненковской мемориальной доски и посчастливилось наблюдать Ленина совсем близко.

С членами Исполнительного комитета Московского Совета рабочих и солдатских депутатов мы выстроились в то утро у Кремлевской стены, почти у самой доски, рядом с членами ВЦИКа, которых возглавляли Я. М. Свердлов и А. С. Енукидзе. Ленин, недавно оправившийся после ранения, был как-то особенно оживлен, разговорчив, бодр, несмотря на то, что он до этого успел уже открыть на площади Революции памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу и произнес там речь.

У Кремлевской стены разместился хор и оркестр. Были вынесены знамена ВЦИКа и Моссовета. Вся площадь до краев заполнилась народом. Раздались звуки «Интернационала». На трибуну взшел белый как лунь П. Г. Смидович и объявил, что Московский Совет в память борцов, павших в борьбе за власть народа, соорудил здесь, на Кремлевской стене, барельеф и пригласил В. И. Ленина открыть его от имени Моссовета.

Принимая из рук С. Т. Коненкова шкатулку, в которой лежали ножницы для разрезания ленты, Владимир Ильич обратил внимание на прекрасную художественную отделку шкатулки и сказал, что ее надо передать Московскому Совету для сохранения — ведь будут же у нас со временем не только революционные памятники, но и революционные музеи.

Владимир Ильич разрезал ленту, и красное полотнище упало. Нашим глазам предстал барельеф: на фоне восходящего солнца с устремленными во все стороны лучами, возвещающими о наступлении нового, светлого дня, выступала фигура крылатой женщины. В одной руке она держала развевающееся красное знамя, а в другой пальмовую ветвь — символ мира. Сверху была надпись: «Октябрьская революция 1917 года», а ниже: «Борцам, павшим в борьбе за мир и братство народов».

Мне невольно вспомнились слова из стихотворения немецкого революционного поэта Фрейлиграта:

Мудра и сильна
Прилетит она, чудо-девица,
И над миром навек водворится она,
Величаяя бунтовщица!

Меморпальная доска представляла собой барельеф из цветной мозаики. Меморнал хотя был задуман автором в аллегорической форме, но производил сильное впечатление на самых разных людей. Барельеф хорошо гармонировал с Кремлевской стеной и легко вписывался в нее.

После церемонии открытия и исполнения «Интернационала» на трибуну поднялся Ленин. Затаив дыхание, десятки тысяч москвичей слушали речь вождя. Он призывал народ идти по следам борцов, следовать примеру их бесстрашия и героизма. Затем площадь огласилась скорбной траурной мелодией «Вы жертвою пали...» Мощный хор сливался со звуками оркестра. Низко склонились знамена.

Потом хор исполнил кантату, сочиненную композитором Д. Шведовым на слова поэтов С. Есенина, С. Клычкова и М. Герасимова.

Вот отрывок из этой кантаты:

Сквозь туман кровавый смерти,
Чрез страдания и печаль
Мы провидим, верьте, верьте, —
Золотую высь и даль.
Всех, кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.

Мимо трибун стройно движутся ряды красноармейцев с алыми бантами на винтовках. Шагают курсанты военных школ, проносится кавалерия, едет артиллерия. Затем следуют рабочие колонны всех районов Москвы. От них отделяются делегации и возлагают венки на могилы борцов. С грузовиков, украшенных яркими цветами, точно из огромных, живописных клумб, выглядывают детские головки...

Помню, день тогда выдался ясный, солнечный. В небе реяли аэропланы и сбрасывали листовки. Они долго

кружились в воздухе, точно белокрылые чайки. Ленин, высоко подняв голову, смотрел на них и радостно улыбался.

Таким жизнерадостным, возбужденным я видела Ленина впервые. И не удивительно: ведь этот день был двойным праздником для Ленина. Первая годовщина Октябрьской социалистической революции почти совпала с началом революции в Германии.

Стремясь придать столице новый облик, Ленин в то же время требовал бережного отношения к памятникам старины, особенно сохранения тех, которые могут служить эстетическому воспитанию масс.

Ленин тщательно следил за тем, чтобы Кремль со всеми его историческими зданиями и древними храмами был приведен в образцовый порядок, чтобы все ценности, хранящиеся в нем, были срочно учтены. И если в наши дни Кремль как старинный архитектурный ансамбль и как культурная ценность мирового значения сохранен и доступен для обозрения миллионам наших соотечественников и иностранных гостей, то этим мы прежде всего обязаны Ленину.

Сразу же после октябрьских боев при Московском Совете рабочих депутатов по настоянию В. И. Ленина была создана Комиссия по охране памятников старины и музейных ценностей. Позднее, после переезда правительства в Москву, был образован специальный Народный комиссариат имуществ республики. Тогда же был подписан Лениным декрет о регистрации всех произведений искусства, как целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы владении они ни находились. А затем эти замечательные произведения из частных коллекций, из имений свозились в Москву и распределялись по общественным, государственным музеям и делались доступными для обозрения всему народу.

Ленинскими декретами были также национализированы произведения искусств, собранные Морозовым, Щукиным, Остроуховым и другими меценатами. При Советской власти необычайно обогатилась Третьяковская галерея.

Ряд старинных подмосковных усадеб, таких, как Архангельское, Останкино, Кусково, представлявших собой шедевры русского зодчества, сокровищницы произведений

искусства, находившиеся в частном владении, превращены были в музеи, доступные тысячам людей.

Если в области административной Ленин считал необходимым сломать до основания прежнюю государственную машину, весь аппарат угнетения, то в области культуры Владимир Ильич требовал сугубо бережного подхода к прежнему наследию, накопленному столетиями, чтобы сохранить из него все ценное. Ибо Ленин, как известно, считал, что, только освоив все лучшее из этого наследия, пролетариат сможет создать свою, социалистическую культуру.

Ленин доказывал, что новая социалистическая культура не может возникнуть на пустом месте, она не может появиться вдруг, внезапно, точно сова из головы Минервы. Поэтому он призывал бережно относиться к тем произведениям искусства, которые могут пригодиться в воспитании пролетариата.

Самую большую роль в области идейного художественного воспитания масс Ленин отводил кино и театру, как наиболее массовым видам искусства. Воплощая в жизнь указания Ленина, Военно-революционный комитет Москвы сразу же после победы Октябрьской революции, наряду с такими срочными делами, как пуск трамвая, водоснабжение и другими, занялся и театрами.

Вспоминаю, как на заседание Военно-революционного комитета прибыли корифеи русской сцены Л. В. Собинов и А. Г. Сумбатов-Южин вместе с вновь утвержденным комиссаром московских театров Е. К. Малиновской. Собинова назначили уполномоченным Большого театра, а Сумбатова-Южина — Малого.

Настоящие, передовые люди искусства своим творческим инстинктом почувствовали, что теперь перед ними будут невиданно огромные зрительные залы, что жадно потянется к театрам совсем иной зритель. Они поняли, что свое искусство они должны нести в массы, что театры надо сделать доступными народу.

И действительно, в театры пришла необычная, новая публика. В ушанках и шлемах, шинелях и зипунах, в валенках и лаптях, рабочие, крестьяне, красногвардейцы сидели по вечерам в неотапливаемых зрительных залах и с величайшим восторгом внимали тому, что происходило на сцене, где творилось неведомое им до сих пор чудо искусства.

Это, конечно, носило совсем иной характер, чем то, что творилось когда-то в Древнем Риме. Там бродили голодные толпы безработных и требовали «*panem et circenses*» («хлеба и зрелищ»).

У нас же было совсем другое: рабочие и крестьяне, прошедшие через огонь пролетарской революции, мирились с голодом, требовали не хлеба, а театра, музыки, литературы, то есть своей доли в искусстве, которой они были долго и несправедливо лишены. Как говорится — «не хлебом единым жив человек».

Это еще раз доказало правоту и прозорливость Ленина, когда он советовал сохранить лучшие театры. Но одно дело сохранить театры, другое дело содержать их в период нищеты, разрухи и голода. Особенно трудно было с Большим театром. Этот театр со своим сложным организмом, где соединены все виды искусства: балет, музыка, пение, был очень дорогостоящим. И львиную долю средств, отпускавшихся тогда на все московские театры, поглощал Большой театр. Вот почему больше всего нареканий со стороны руководящих работников было по его адресу. И они неоднократно ставили вопрос о закрытии непомерно дорогого театра. Сложно было также с топливом. Был период, когда в Москве свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Из-за нехватки топлива часто не функционировали бани, и некоторые депутаты Моссовета требовали, чтобы при выборе «бани или балерины» отдать предпочтение первым. И в результате Малый Совнарком вынес решение о временном закрытии Большого театра. Но на этот раз не кто иной, как Ленин спас театр от закрытия. При утверждении этого решения в Совете Народных Комиссаров Ленин мимоходом бросил реплику, где между прочим заметил, что наследство буржуазного искусства нам еще рано сдавать в архив. И большинство, естественно, голосовало вместе с Лениным за отмену решения Малого Совнаркома.

Есть что-то величественное и в то же время трогательное в том, что глава рабоче-крестьянского правительства в самые тяжелые для страны дни, когда ее со всех сторон окружали враги, лично заботился о сохранении театров. И Большой театр оправдал в дальнейшем заботу Ленина о нем. Он рос, развивался и пользуется теперь заслуженной славой не только у нас, но далеко за рубежом.

Столь же внимательно, как к Большому, Ле-

нин относился и к Малому театру, который продолжал действовать в тяжелейшие дни гражданской войны.

На юбилейном вечере в Малом театре, посвященном 50-летию великой русской актрисы М. Н. Ермоловой, было зачитано постановление Совнаркома о том, что ей присваивается звание народной артистки республики.

Но особенно дорожил Владимир Ильич Художественным театром. Несмотря на страшную занятость, он находил время, чтобы посмотреть некоторые его спектакли. Как-то в разговоре с Луначарским о Художественном театре Владимир Ильич сказал: «Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, ибо этого нам пролетариат не простит». И в другой раз он писал ему же: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, это, конечно, Художественный театр».

И театр этот в первые годы Советской власти необычайно расцвел. Одна за другой открывались его талантливые студии. Вспоминаю его первую студию (основанную еще до революции), которая ставила свои спектакли на верхнем этаже двухэтажного дома, стоявшего сбоку на нынешней Советской площади. Теперь этого дома уже нет, его снесли, и на его месте вырос восьмиэтажный дом. Здесь Ленин смотрел пьесу Юхана Хеннинга Бергера «Потоп», пользовавшуюся большим успехом тогда. Спектакль, по словам Крупской, ему очень понравился. Мы же все были в восторге от «Потопа». Этот спектакль особенно полюбился нам, москвичам, — участникам Октября. В созданной там картине борьбы с грозной стихией и в сильных характерах, разбуженных ею, нам казалось, было что-то схожее (хотя и чисто внешне) с тем, что мы сами пережили в Октябре.

После Октябрьской революции театры в Москве не только расцвели, но их стало значительно больше. В старой Москве было всего два государственных театра и 19 частных, а в революционной Москве в 1918 году их насчитывалось уже 45. Из них 18 были рождены Советской властью. А к третьей годовщине Октябрьской революции открылись еще три театра: Театр РСФСР (его первый спектакль, приуроченный к юбилейной дате, который мы смотрели, — «Зори» Верхарна — шел в поста-

новке Мейерхольда и Бебутова); затем Агитационный театр революционной сатиры, который назывался сокращенно — «Теревсат», им руководил молодой талантливый режиссер Фореггер; и еще Центральный театр Пролеткульта.

На глазах у нас происходил не только количественный рост театров, а их качественный, идейный рост. В них одержали верх новые, революционные веяния. Своей главной задачей они считали воспитание широких масс в революционном духе методами искусства. Разумеется, было много поисков, новаторства. А некоторые частные театры тоже были направлены в новое идейное русло. Так, например, бывший театр Зимина (перешедший к Моссовету) стал «Театром музыкальной драмы». Бывший театр Корша — «Театром революционной комедии». А бывший Незлобина — «Театром революционной мысли». Прежние частные «легкие» развлекательные театры — варьете и другие с их пошлым репертуаром, рассчитанным на вкусы мещанской публики, исчезли с афиш и с московского горизонта. Зато большой размах получили массовые представления на площадях, в скверах в праздничные и юбилейные дни. Вместе с артистами в этих представлениях участвовали и самодеятельные коллективы.

Многое предпринималось в первые годы революции и для музыкального воспитания широких масс. Помню, устраивались регулярные концерты оркестра Большого театра. В них принимали участие выдающиеся дирижеры, музыканты и певцы. Это были превосходные концерты, они вызывали особый интерес у широкой публики еще и потому, что каждому концерту предшествовала вводная лекция о личности, жизненном пути и творчестве композитора, о той эпохе, значении его музыки. И очень часто эти лекции читал блестящий, образованный лектор — сам парком по просвещению А. В. Луначарский. Это были незабываемые, яркие по форме и богатые по содержанию лекции, которые вводили совсем новых слушателей в мир музыки и ее историю. Так в Советской стране впервые за всю историю человечества широкие массы познакомились с лучшими образцами симфонической музыки в прекрасном исполнении.

А в летнее время классическая музыка выносилась в парки, на площади. Много слушателей привлекали концерты, даваемые на кругу в Сокольниках, с участием

Ф. И. Шаляпина и А. В. Неждановой в сопровождении оркестра, а также концерты, устраиваемые в Серебряном бору с участием трио — Шор, Крейн и Эрлих.

Примерно в ту же пору был создан в Москве знаменитый струнный квартет имени Страдивариуса. Как известно, этот квартет играл на юбилейном вечере, устроенном в честь пятидесятилетия В. И. Ленина в Московском комитете партии 23 апреля 1920 года.

Владимир Ильич, очень любивший музыку, интересовался историей создания квартета. А история его была такова: в разные концы страны были посланы люди для поисков уникальных инструментов — скрипок замечательного непревзойденного мастера Страдивариуса и других. Эти инструменты большей частью принадлежали людям, которые хранили их лишь как денежную ценность. Постепенно скрипки были собраны, и таким образом в Советской России была создана единственная в мире коллекция. Квартет потому и носил имя Страдивариуса, что его участники играли на изготовленных им инструментах. Ленин внимательно выслушал эту историю и с похвалой отозвался об этом культурном начинании.

Современная Москва — это огромный город с 8-миллионным населением. Выросли новые большие районы с благоустроенными и озелененными жилыми кварталами. Исчезают с лица московской земли деревянные бараки, покосившиеся домики окраин.

Но особенно замечательно то, что этот новый город очень бережно отнесся к старой, древней Москве и включил в себя ее лучшие памятники. Художественный контраст между архитектурой старой и новой Москвы удивляет своей оригинальностью, которую, пожалуй, нигде больше не увидишь.

Теперь в Москве есть много мест, которые связаны с героическим прошлым нашей столицы, с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, с именами других пламенных революционеров и с революционными событиями.

В. И. Ленин мечтал о том, чтобы Москва была красивым и благоустроенным городом, как это подобает столице нового общества. Ленинская партия прилагает много

усилий, чтобы превратить эту мечту в действительность.

Разработан новый генеральный план развития советской столицы, одобренный нашим правительством. Выступая на XXIV съезде партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указал на необходимость превращения Москвы в образцовый коммунистический город.

Как обрадовался бы Ленин, если бы увидел современный расцвет Москвы!

В. И. Ленин
и Н. К. Крупская

Впервые я побывала в кремлевской квартире Ульяновых в 1918 году, сразу же после того, как они туда переехали. Мне и еще одному товарищу было поручено в Моссовете поехать за Владимиром Ильичем в связи с предстоящим его выступлением на пленуме. Тогда же я познакомилась и с Надеждой Константиновной. Не думала я тогда, что в дальнейшем мне не только доведется слышать Владимира Ильича на сессиях Моссовета, съездах партии, конгрессах Коминтерна, но посчастливится наблюдать и Ленина и Крупскую в домашней обстановке — среди родных, друзей и знакомых в этой же кремлевской квартире и в Горках. Но это было позднее, уже после моего возвращения с фронта, когда я стала работать в непосредственной близости с Надеждой Константиновной в период 1920—1923 годов.

При первом посещении квартиры Ильичей сразу бросалась в глаза та непритязательность и строгость, которая царила там во всем: ничего лишнего. Простая скромная обстановка — мебель, посуда, какую можно встретить в любой рабочей семье. А ведь в Кремле было очень много стильной мебели из редких сортов дерева с инкрустацией, много гарнитуров роскошной мебели, покрытой позолотой, разноцветным шелковым штофом, очень много дорогой фаянсовой посуды с вензелями и царскими гербами. Все это, как известно, Ленин велел не трогать, сохранить.

С тех пор прошло много времени... Я не бывала здесь. И вот в 1970 юбилейном году с экскурсией Дома ученых снова посетила кремлевскую квартиру и Горки. Все было

как при них... На минуту я закрыла глаза, и мне почудилось, что я слышу душевный, тихий голос Надежды Константиновны, и казалось, что вот-вот зазвенит заразительный смех Владимира Ильича.

Едва только мы с товарищем очутились на пороге этой квартиры, как Надежда Константиновна поднялась нам навстречу, пригласила сесть за стол, за которым, очевидно, до этого они пили чай, предложив и нам по чашке чая. Она сказала, что Владимир Ильич уже готов и сейчас выйдет к нам. Затем она принялась расспрашивать нас: как идет работа в Совете, сколько депутатов и т. д.

Хотя Надежда Константиновна перекинулась с нами всего несколькими фразами, но все говорилось ею в таком задумчивом тоне, с такой подлинной заинтересованностью, что она произвела на нас большое впечатление. И это впечатление лишь усиливалось, росло, укреплялось по мере того, как позднее стала встречать ее чаще, работать с ней теснее и узнавать ее ближе.

Как-то в беседе с молодежью Надежда Константиновна сказала, что Владимир Ильич никогда не смог бы полюбить женщину, с которой он расходился бы во взглядах, которая не была бы товарищем по работе.

Это несомненно. Тридцать лет их дружной жизни, спаянной единой целью, высокой идеей и совместной революционной борьбой,—лучшее доказательство справедливости этих слов.

В это время Надежде Константиновне было под пятьдесят. Но выглядела она молодо, была статной и внешне очень привлекательной женщиной. Одета она была тогда в скромное темное платье с высоким стоячим воротником (правда, в дальнейшем она все чаще одевалась в платье типа сарафана и в светлую блузку с отложным воротником). Гладко зачесанные волосы собраны сзади в пучок. Крупская была красива, но не обычно встречающейся, а какой-то особой красотой. Она была прекрасна своим духовным обликом и огромным человеческим обаянием.

У нее было необыкновенно одухотворенное выражение лица. Высокий лоб, большие лучистые глаза цвета морской волны, в которых светилась доброта и улыбка,

красивый, хорошо очерченный рот. Во всей ее фигуре было что-то нежное, женственное, даже хрупкое. Мягкие жесты, плавная походка, тихий голос.

Нынешнему молодому поколению Надежда Константиновна Крупская обычно представляется старой женщиной, полной, даже грузной, глаза ее из-за обострившейся базедовой болезни кажутся выпуклыми. Таковы, к сожалению, ее «канонические» фотографии и портреты. Я должна сказать, что они даже в отдаленной степени не отражают ее облика в наиболее яркую пору ее прекрасной деятельной жизни, оставившей такой неизгладимый след в истории нашего общества. Кто видел тогда Н. К. Крупскую хоть раз — запомнил на всю жизнь.

А ее интерес и внимание к собеседнику, умение слушать, ее манера разговаривать, усадив человека рядом с собой, — все это точно магнитом притягивало к ней людей и сразу устраняло у них всякую робость. С первого же разговора, с первой же встречи она сразу настраивала людей на откровенность и доверие. Казалось, люди в ее присутствии делались лучше и чище. Впрочем, нет, не казалось, а это действительно было так. Позднее я читала у Герцена, что есть «женские лица, которые не останавливают, не поражают, но привлекают каким-то милым и доверчивым выражением и привлекают тем сильнее, чем это делается совершенно незаметно для нас... В таких лицах есть обыкновенно что-то трогательное, успокаивающее, и именно за этот покой, за эту каплю воды Лазарю, всегда больше благодарит душа современного человека, беспрерывно потрясенная, растерзанная, взволнованная». Мне кажется, что это в значительной степени может быть отнесено и к Надежде Константиновне. Потому что ни в ком еще мне не приходилось видеть такого полного воплощения всех этих прекрасных черт. И становилось непонятным, почти загадочным, как такая женщина была еще и столь деятельным, мужественным и стойким борцом-революционером.

Надо заметить, что, как бы ни был длинен и сложен путь, пройденный ею вместе с Лениным, она не растворилась в нем, не обезличилась, как это бывало порою с женами великих политических деятелей. Крупская сумела сохранить свою самобытную личность, самостоятельный, оригинальный ум и характер.

Современная молодежь знает о Крупской преимущественно то, что она была женой Ленина. Разумеется,

человечество всегда будет ей благодарно и никогда не забудет того, что она была самым близким и преданным другом Ленина, что она скрашивала его суровые дни в далекой сибирской ссылке (куда она, как невеста, отправилась сама, добровольно, вместо назначенной ей более близкой и легкой ссылки в Уфимскую губернию); что она облегчала ему долгие годы одиночества и тоски в эмиграции; что она тридцать лет шла с ним рука об руку по тяжелому пути преследований и борьбы и никогда с этого пути не свернула. Несомненно, уже одним этим Крупская заслужила, чтобы ее имя вошло в анналы истории.

Но сделанное ею не исчерпывается одним этим. Она была не только женой вождя мирового пролетариата — она была его соратником, его ближайшим помощником.

Крупская с юных лет, еще до знакомства с Лениным, приобщилась к революционному движению.

Маленькая Надя — единственная дочь Елизаветы Васильевны и Константина Игнатьевича Крупских росла в атмосфере любви, ласки и внимания, царивших в семье. Но она рано узнала о страданиях, нужде и угнетении людей из народа. Ее отец служил офицером. Его часть была расквартирована в Польше, входившей тогда в Российскую империю. Константин Игнатьевич, как человек прогрессивных взглядов, порицал жестокую расправу царского правительства с освободительным движением поляков. Он был против руссификаторской политики, которую проводили русские реакционеры в Польше. Этого было достаточно, чтобы уволить Крупского как неблагонадежного и предать суду. Семья познала нужду, гонения, скитания.

Надя с раннего детства слышала разговоры взрослых о несправедливости, жестокости, царящей кругом, о подавлении всяких свобод, об угнетении народа.

Позднее Надежда Константиновна стала сознательной, убежденной марксисткой. По ее собственному признанию, она пришла совершенно самостоятельно к марксизму в ту переломную пору, когда революционное движение оказалось в тупике. И Надежда Константиновна нашла выход из этого тупика. Она поняла, как сама писала, что не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение — вот где выход.

Характерно, что, познакомившись в 1894 году с

В. И. Лениным у Классона¹ (как известно, под предлогом вечеринки у него было устроено нелегальное совещание), Надежда Константиновна сразу же разгадала гениальную одаренность Ильича, многогранность, разносторонность, почувствовала все душевное богатство его натуры. И это вопреки мнению некоторых товарищей, знавших Ленина раньше и уверявших, что он, дескать, «сухарь» и ничем, кроме экономической науки, не интересуется. Здесь, несомненно, сказались ум, культура, интеллект Крупской и, если так можно выразиться, особая, ей свойственная женская интуиция.

Встретив Ленина уже убежденной марксисткой, глубоко верившей в неотвратимость победы социализма, она всю жизнь связала с ним свою судьбу. У некоторых вызывает недоумение, что, когда Ленин сделал ей предложение стать его женой, она ответила так «прозаично»: «Женой, так женой». Но в том-то и дело, что у них, помимо молодой влюбленности, было такое взаимное понимание, такая духовная общность, что высокие слова были не нужны. С той питерской поры, когда Владимир Ильич стал провожать ее домой после занятий в кружках, со времени тех воскресных дней, когда он заходил к ней, а она с энтузиазмом рассказывала о своей работе в воскресной школе (в которую была влюблена, и ее можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе), — им обоим стало ясно, что у них чувства и мысли едины и что они должны быть вместе.

Начиная с первого дня их совместной жизни Надежда Константиновна сделалась незаменимым помощником в теоретической и революционной работе Ленина. С нею он делился всем, что зарождалось в его уме, ей он читал тотчас же все, что выходило из-под его пера; ей первой отдавал он на суд все написанное им. Она была непосредственным участником всей его бурной организационной деятельности по созданию партии.

Это был длительный и трудный путь. Были тут и принципиальные расхождения с недавними единомышленниками и мучительный разрыв со вчерашними друзьями. Особенно трудно пришлось, когда вспыхнувшая мировая империалистическая война захлестнула многих волной шовинизма. Начались расколы, измены, предательства.

¹ Р. Э. Классон (1868—1926) — инженер, один из первых питерских марксистов.

Но на всех этапах этой острой политической борьбы рядом с Лениным стоит Надежда Константиновна, твердо уверенная в правоте его идей и дела.

Клара Цеткин как-то сказала: «Легче умереть за революцию, чем десятки лет бороться за нее!» А Надежда Константиновна десятилетиями работала в подполье. Она была и секретарем ленинской «Искры», и секретарем ЦК партии. Она одна держала в своих руках нити всей нелегальной работы в России. От нее эти нити шли во все концы Российской империи. На нее возлагалась отправка товарищей на нелегальную работу в Россию для укрепления партийных организаций. А ведь людей этих надо было отправлять тайными путями, чтобы охранка еще в дороге не сцапала их. Сколько требовала усердия, труда и изобретательности одна только заготовка паспортов. В недавно вышедшей за рубежом книжке с впервые публикуемыми письмами Ленина есть и письмо Крупской к жившему в эмиграции большевику Шкловскому: «Не можете ли раздобыть как можно больше заграничных паспортов (у латышей, у наших)... Отвечайте немедленно, как скоро и сколько штук можно достать. Начинайте собирать немедленно. Страшно занята и не могу сегодня написать о другом, хотя хотелось бы!»

А отсылка газеты в Россию из разных точек по всевозможным адресам, связь с агентами «Искры»! Крупская с самого начала (под именем Кати) вела из разных заграничных городов оживленную конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии. А ведь это было не просто: все письма необходимо было зашифровать. Надежда Константиновна сама писала одному своему старому товарищу, что таких писем ей приходилось составлять тысячи и тысячи. Это был титанический труд, длившийся не год и не два!

Одновременно с огромной партийно-организационной и политической работой Надежда Константиновна всю жизнь непрерывно совершенствовала свои знания в области педагогики, самостоятельно разрабатывала марксистские педагогические принципы. Вклад ее в эту область огромен. Она была первым педагогом-марксистом. И Ленин высоко оценил ее труд «Народное образование и демократия», написанный в эмиграции. В Крупской стойкий революционер и прекрасный педагог великолепно дополняли друг друга. Именно сплав этих двух качеств,

двух ее призваний и сделал ее тем, чем она была, есть и будет для советского общества, для советских людей.

Свое призвание педагога она хорошо использовала, когда создавалась советская государственная система. После победы революции Надежда Константиновна работала в области культурного строительства, основным лозунгом которого стало «Знания — массам!». Она была, как говорил А. В. Луначарский, «душой Наркомпроса».

Весь жар своего сердца отдала Надежда Константиновна наиболее слабой, наименее защищенной части человечества, которая больше всего нуждалась в опек, защите и воспитании, — женщинам, молодежи, детям. Еще на заре рабочего движения направила она свое пристальное внимание на положение женщин в современном обществе. Ее брошюра «Женщина-работница» вышла нелегально в 1901 году. После победы пролетарской революции Крупская отдалась также практическому делу раскрепощения женщин.

Как раз на этой работе мне посчастливилось сотрудничать с Надеждой Константиновной.

Вспоминаю, как по приезде с фронта в Москву я пошла в Центральный Комитет партии демобилизоваться и «распределяться» на новую работу.

В комнате секретаря ЦК РКП(б) Елены Дмитриевны Стасовой и в коридоре стоял сплошной гул. Кругом толпились демобилизованные; радостными возгласами встречали они старых товарищей, с которыми их разлучили разные фронты гражданской войны. Бойцы вспоминали минувшие дни...

Стасова была занята теперь распределением на работу демобилизованных товарищей. И невольно вспомнила я, как та же Елена Дмитриевна, не зная ни сна, ни отдыха ни днем ни ночью, составляла списки мобилизованных товарищей на разные фронты в 1919 году.

Грозный, боевой девятнадцатый год! Страна была в смертельной опасности. Пламя гражданской войны пылало уже во всех концах страны. Юденич угрожал Питеру. Колчак и чехи — на северо-востоке. А с юга Деникин рвался к Москве... Четырнадцать иностранных держав двигались на нас. Территория страны все сужалась, и наши сердца тоже сжимались от боли.

Всюду претворялся в жизнь призыв: «Советская рес-

публика, осажденная врагом, должна стать единым военным лагерем!» На расклеенных по городу выразительных плакатах художников Моора и Дени — призывные надписи: «Ты записался добровольцем в Красную армию?», «Защити революцию» и т. п.

Шли все новые мобилизации партийцев.

Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед!
Тревога, тревога, тревога!
Идет девятнадцатый год!

Наступила очередь идти на фронт и депутатам — членам исполкома, членам президиума и нам, сотрудникам Моссовета. Разумеется, Моссовет нельзя было закрыть наподобие райкома комсомола, повесив на его дверях объявление «Закрито по случаю ухода всех на фронт». Но Совет сильно поредел, многие его отделы работали уже не в полную силу. Характерен в этом отношении «Справочник центральных, московских и профсоюзных учреждений», выпущенный ВЦИК для нужд населения в 1919 году. На странице 218 мы читаем:

«Моссовет, телефон 64-20. Для телеграмм — Совдеп.
Члены президиума: Максимов К. Г. — на фронте
Русаков И. В. — на фронте и т. д.
Секретариат: Темкина А. Ф.
Виноградская П. С. — на фронте».

Да, наступил день, когда мы, мобилизованные из Моссовета, были вызваны в ЦК к Е. Д. Стасовой. Вместе с членами исполкома В. И. Соловьевым, Н. М. Мызикиным и другими была мобилизована на Южный фронт и я.

Мы терпели тогда временные поражения, и линия штаба Южного фронта проходила уже недалеко от Москвы: Рязань, Серпухов... На Южфронте, как и на других, была острая нужда в комиссарах. Всюду, где была опасность, выступали вперед коммунисты-комиссары. И не удивительно, что убыль этих смельчаков, шедших в самые жаркие бои и глядевших бесстрашно смерти в глаза, была огромной. Необходимо было срочно готовить комиссаров. При политотделе штаба Южного фронта были учреждены курсы по подготовке политкомиссаров. Заведующей этими курсами назначили меня. Пришлось срочно мчаться в Москву за лекторами по общественно-политическим предметам, опять к Стасовой в ЦК.

Она отнеслась весьма сочувственно и буквально за одну ночь мобилизовала очень квалифицированных преподавателей: С. И. Мицкевича, М. П. Павловича и Б. И. Рейнштейна. Все трое были весьма солидного возраста, очень уважаемые товарищи, работавшие на ответственных партийных и советских постах. Когда Ленин увидел Павловича в военной форме с ремнями через плечо и большим наганом сбоку, то сказал: «Боже, до чего же довела нас Антанта, если даже Павловича мы посадили на коня». Я, по правде говоря, была весьма горда, что, будучи сама молодой, везу на фронт такую «старую гвардию». Однако, к моему удивлению, в штабе проницательно заметили: «Ишь, каких мастодонтов сюда привезла! Один Сергей Иванович Мицкевич состоит в партии 101 год! — шутили они. — Где тут с ними возиться?» Однако преклонный возраст лекторов напрасно пугал кое-кого в штабе. Эти товарищи скоро приспособились к фронтовой обстановке и мужественно проделывали все трудные марши тех беспокойных дней и ночей.

И вот все это позади. На фронтах перелом и победа. Настроение у всех хорошее, бодрое, приподнятое. От сердца отлегло. Враг отогнан. Разумеется, Антанта не успокоится. Будут еще угрозы панской Польши. Но это впереди. А пока передышка. Пусть пока только передышка. А Ленин, который держит всегда руку на пульсе республики, уже поставил новый диагноз: на смену гражданской войне приходит война бескровная, военный фронт надо сменить трудовым. И в феврале на сессии ВЦИК, на IX съезде партии, а затем позднее на VIII съезде Советов Ленин рисует перед страной грандиозную перспективу ближайшего будущего еще кровоточащей молодой Советской республики — невиданное хозяйственное строительство, электрификацию...

Горячим энтузиазмом встретили трудящиеся ленинские планы. Всюду замелькали лозунги: «Все на фронт мирного строительства!», «Выше трудовую дисциплину!»

Так мысленно проходили предо мной картины недавнего прошлого.

Вдруг мои думы были прерваны. Кто-то меня окликнул: дошла моя очередь к Стасовой. Увидев меня в военной форме, Елена Дмитриевна сказала:

— Ишь каким военспецом заделалась! — а затем, чуть

улыбнувшись, добавила: — Впрочем, хорошо, что явилась. Как раз вовремя. Дело в том, что женкомиссия при ЦК преобразована в отдел по работе среди женщин. Вот и направим тебя туда!

Стасова меня точно ушатом холодной воды окатила: заделаться «женотделкой» вовсе не входило в мои планы.

У нас с фронтовыми товарищами был такой уговор: как только отвоюем, будем снова работать вместе в тех местах, где воевали с белогвардейцами, где еще дымились пещелища пожаров. Там будем помогать восстанавливать Советскую власть, поднимать из руин города, возрождать хозяйство. Уже формировались составы ревкомов, а я угодила в женотдел. Вот почему я попыталась протестовать. Но Стасова не слушала меня и продолжала свое:

— При отделе создается также специальный журнал, во главе которого будет Крупская. Тебе надо подробно поговорить с Надеждой Константиновной и с Инессой Федоровной Арманд.

Елена Дмитриевна была тверда, как кремь. Потребовав у меня военный аттестат, она наложила на нем свою резолюцию красными чернилами (он хранится у меня по сей день). На этом разговор был окончен, и она занялась следующими товарищами.

Вышла я очень расстроенная. Но зато как я потом была признательна Стасовой! Какое счастье было работать с выдающимися людьми — такими, как Крупская, Арманд, Коллонтай, Смидович и другие. И какой интересной, захватывающей была сама работа.

Стасова лучше, чем мы сами, знала нас, молодых, понимала, на какой работе мы будем полезней и еще сможем расти и учиться. Но мы это не сразу осознали.

«Абсолют» — такова ее подпольная кличка. В нем, в этом слове, была заключена вся суть Стасовой. Для нее не существовало жизни вне партии, которой она посвятила всю себя целиком.

Хочется сказать несколько слов о Елене Дмитриевне. Ее отец был адвокатом и весьма прогрессивным человеком. Он защищал перед судом видных революционеров, таких, как Каракозов и другие. Дядя Елены Дмитриевны В. В. Стасов — выдающийся искусствовед — был связан личной дружбой со всеми передовыми представителями мира искусства: живописи — «передвижниками», музыки — «могучей кучкой». Леля с детства жила в атмосфере музыки, литературы, поэзии, искусства. Но сама она

избрала путь непреклонной борьбы за свободу и счастье народа и с раннего возраста, вопреки воле родителей, примкнула к самому революционному течению, к большевикам. Этой партии она осталась верна до своего последнего вздоха. Себя самое Стасова называла «солдатом революции, солдатом ленинской гвардии». Это точно! Высокая, худощавая, строгая с виду, Елена Дмитриевна свою сдержанность и суровость подчеркивала и соответствующей прической и одеждой: зачесанные вверх волосы собраны на макушке в пучок, на носу — пенсне, мужская рубашка со стоячим воротничком, длинная, до пят, юбка, почти закрывающая высокие ботинки на шнурках — она носила их и зимой и летом. Между прочим, будучи позднее в Германии, я была поражена, встретив Стасову, которая была там на нелегальной партийной работе. Как умела она менять свою внешность, когда того требовала конспирация! Она выглядела «всамделишной» немкой и вполне респектабельной дамой. Другое дело у нас. Здесь она оставалась верна своим аскетическим привычкам и строгому стилю.

Но несмотря на кажущуюся строгость, суровый тон, Елена Дмитриевна была для нас, тогда молодых романтиков, прекрасным наставником и советчиком. Все мы, молодежь, работая в ЦК бок о бок с ней, многому научились у нее. Но она была для нас не только наставником, а сердечным, прекрасным старшим товарищем. И ко мне Стасова неоднократно проявляла чуткое, почти материнское отношение.

Вспоминаю один эпизод, который произошел еще до моего отъезда на фронт.

Как раз в тот поздний летний вечер 1919 года, когда я возвращалась домой, бережно неся мандат, подписанный Стасовой, о мобилизации меня на фронт, я увидела неожиданно у своей двери тоненькую худенькую девочку-подростка с очень бледным лицом. Она была вся в пыли. Не сразу я узнала мою сестренку Соню... Вместе со всей нашей семьей она жила в Харькове. Едва успела закончить гимназию, как на Украину нагрянули белые. Старший наш брат, большевик, студент медицинского института, был по доносу схвачен деникинской контрразведкой и зверски замучен. Соне удалось бежать и добраться до Москвы.

Усталая с дороги, она тут же уснула, я же не могла сомкнуть глаз всю ночь. Рано утром решилась все-таки

позвонить Стасовой и объяснить случившееся. По ее совету я отвела сестру к Марии Ильиничне Ульяновой, которую хорошо знала. Когда мы пришли к Марии Ильиничне, она была уже в курсе дела и сказала мне: «Поезжайте на фронт, мы ее никому в обиду не дадим».

Работая в «Правде» под руководством ответственного секретаря редакции М. И. Ульяновой, сестра прошла великолепную журналистскую школу.

И в другой раз Елена Дмитриевна проявила чуткое, товарищеское отношение ко мне. Это было уже после моего приезда с фронта.

Елена Дмитриевна была осведомлена о трагической гибели моего брата (некролог о нем был напечатан в «Известиях») и о том, что я ничего не знала о последних минутах его жизни, о месте его захоронения и т. п. Она сама мне предложила взять недельный отпуск, съездить в Харьков и выяснить подробно все обстоятельства. Более того, зная, что туда же к Сталину едет Надежда Сергеевна Алилуева, Елена Дмитриевна познакомила меня с ней, чтобы мы поехали вместе. Ах, как облегчила мне Надежда Сергеевна эту печальную поездку! Какой чудесной женщиной она оказалась! Это благодаря Стасовой мы с ней подружились... Память о Надежде Сергеевне до сих пор крепко запечатлена в моем сердце.

И в более поздние годы, когда Стасова была уже больна и слаба, она всегда очень отзывчиво относилась к товарищам и делала очень много, когда какие-либо обстоятельства требовали вмешательства ее как старейшего, авторитетнейшего и всеми уважаемого члена партии.

Прежде чем приступить к работе в отделе ЦК партии, я последовала совету Стасовой: повидалась сначала с Инессой Федоровной Арманд, а затем с Надеждой Константиновной Крупской. Поговорить с Инессой Федоровной для меня было легче и проще. Я ее знала еще с 1917 года — со времени ее приезда из эмиграции в Россию — и встречалась с нею позднее, на советской работе. А вот перед тем как отправиться к Надежде Константиновне, я, должна признаться, почему-то оробела. Ведь знала ее мало, да и совестно было отрываться от дел: она была загружена работой как член коллегии Наркомпроса. Я позвонила ей по телефону и с неуверенностью в голосе попросила уделить мне несколько минут.

Она не заставила меня долго ждать и вскоре приняла у себя дома. Сразу же, с первой минуты, всю мою робость, все мое смущение как рукой сняло. По обыкновению, Надежда Константиновна усадила меня рядом, попросила рассказать сперва о фронте, а затем перешла к делу.

Разумеется, подчеркнула Крупская, задача женотдела и нашего будущего журнала состоит не только в том, чтобы вовлечь женщину в социалистическое строительство, а также в том, чтобы освободить ее от тенет уродливого, прадедовского быта... Наша обязанность — обогатить новые планы советского строительства выдвижением целого ряда мероприятий, которые в первую голову коснутся женщин, облегчат их долю, уничтожат их закабаленность и нанесут удар по отжившим нравам старого мира. И все это тоже должен пропагандировать вновь создаваемый журнал. Все наболевшие проблемы должны там всесторонне освещаться... Владимир Ильич, сказала она, придает очень большое значение этой работе. Не может быть социалистического строительства, если огромная масса трудящихся женщин не примет в нем участия. И, добавила Крупская в заключение, нам предстоит большая и благородная работа — всколыхнуть огромные, нетронутые еще пласты... Эта работа очень интересная и нужная. Она захватит вас.

От Надежды Константиновны я ушла убежденной «женотделкой».

В дальнейшем мне довелось неоднократно быть свидетельницей исключительно внимательного и заботливого отношения Владимира Ильича к Надежде Константиновне. Вспоминаю в связи с этим первое организационное заседание, посвященное нашему журналу, которое состоялось в Горках. Совершенно неожиданно оно завершилось скромным празднованием дня рождения Надежды Константиновны, о котором она сама позабыла, и вспомнил об этом лишь Владимир Ильич.

Надежда Константиновна сказала Инессе Федоровне Арманд и мне:

— Мы пробудем в Горках с Владимиром Ильичем часть субботы и все воскресенье. Приезжайте. Обсудим вопрос о характере журнала «Коммунистка», о предполагаемом составе редколлегии. Там никто не помешает нам. Поговорим обо всем подробно.

И вот нас везет высокий квадратный черный автомо-

биль, имеющий вид старомодного ландо. По обеим сторонам московских улиц тянутся непрерывными шпалерами снежные сугробы. Из-за них домов почти не видно. Лишь торчат выведенные в форточки окон задымленные трубы «буржук» — железных печурок, которыми отапливались в ту пору дома. Снег не вывозили. Дворники сгребали его в кучи, и сугробы росли и росли.

По дороге в Горки я продолжаю выкладывать Инессе свою обиду на Елену Дмитриевну Стасову.

— Нет, Инесса Федоровна, я тогда в ЦК чуть не заплакала от обиды. Скажу вам откровенно, от слез меня удержала только моя «фронтная форма». Я твердила себе: «Военному человеку слезы не к лицу».

Инесса смотрит на меня, едва сдерживая улыбку. Я еще в военном: на мне бекеша, папах, валенки и походная сумка. Инесса Федоровна просит рассказать подробнее о фронтовых делах. Я рассказываю.

Одна за другой встают перед глазами картины недавних боев, отдельные эпизоды. Как мы были окружены конницей Мамонтова в районе Козлова осенью 1919 года, как мы отчаянно отбивались и вышли наконец из мамонтовского окружения. Как грязные, всклокоченные, босые, почерневшие от пережитого брели пешком и добрались наконец до штаба Южного фронта лишь на вторые сутки, где о нас, как о погибших, В. И. Соловьев (член Реввоенсовета фронта) и другие строчили уже некрологи, и как мы потом сами читали их. Некоторые из спасшихся тогда вместе со мной (например, А. Перельсон, заместитель начальника политотдела фронта) погибли вскоре на польском фронте.

Постепенно оживляясь, я рассказываю о том, как произошел перелом, как мы стали одерживать победу за победой, отвоевывая отнятые у нас города, и наконец прижали врага к морю.

Но вот шофер поворачивает круто. Показались деревянные домики. В окнах светятся маленькие огоньки. И вдруг вырвались на яркий свет — впереди показался большой освещенный дом.

Мы въехали в великолепный, запущенный снегом парк. Огромные дубы и клены стояли в зимнем убранстве. Высоченнейшие ели как будто протягивали нам свои пушистые лапы. Нас несколько удивило, что так ярко освещен весь дом. Точно ждут гостей. Было известно, что Владимир Ильич не любил «огромное зало» — как выра-

жалась Олимпиада Никаноровна, помогавшая в доме по хозяйству, — с массивной бронзой, претенциозной мебелью и золочеными рамами портретов двух семей: фабрикантов Морозовых и московского градоначальника Рейнбота, который получил имение Горки в приданое, женившись на вдове Саввы Морозова.

Нас встретили внизу Надежда Константиновна и Владимир Ильич. Мы были несколько озадачены необычной торжественностью. Владимир Ильич, видя наше смущение, сказал, потирая руки, с заговорщической хитринкой в глазах:

— А сегодня у нас день особенный — день рождения Надежды Константиновны.

Инесса Федоровна, несколько обескураженная и смущенная, сказала:

— А я-то как опростоволосилась. Совсем из головы вышло. Из-за работы и повседневной сутолоки обо всем на свете позабудешь. Мы ехали на заседание... Ну какое же заседание в такой день? — сокрушалась она. — И как же это я забыла!

А Надежда Константиновна ей в ответ:

— Ну, вот еще придумали! Кто же в такое горячее время обращает на это внимание? Это ведь не старые времена: жизнь в Шуше или тихой Швейцарии.

Между прочим, как я узнала впоследствии, приехала в тот вечер сюда и Мария Ильинична, отлучившись из «Правды», несмотря на спешную работу, чтобы по-семейному отметить это торжество. Мария Ильинична, или «хозяйюшка», как называли ее в кругу родных, была хранительницей семейных традиций. Но она очень огорчилась, узнав, что Надежда Константиновна в такой вечер назначила заседание, и сразу же уехала обратно в Москву.

Когда мы уселись, Владимир Ильич сказал, лукаво улыбаясь:

— Мы с Маняшей даже сюрприз устроили по такому случаю.

Надежда Константиновна вопросительно посмотрела на Владимира Ильича своими добрыми глазами, да и мы были очень заинтригованы.

Едва он успел произнести эти слова, как перед нами выросла Олимпиада Никаноровна (в быту — Никаноровна). Она была работницей с Урала, и Владимир Ильич, по словам Надежды Константиновны, находил, что в ней силен «пролетарский инстинкт». Сидя порой на кухне за чае-

питием, Ленин любил потолковать с ней о грядущих победах.

Никаноровна обеими руками торжественно держала на большом блюде круглый румяный пирог, который она внушительно и энергично поставила на стол.

— О какая прелесть! Настоящий, всамделишный, румяный пирог — это действительно сюрприз! — воскликнула Инесса.

— И роскошь по нынешним временам, — добавила несколько смущенная Надежда Константиновна. — А главное, все делалось в глубокой тайне от меня. Вот заговорщики-то! Это действительно сюрприз! — сказала она, теперь уже улыбаясь, видимо, тронутая вниманием Владимира Ильича, и добавила: — Ну что ж, пирог так пирог. Давайте-ка резать его и есть.

И тут же приступила к делу. Чай уже был подан. Она сначала ножом слегка провела по верху пирога, намечая равные куски, и хотела его клинообразно разрезать. Да не тут-то было! Едва она воткнула нож, как пирог стал рассыпаться на отдельные кругленькие желтенькие крупиночки, которые стали выпрыгивать из плоского блюда на скатерть. Попробовала еще раз. Пирог явно расползался. Она тыкала ножом, как тот аист, который стучал длинным клювом по тарелке с тонко размазанной кашей, но не могла ухватить ни одного куса. Смущенная Надежда Константиновна, у которой рука вместе с ножом вопросительно повисла в воздухе, сказала:

— Очевидно, за годы революции я разучилась резать пирог, попробуй ты, Володя.

Тут снова появилась Никаноровна, тревожно следившая за этой процедурой. Смущенно она пояснила:

— Ни вы, Надежда Константиновна, ни Владимир Ильич и никто другой не сможет разрезать этот пирог, потому что он неправильный. Не по правилам сделан! Но моей вины тут нет. А виноват во всем, теперь скажу откровенно, Владимир Ильич.

— Вот те на! — вырвалось у Крупской.

Никаноровна продолжала:

— Приходит ко мне вчера Владимир Ильич и говорит: «У Надежды Константиновны будет день рождения, хорошо бы как-нибудь отметить, что ли, пирог испечь, но держать это надо в строгой тайне от нее, а в последнюю минуту, когда она ничего не будет подозревать, подадим к чаю». Я говорю: «Будьте спокойны — секрет удержу.

И как хорошо все получается — нам как раз прислали с Украины муки и яичек, словно знали, когда прислать». А он говорит: «Насчет муки и прочего я уж отдал распоряжение, чтобы все это без остатка отдать в детский дом». Я всплеснула руками и говорю: «А из чего пирог-то испечь? Ведь нужна мука!» Владимир Ильич отвечает: «Ну, сделайте из какого-нибудь другого материала». А я спрашиваю: «Из какого же такого другого материала делают пирог? Известно, только из муки». А он: «Вы, Никаноровна, такой мастер, придумайте из чего другого». Думала я, думала, ничего не придумала, кроме как попробовать сделать из пшена — единственный «материал», что у нас есть. Да опять же без яичек никакой пирог не склеится. Вот я и решила пару яичек из этой посылки прихватить. И надо же такому случиться. Только я эти яички вынула, как на беду зашел за чаем «сам» и настиг меня на этом. «Вы что же приказ выполняете формально — часть отдать, а часть оставить?! Хотите меня перехитрить — не выйдет!» — говорит Владимир Ильич. Я застыдилась. Пирог-то хоть из пшена или какого другого «материала», но уж без яйца — никуда. И вот какой срам получился — не пирог, а бог весть что. Но я тут не виновата, это все вина Владимира Ильича.

Владимир Ильич слушает и молчит, как провинившийся школьник, а Надежда Константиновна утешает Никаноровну:

— Ну, не стоит расстраиваться из-за такого пустяка. Пирог этот, как настоящий, и корочка сверху румяная, как полагается. Дайте-ка нам ложки, и мы съедим его на славу!

Надежда Константиновна стала черпать ложкой «пирог» и раскладывать нам на тарелки. Мы принялись есть рассыпчатую сухую пшенную кашу. А Инесса, хитро улыбнувшись, говорит:

— Да, Надежда Константиновна права: по форме это настоящий пирог. Ну, а что по существу — неважно... Главное, чтобы по форме было все правильно... — и посмотрела многозначительно на Владимира Ильича.

Тут Ленин схватился за голову и говорит:

— Вот именно только по форме... А я борюсь нещадно с бюрократами, у которых по форме все обстоит правильно, а по существу... А теперь сам попал в компанию бюрократов. Вот какой пример я подаю другим!

И захохотал своим громким, заразительным смехом.

Вспоминаю другой эпизод, происшедший позднее. Надежда Константиновна обещала выступить на совещании завгубженотделов, созванном отделом по работе среди женщин при Центральном Комитете партии.

Отдел развил уже большую деятельность. И на местах росла активность женотделов. Осенью 1920 года решено было устроить Всероссийское совещание заведующих женотделами. Съехались женщины, обогащенные опытом, хозяйственные... Это были уже люди с государственным кругозором. С ними надо было обсудить новые задачи, встающие перед страной, перед партией. Показать им, как воплотить все это в практические, конкретные дела, указать место и роль женских масс в проведении и осуществлении плана намеченных работ.

В день открытия совещания Александра Михайловна Коллонтай предложила мне поехать за Надеждой Константиновной.

— Вы с нею договаривались о дне и часе — вы и поезжайте за ней.

И вот я в кремлевской квартире Ульяновых. Крупская, точная, как всегда, уже готова к поездке. Быстро надевает шляпу и пальто. Миновав часового, спускаемся по лестнице. Но едва я внизу открываю дверь, чтобы пропустить ее вперед, как вдруг послышался сверху оклик:

— Надя, муфту забыла!

Надежда Константиновна делает быстрое движение вперед и шепчет:

— Идем скорей.

Но я все же задерживаюсь, ведь это как будто был голос Владимира Ильича. Поднимаюсь немного по лестнице, гляжу — и действительно на верхней площадке стоит Владимир Ильич. В протянутой руке держит муфту.

До меня допосыт слова часового:

— Товарищ Ленин, дайте мне муфту я побегу и догоню их, не бежать же вам.

— А винтовка? — спрашивает Ленин.

— Дык вот же я вам даю — вы подержите ее, а я вмиг сбегая, и в момент назад, — отвечает часовой.

— Как же вы мне даете вашу винтовку? — спрашивает Ленин.

— А кому же — именно вам. Вам не только винтовку, а жизнь свою отдам, — ответил часовой.

— Винтовку никому нельзя доверить, даже мне, —

сказал Ленин. — Вы присягали, а это значит, что нельзя винтовку выпускать из рук, ее надо крепко держать до последнего вздоха, а жизнь можно отдать только за родину, за Советскую власть, за партию, за народ, но не за меня.

Часовой смутился, стал переминаться с ноги на ногу и что-то бормотать.

Ленин махнул рукой. В эту минуту я окликнула его и быстро побежала вверх. Взяла у него муфту и стремяглав спустилась вниз.

Надежда Константиновна, сидевшая уже в машине с выражением нетерпения, спрашивает:

— Что вы так долго?

Заметив муфту, говорит:

— Ах, все-таки всучил ее вам.

Я недоуменно спрашиваю ее:

— Ну, как можно, ведь он беспокоится, что вам будет холодно.

Она отвечает:

— Ах, вы не знаете, в чем дело. Муфта имеет свою историю... Как-то собирались мы с ним ехать на митинг. Стоим уже совсем одетые, готовые к выходу, а он вдруг обращается ко мне: «Надя, а перчатки ты забыла надеть». Это перчатки, которые он мне подарил, а их у меня уже нет. Но, чтобы отвести этот разговор, сую руки в карманы, делая вид, что их достаю — и бегом к двери. А он что-то уже заподозрил, преграждает мне дорогу. «На дворе мороз. Нельзя без перчаток, руки отморозишь. Где перчатки? Забыла?» Я отвечаю уклончиво. Ему уже ясно, что перчаток нет. Ну пришлось сознаться: приезжала в Наркомпрос старая учительница издалека, пришла ко мне в кабинет. Гляжу: вся она синяя, замерзла, пальтишко худое, перчатки совсем рваные. Уговорила, хоть мои перчатки взять. «Все ясно», — сказал Владимир Ильич и, обратившись к стоявшей тогда рядом с нами Марии Ильиничне, добавил: «Ну, теперь ей больше перчаток покупать не надо, а придется достать муфту и обязательно на шнурке. Муфту уж никому не навяжет». Надо же такое для меня придумать. И что же? Добыли вот эту муфту, да еще на шнурке, как мы носили когда-то, когда учились в гимназии. Так то было в гимназии, а теперь... Просто насмех! Вот так решил Ленин преподать урок. И кому, спрашивается? Мне, педагогу!

Я молчала и думала: какой же дух внимания, взаимной

заботы, товарищеской помощи, дружбы и любви царит в этой семье, начиная с великого и кончая самым малым.

Известно, что Ленин заезжал за Надеждой Константиновной в Наркомпрос, чтобы повести ее пообедать во время, ибо она задерживалась долго на работе. А как он тревожился, когда она болела. И так всегда вплоть до мелочей: засидевшись до глубокой ночи в своем кабинете, Владимир Ильич тихонько приходил домой и грел себе сам чай — лишь бы не потревожить ее сон.

Даже тяжело раненный, в августе 1918 года, находясь буквально на грани жизни и смерти, Владимир Ильич, увидев, как она, взволнованная, примчалась с работы, собрался с последними силами и заботливо сказал:

— Ты устала, пойдй ляг.

Он относился к ней в полном смысле этого слова по-рыцарски. В этом пришлось мне убедиться неоднократно.

Заседания редакции журнала «Коммунистка», как правило, происходили у Надежды Константиновны в кремлевской квартире или же в Горках, чтобы беречь ее время и силы. К тому же редколлегия (не в пример редакциям прежних и нынешних журналов) была очень малочисленная и свободно уместалась в ее маленькой комнатке.

Наша редакция была утверждена Оргбюро ЦК в таком составе: Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, К. И. Николаева, автор этих строк и другие. Николаева, которая работала в Петрограде, хотя и не приезжала в Москву на заседания редакции, но была в курсе всех наших планов и очень много делала для журнала (именно она наладила нам печатание журнала в питерской типографии, так как московские типографии были очень перегружены).

Мы обычно заседали в комнате Надежды Константиновны — маленькой, очень скромно обставленной. Там стояла кровать, покрытая клетчатым пледом, над кроватью висел портрет маленького Ильича, рядом — небольшой дамский письменный столик и шифоньерка. Позднее мы стали заседать в столовой. Это когда к нам присоединился Михаил Степанович Ольминский. Он написал Крупской, что ему очень понравился журнал, и он «хотел бы быть ему полезным». Надежда Константиновна охотно пригласила его. Она хорошо его знала как очень

опытного и талантливого партийного журналиста, старого члена партии. (Он выступал в прошлом под псевдонимом «Галерка».)

Но и столовая Ильичей была очень тесной. В ней умещались только обеденный стол, несколько стульев, буфет и часы. Зато в Горках столовая была просторной.

Заседания эти незабываемы. Ни малейшей официальности. Всегда царила свободная, непринужденная атмосфера. О чем только на них не говорилось! И о формах семьи в настоящем и будущем, и о морали нового общества, и о проблеме детей. Помню, Александра Михайловна Коллонтай любила заводить спор о том, какой будет форма семьи при коммунизме.

Сама Коллонтай была убеждена, что при коммунизме никакой семьи не будет, поскольку отпадут не только все хозяйственно-бытовые заботы, но и заботы о детях, об их воспитании. Она поэтому решительно заявляла:

— Можно логически вывести, что брак при коммунизме не будет носить формы длительного союза.

На одном из заседаний Крупская очень тактично заметила, что вопрос о форме семьи при коммунизме — вопрос будущего, о котором сейчас можно только гадать, ибо все зависит от многих, нам в данное время еще неизвестных слагаемых.

Надо заметить, что теория Коллонтай была подхвачена мелкобуржуазными слоями, ожившими в годы нэпа, и стала весьма модной. Когда Александра Михайловна начала все чаще выступать со статьями, докладами, брошюрами под названием «Любовь пчел трудовых», «Дорогу крылатому Эросу» и т. п., где воспевалась полная свобода половой любви, основанной только на сексуальном чувстве, Надежда Константиновна на заседании редакции предложила соответственно ответить, чтобы эта точка зрения не принималась как директивная, поскольку журнал был органом Центрального Комитета партии. Редакция открыла дискуссию на страницах журнала и предложила читателям высказаться по этому вопросу. Выступили мы и на страницах других журналов. В «Красной Нови», например, в 1923 году была помещена моя статья «Вопросы морали, пола и тов. Коллонтай». Эту статью предварительно просмотрела и одобрила Надежда Константиновна.

Крупская сама выступила в журнале «Коммунистка» с большой статьей, посвященной первому революционному

кодексу о браке — «Брачное и семейное право в Советской республике», где шаг за шагом разъясняла женщинам их новые права.

Надежда Константиновна очень любила людей, но многих, по ее мнению, следовало перевоспитать, изменить, улучшить, чтобы стали они счастливее. Она часто повторяла на наших заседаниях, что социализму нужны не только новейшие огромные фабрики, заводы, сельскохозяйственные предприятия, но и духовно растущие люди. И постоянно подчеркивала, что перед нами, наряду с задачами вовлечения все новых и новых женских масс в хозяйственное строительство, стоит еще одна возвышенная, важная цель — воспитывать эту наиболее тогда отсталую, униженную часть общества в новом духе. Что здесь нужна длительная, кропотливая и терпеливая работа с каждым человеком в отдельности и что только по мере роста каждого индивидуума будет создаваться спаянный единством цели и чувств социалистический коллектив. Тогда для каждого будет неотделимо «я» и «мы». Несколько ее статей были посвящены этой теме.

Почти все самые серьезные, как тогда говорили, «руководящие» статьи в нашем журнале писала Н. К. Крупская. Я листаю сейчас комплекты этого журнала. Пожелтевшие, полуистлевшие от времени, серые страницы ломаются в руках. Бледный шрифт почти стерся. Но как горячи, как страстны статьи Крупской! Каким боевым революционным духом веет от них! Они затрагивают все проблемы тех грозных лет. Увязаны крепко с жизнью, с практикой, указывают трудящимся женщинам на стоящие перед ними задачи не только в общих перспективных планах страны, но на каждом этапе ее развития, на каждом крупном переломе. Вот, например, статья «Работницы в советском строительстве». В ней она пропагандирует идею «орбаченкя» советского аппарата, обучения женщин управлению и работе в самих же советских учреждениях. Это как бы «добровольные» женские депутаты. Крупская очень поощряла систему делегатов и делегатские совещания, инициатором которых была И. Ф. Арманд. Эти совещания сочетали в себе учебу работниц и их практическую работу по государственному управлению и борьбе с бюрократизмом.

Как сияли глаза Надежды Константиновны, когда она на съездах и совещаниях слышала умные, дельные выступления женщин, ставших директорами фабрик,

сделавшихся председателями сельсоветов, волисполкомов. Она неустанно следила за работой и ростом многих из них, состояла с ними в переписке.

Когда прошел в сложной обстановке X съезд партии, в «Коммунистке» появляется статья Н. К. Крупской «Итоги X партийного съезда и наши задачи». Партия применяет гибкую тактику, осуществляет переход от prodразверстки к prodналогу, и Надежда Константиновна выступает со статьей «Новая экономическая политика и задачи работниц».

Когда надвинулась на страну новая беда — голод в Поволжье, — Крупская первая выступила со статьей о помощи голодающим, о той конкретной роли, которую женщины должны были сыграть в этом деле.

И разумеется, Крупская писала неоднократно в журнале на тему о коммунистическом воспитании детей, о системе школьного образования.

Надежда Константиновна, как известно, всегда боролась в теории и на практике за идею единой политехнической школы. И на заседаниях редакции она убедительно доказывала, что обучать школьников надо не ремесленному труду, а труду, стоящему на высоте современной, новейшей техники. Она доказывала, что в школе должна существовать самая тесная связь между учебой и общественно-производительным трудом.

Несмотря на доброе сердце, у Крупской тоже были свои симпатии и антипатии. Но в отличие от других, она никогда не переносила это на деловые отношения и охотно и уживчиво работала со всяким, кто только приносил пользу делу. Она никогда не вносила в рабочие отношения личных моментов.

На одном из заседаний редакции Надежда Константиновна поставила перед нами задачу собрать материалы о женщинах — жертвах гражданской войны и кулацких восстаний, чтобы на примере их героической жизни воспитывать подрастающее поколение.

— Чтобы никто не был забыт, — предупреждала она. Это было делом далеко не легким: еще не окончательно утихла гражданская война. Но тем не менее скоро на страницах нашего журнала появились фотографии и краткие биографические сведения о безвременно погибших товарищах.

Мы также собрали материалы и опубликовали некро-

логи о тех, кто, подорвав свое здоровье еще в царских тюрьмах, стали первыми жертвами эпидемий, свирепствовавших в стране в период гражданской войны.

Разумеется, журнал отозвался на трагическую гибель Розы Люксембург, Жанны Лабурб и других борцов — деятелей международного революционного движения.

Как я уже говорила, на заседаниях редакции царила очень непринужденная атмосфера. За деловой частью — составлением плана номера, обсуждением статей — обычно следовала «товарищеская часть». За чашкой чаю разговаривали, спорили на самые разнообразные темы: о литературе, искусстве, новостях науки, последних телеграммах из-за границы. Однажды, помню, говорили о поэме Блока «Двенадцать», о своеобразном восприятии им революции. А то вдруг загорался спор о левом направлении в живописи и декоративном искусстве — о Кандинском и Татлине, или о поэзии Маяковского, о театральных постановках Мейерхольда. И все это перемежалось обычно с обсуждением только что полученных тревожных политических новостей: ноты Керзона, угрозы панской Польши и т. д.

А как интересны были обсуждения статей, полученных журналом. Ведь на страницах «Коммунистки» выступал и В. И. Ленин. В связи с созывом Второго конгресса Коммунистического Интернационала и Первой Международной конференции коммунистов он написал статью специально для нашего журнала.

Среди наших авторов были также Луначарский, Семашко, Ярославский, Куйбышев и другие видные деятели Советского государства и в то же время великолепные литераторы.

Сотрудничали в «Коммунистке» и многие видные деятели международного коммунистического движения: Вайян-Кутюрье, Клара Цеткин, Бомбаччи, Сен-Катайма, Мархлевский, Варга и другие. В этом, разумеется, немалую роль играло личное обращение к ним Надежды Константиновны. Кто мог ей отказать в чем-либо? Вообще ей мы были обязаны отчасти и тем, что в пору, когда типографии то и дело останавливались и почти не было бумаги, наш журнал все же удавалось издавать.

Да и Владимир Ильич с самого начала проявлял интерес к «Коммунистке» и помогал. Он присутствовал на

нашем первом, организационном заседании. И когда было предложено сделать журнал исключительно теоретическим, Ленин заметил:

— Здесь «гелертерство» не обязательно. Надо держаться ближе к «зеленому дереву жизни».

Он тут же сформулировал кратко и ясно стоявшие перед журналом задачи. Особенно он подчеркнул, что, вовлекая огромные массы женщин в строительство, надо принять все меры, проявить всяческую инициативу, поднять все «женские» вопросы, чтобы высвободить силы и время женщины от загруженности непроизводительным трудом по домашнему хозяйству. Больше прислушиваться к их нуждам, чтобы наконец сделать тяжкую «долюшку русскую, долюшку женскую» счастливой, светлой. Особое внимание советовал он уделять письмам женщин — этим самым красноречивым человеческим документам. И в дальнейшем Ленин часто заходил на наши заседания. То ли потому, что они происходили тут же рядом, в квартире, и он, имея несколько свободных минут, заглядывал, то ли иногда ему надо было что-то спросить у Надежды Константиновны или у кого-нибудь другого из членов редколлегии.

Но как бы Ленин ни торопился, как ни дорожил он временем, которого всегда у него было в обрез, если на наших заседаниях читались письма, он обязательно оставался послушать одно-другое.

Надо сказать, что в редакцию «Коммунистки», как только было объявлено о предстоящем ее выходе, сразу же стало поступать много писем. И интересно, что большинство из них было адресовано лично Крупской, не только как «Лениновой жене» или «женской редакторше» (так тоже адресовали ей), а как человеку, о котором шла молва, что она добрейшая и справедливейшая. Действительно, она была по натуре очень добрым, отзывчивым человеком. Если Ленин, по меткой характеристике одного рабочего, был «прост, как правда», то о Крупской работница Калыгина сказала: «Естественна и щедра, как сама природа». В Наркомпросе ее звали: «Комплекс доброты и бескорыстия».

В народе, особенно среди трудящихся женщин, шла молва о ее «золотом сердце». Письма к ней — самые разные — шли непрерывно. Когда Надежда Константиновна в 1919 году уехала с агитационным пароходом по Волге и Каме, она продолжала интересоваться ими. Ленин ей

писал тогда: «Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать, что можно». А разбирать многочисленную почту, поступавшую в редакцию «Коммунистки» на имя Крупской, стало нелегким делом с самого начала. Чаще всего к ней обращались женщины, обремененные детьми: ведь они больше всех страдали от голода, холода, разрухи в стране, от распада семьи и семейных неурядиц, характерных для тех лет.

Доброта Надежды Константиновны, ее гуманность поддерживали и согревали людей. Но это была не абстрактная гуманность, не гуманизм вообще.

Одно письмо, которое Надежда Константиновна прочитала в присутствии Ленина, запомнилось мне на всю жизнь. И не только потому, что самый факт, о котором говорилось в письме, вызвал активное возмущение Владимира Ильича, но потому, что Ленин, прослушав его, посоветовал Надежде Константиновне самой выступить в печати. Не исключено, что именно это письмо послужило в дальнейшем толчком и для важного государственного решения.

Письмо это было от работницы Прохоровской мануфактуры. Она рассказывала, что решила поехать одна в деревню за хлебом, не стала дожидаться, пока поедет продотряд рабочих от их фабрики за хлебом для всего коллектива. (Напомним, что Ленин для борьбы с мешочничеством и расстройством транспорта и, главным образом, — для изъятия хлеба у кулаков еще раньше, в 1918 году выдвинул идею создания продовольственных отрядов из рабочих заводов и фабрик и следил за тем, чтобы местные власти оказывали им содействие.) Эта работница писала далее, что не в состоянии ей было глядеть, как восьмилетняя дочка Аксютка, бледная, иссохшая, с ввалившимися щеками и глазами, полными слез, дено и нощно молила: «Мама, дай хлебушка!»

Собрав в узел все, что имела — костюм мужа, погибшего в первую мировую войну, шаль, в которой венчалась, она уехала, оставив Аксютку у знакомой вдовы-солдатки. После долгих мытарств, хождения по деревенским избам, переговоров с мироедами-кулаками, она попала наконец в одну из «теплушек» товарного поезда, где было холодно и темно. Задремав, счастливая, что везет муку, она увидела сон, как Аксютка медленно и осторожно ест выпеченные из этой муки лепешки и щечки ее розовеют.

Вдруг на остановке в теплушку ворвались два вооруженных молодца. Назвав себя заградительным отрядом и высоко держа над ее головой фонарь, они потребовали у нее показать, что в мешке. Женщина заплакала, просила ради дочки не отнимать муку. «Нехай везет», — сказал меньшей из парней и выпрыгнул из теплушки. А другой задержался и накинулся на нее, цинично буркнув: «Хлеб нынче дорог, а тело дешево». Мuku-то она спасла, да слишком дорогой ценой. «Что делать мне теперь с ребенком, который должен народиться? И зачем мне это дите, ведь лишний рот? — с горечью вопрошала женщина. — Остается одно — только руки на себя наложить». Так заканчивалось это письмо.

В кабинете Надежды Константиновны воцарилось молчание. Первым заговорил Лепин:

— В комментариях этот вопиющий факт не нуждается. Но ограничиться помощью одной женщине нельзя и недостаточно. Ясно также, что в заградительные отряды стараются пробраться мародеры и вредители с целью грабежа и насилия. Этому отребью, их глумлению над беззащитными женщинами вся общественность должна объявить войну. А государство должно издать против них строжайшие законы, должно карать их жестоко, вплоть до расстрела. Но есть тут, — продолжал Владимир Ильич, — еще одна сторона: суровой правде в глаза надо смотреть прямо, надо открыто и смело касаться наиболее болезненных вопросов. Скажем, таких, как вопрос о детях, которые появляются на свет помимо воли матери. О детях, которые являются на свет уже потенциальными беспризорниками. И вообще пора прессе во весь голос заговорить о женской доле, о такой, какая она есть и какой должна стать. Надо широко и правдиво освещать эти вопросы.

Надежда Константиновна написала статью. Она называлась «Война и деторождение». В ней от драматического эпизода из жизни одной работницы Крупская поднялась до общих важных проблем, которые выдвигала та трудная переходная эпоха.

Поразительно, как мало изучено и исследовано литературное наследие Надежды Константиновны. Никто не задумался над причиной появления этой статьи на столь щепетильную тему, касающуюся интимной стороны жизни женщины. Всякий, кто прочтет эту статью, удивится тому, как Надежда Константиновна, никогда не имевшая детей, сумела так тонко вникнуть в психику и пережива-

ния женщины-матери, удивится ее умению зорко присматриваться к жизни, ее проницательности, знанию реальной действительности. И наконец, какую смелость и правдивость она проявила: рассматривая такой болезненный вопрос, Крупская не побоялась обнажить самые отвратительные язвы и уродства того тяжелого времени. И при этом такая объективность и широта взглядов! И еще одно: касаясь интимных, деликатных вопросов, она никогда не вносила сугубо личных оценок, не навязывала своих личных вкусов, никакого субъективизма!

В статье она писала: «Гибель мужей на войне, эвакуации, стоянки армий, голод — все это способствовало брачным связям, заключенным на новой основе и носившим временный характер, заведомый для обеих сторон... Однако в современных браках, — замечает Крупская, — существует своя страшно темная сторона... Нищета заставляет продаваться, продаваться не проститутку, которая делает из этого промысел, а мать семейства, часто ради детей, ради старухи матери. Жертва Соии Мармеладовой¹ стала бытовым явлением, только рассматривается ее жертва как простой эпизод поездки за хлебом. И явления первого порядка — связи временной по взаимной симпатии, и связи второго порядка (связь из-за куска хлеба) одинаково делают мать единственным лицом, на которое ложится вся тяжесть вскармливания и воспитания ребенка...»

«До тех пор, — писала Крупская, — пока матери не обеспечена возможность родить, вскармливать, воспитывать ребенка во вполне благоприятных условиях, пока этого нет, пока государство этого еще не организовало, — надо дать матери возможность отказываться от материнства с наименьшим ущербом для ее здоровья и душевных сил...»

Общий выход из этого тяжелого положения она видела в следующем:

«Тот, кто серьезно хочет, чтобы с порядка дня сошли все эти кошмарные вопросы о детоубийствах, об абортах, средствах предупреждения, тот должен, не покладая рук работать над строительством новой жизни, где материнство займет подобающее ему место».

Мне запомнилось еще одно письмо, которое Крупская прочитала на другом заседании редакции. Оно касалось

¹ Героиня романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

юношеского движения. И это было не случайно. Ведь Надежда Константиновна так же горячо, как о женщинах, заботилась и о молодежи, была очень тесно связана с нею. Она даже принимала участие в разработке устава комсомола. Недаром ее считают одной из зачинательниц комсомольского движения.

Она учила молодежь сливать личную жизнь с жизнью общественной. Она неоднократно утверждала, что это не аскетизм. Благодаря этому личная жизнь обогащается. Общественные интересы вносят такие яркие и глубокие переживания, которых никогда не давала уединенная мещанская семейная жизнь.

Крупская лучше многих других понимала, что теперь «иные времена, иные песни». Но в то же время Надежда Константиновна предостерегала молодежь от крайностей, от шараханья из стороны в сторону. Помню, как после одного из ее докладов на ситцебумажной фабрике, в котором она призывала работниц идти в партию, чтобы помочь строить новую жизнь, выступила молодая работница и под впечатлением ее слов сказала, что обязательно вступит в партию и отдаст ей свою жизнь до конца, никогда не выйдет замуж, не обзаведется детьми. Надежда Константиновна ее тут же поправила. Она сказала, что партия вовсе не требует подобного самопожертвования и аскетизма. При царском режиме истинным революционерам приходилось тяжело — тюрьмы, ссылки, вечные преследования делали порой недоступными личное счастье и семейную жизнь. Совсем другое дело при Советской власти. Ей нужны полноценные работники, цельные люди, умеющие гармонически сочетать личную жизнь с общественной.

Молодежь любила Крупскую, ей нравилось умение Надежды Константиновны слушать, ее манера разговаривать с ними, не подлаживаясь, не заискивая, но и без менторского покровительственного тона, без правоучительства, как равная с равными. Но если было за что поcritиковать молодежь, то она делала это столь же прямо и горячо.

В письме комсомольцев одного из районов Москвы они сообщили Крупской, что решили устроить большое собрание молодежи, посвященное предстоящему тогда конгрессу Коминтерна. Докладчиком они пригласили Лазаря Шацкого, который в 1919 году участвовал в первом учредительном Международном конгрессе молодежи в Берлине. Он дал было согласие, но в последнюю минуту потребовал, чтобы за ним прислали машину. «Какие у нас

могут быть машины и кто нам их даст? — вопрошали комсомольцы в письме. Мы сами меряем версты пешком по непролазной грязи нашего района и не ропщем. Но Шацкин наотрез отказался прийти, заявив: «Не буду я месить грязь своими ботинками» — бросил трубку и был таков. Сорвал нам большой митинг».

Помню, Надежда Константиновна с возмущением сказала:

— А ведь Шацкин — член ЦК комсомола. Какой же пример он подает остальным?!

Но Ленин, присутствовавший при этом, уже успел по своему увидеть и оценить этот факт. И тут же заметил:

— Этого парня я знаю, он неплохой, очень смелый и преданный, но он старается во всем подражать взрослым. Эту спесь с него легко сбить: его надо вызвать и сделать хорошую головомойку. Беда в том, что взрослые часто подают молодежи плохой пример, а ведь молодежь очень восприимчива.

На юбилейном вечере в честь пятидесятилетия Владимира Ильича, устроенном Московским комитетом партии вскоре после этого, Ленин в своей краткой ответной речи предостерегал от зазнайства, чванства, барства. Многие недоумевали по поводу такого выступления Владимира Ильича на вечере, посвященном ему лично, — оно совершенно не соответствовало торжественности момента. Но мало кто знал, что, пробирая некоторых партийцев, Ленин в то же время метил и в комсомольцев, подобных Шацкину.

Что же касается Шацкина, то Надежда Константиновна его действительно вызвала и, как хороший педагог и старший товарищ, сделала ему внушение. И надо сказать, к чести этого товарища, что преподанный ею урок он усвоил. И слово, данное тогда Крупской, сдержал. Он быстро отделался от этих «наносных» барских замашек. А вообще он был дельным комсомольским вожаком, который пользовался в дальнейшем заслуженным доверием и уважением комсомольских масс вплоть до своей преждевременной кончины.

Говорят: человек — это стиль. В полной мере данное изречение относится и к Крупской. Так же просто, хорошо, естественно, как она говорила, она и писала. Но по скромности своей не признавала за собой литературных

способностей. Сколько раз на заседании редакции «Коммунистки» она, бывало, говорила:

— Как жаль, что мы не умеем писать, а ведь это очень нужно, когда пишешь для женщин, и особенно важно, когда обращаешься к юношам и детям.

Что греха таить, у нас был великолепный женский актив, были дельные, умные организаторы, красноречивые агитаторы, но как только они брались за перо — многие почему-то старались высказаться «позаковыристей», помудреней. Надежде Константиновне часто приходилось на таких рукописях делать пометки: «Статья написана для кого угодно, только не для наших женщин» или «Необходимо перевести эту статью с мудреного эзоповского на простой русский язык». Но сама Крупская умела это делать прекрасно, хотя и говорила про себя, что она человек «непишущий». На самом деле, она писала прекрасно. К тому же, как большой знаток классической литературы и фольклора, Надежда Константиновна искусно умела иллюстрировать свои статьи и книги классическими выражениями, пересыпать их всевозможными изречениями, поговорками, пословицами. Все это делало ее язык еще более образным, живым и популярным.

С этой точки зрения заслуживает всяческой похвалы попытка, предпринятая журналом «Родная речь», исследовать стиль Н. К. Крупской.

Надо также заметить, что все ее произведения пронизаны свойственным ей, особо жизнерадостным юмором. В этом отношении большой интерес представляет ее эпистолярное наследство, особенно переписка с родными, с матерью Владимира Ильича — Марией Александровной.

И вдобавок ко всему этому Надежда Константиновна обладала чудесным даром словотворчества, умением создавать свои, какие-то особенные слова и словосочетания, очень колоритные, сочные и в то же время лаконичные. Нередко одним «словечком» она давала совершенно исчерпывающую характеристику человеку, явлению и т. д.: «Тот товарищ отчаянный нервняга», «Она какая-то нутряная». Желая утешить кого-либо, она, бывало, говорила: «Это ведь пустячная чепушинка». А о себе она написала однажды в письме: «Я совсем обезножела», — когда ее свалила болезнь.

«Ну и трепа же я», — заметила она, увидев свой портрет, написанный Т. Жирмунской. «Получилось у вас дичее дикого», — сказала она одному товарищу за проявлен-

ный им бюрократизм. «Там стояла толчея непротолченная», «Все тянут в одну дуду, а надо сказать по-своему», — говорила она после безличных выступлений на заседаниях.

Наблюдательность Надежды Константиновны, ее отвычивость, умение глубоко вникать в жизненные явления плюс четкая форма изложения привлекали и будут привлекать к ней всегда читателей — взрослых и детей.

Так же спокоен и тих, как ее походка, был и голос Крупской. Он придавал особую задушевность ее словам и очень гармонировал со всем ее обликом. Она не только сама говорила тихо, но не любила громких речей.

Вспоминается такой эпизод. В ноябре 1920 года было созвано Всероссийское совещание политпросветов. В порядке дня его стоял очень важный вопрос, который был также проблемой номер один и для отдела по работе среди женщин при ЦК партии — это вопрос о ликвидации безграмотности. Среди многих миллионов неграмотных, которые остались нам в наследство от царизма, большинство в ту пору составляли женщины. Это очень тормозило нашу работу. Как можно выдвигать женщин на государственную и местную советскую работу, если они совершенно неграмотны, если не могут поставить свою подпись и вместо нее прикладывают палец? Даже те женщины, которые знали азбуку — учили ее когда-то по часослову и называли буквы алфавита «аз», «буки», «веди», «глагол» и т. д. А враги ехидничали и успели уже сочинить частушку:

Неграмотной прислугой
Барам жарила котлеты,
А теперь сижу в Совете,
Издаю декреты.

Наряду с ВЧК — грозой врагов — была образована тогда еще одна ВЧК с прибавлением «л/б» — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности. В центре и на местах Главполитпросветом были созданы десятки тысяч пунктов ликбеза.

Надежда Константиновна уделяла им очень много внимания. Всюду шла мобилизация грамотных на ликпункты для обучения неграмотных.

Надо заметить, что ликбезы сразу столкнулись с огромными трудностями. Не только потому, что пожилым женщинам тяжело начинать с азбуки. Тяга их к знанию была

огромна. Но нелегко было деревенским многосемейным матерям отлучаться от малолетних ребят и бежать на занятия. Да многих и мужья не пускали.

Нередко женщины приходили на занятия с синяками, которыми награждали их мужья, считавшие, что ученье — не бабье дело, мол, «волос долог, да ум короток».

В ту пору по ликвидации безграмотности была объявлена такая же повинность, как трудовая, гужевая и т. д. Всюду замелькали лозунги: «Долой неграмотность!», «Боритесь с неграмотностью!», «Все на борьбу с темнотой!», «Грамотный, читай сам и рассказывай неграмотному!»

Во время съезда политпросветчиков собрали еще специальное совещание «ликвидаторов неграмотности». Крупская предложила, чтобы на этом совещании выступил представитель отдела по работе среди женщин при ЦК и особо подчеркнул бы важность их дела для женщин.

Вполне естественно было, что выступит А. М. Коллонтай. Но в самую последнюю минуту оказалось, что она занята на другом совещании и заменить ее предложили мне.

Легко представить мое волнение. Ведь Коллонтай была блестящим оратором, прошедшим специальную школу ораторского искусства. Она старалась воздействовать на аудиторию не только словом, но и мимикой, жестами, выражением голоса, своим внешним видом.

И вот, выступая перед аудиторией учителей и ликвидаторов неграмотности, я решила хоть в какой-то мере восполнить отсутствие Коллонтай и старалась ораторствовать «под Коллонтай»: говорила как можно громче, пускала фразы попышнее, делала жесты поэффектнее, паузы подлиннее. Слушали меня внимательно, не прерывали, но на лицах я заметила какое-то выражение недоумения. Сразу же после выступления в перерыве ко мне подошла Надежда Константиновна и сказала:

— То, что вы говорили, — по существу правильно. Но чтобы сказать, что наибольший процент безграмотных среди женщин и что надо при ликвидации безграмотности обратить на них особое внимание, вовсе не нужна такая аффектация, зычный голос, пышные фразы, многозначительные паузы. К тому же это совершенно не подходит для такой аудитории. И вообще помните: «Аркадий, не говори красиво!»¹

¹ Крупская здесь перефразировала слова, сказанные Базаровым своему приятелю: «О, друг мой, Аркадий Николаевич! — об одном прошу тебя: не говори красиво» («Отцы и дети» Тургенева).

Огорченная и несколько озадаченная, я спросила:
— А как же Коллонтай?

Крупская махнула рукой и отошла от меня... Она не выносила красотостей, цветистости, внешней мишуры. Считала все это ненужной шелухой. У нее никогда не было лишних слов. За каждой фразой стояла глубокая, поучительная мысль. Она никогда не подлаживалась ни к какой аудитории, всегда оставалась сама собой.

У Крупской, как я уже говорила, была очень легкая походка. Она точно скользила не касаясь пола. Помню такой эпизод.

Однажды я пришла по делу к Надежде Константиновне домой вечером. Мы сидели у нее в кабинете, когда ее зачем-то позвали на кухню. Оставшись одна, я приподнялась на носки, чтобы лучше рассмотреть детский портрет Владимира Ильича, висевший на стене. Это был написанный маслом портрет с известной семейной фотографии. На меня смотрел мальчик с огромными, проникновенными и в то же время удивленными глазами. На большой выразительный лоб свисал светлый локон. Одет он был в белую рубашечку, подпоясанную ремешком. Я так засмотрелась на него, что не услышала легких шагов вошедшей Надежды Константиновны. Постояв немного за моей спиной, она положила руку мне на плечо и сказала:

— А! Вы залюбовались маленьким Ильичем! — И задумчиво, еле слышно добавила: — Я очень жалею, что у меня не было детей. Как хорошо было бы, если бы тут бегал такой вот Ильичек! — Но тут же спохватилась и добавила: — Впрочем, у меня ведь много ребят. Все дети Советской России — мои дети. Они мне часто пишут, и я им отвечаю.

Все мы знали, как Надежда Константиновна любила детей, как радовалась она этим новым росткам жизни, как умела понимать их, какие душевные письма писала своим маленьким корреспондентам. Надежда Константиновна никогда не сюсюкала с ними, а всегда писала просто и всерьез. Того же требовала она от других. Она резко критиковала бессодержательные детские книжки и всегда повторяла: для детей надо писать как для взрослых, но только еще лучше.

А главное, она в течение всей жизни горячо отстаивала необходимость воспитывать детей в коллективистском ду-

хе с самого раннего детства, чтобы дети не росли эгоистами или, как она образно выражалась, не выросли бы «молодыми старичками», которым скучно среди людей.

Встречая Владимира Ильича при посещении Надежды Константиновны, нельзя было не заметить, что здоровье его стало сдавать. Сверхчеловеческая работа, которую он взвалил на себя, подтачивала его в общем здоровый организм и довела до бессонницы. Нельзя читать без щемящей боли записку, оставленную Лениным ночью родным с просьбой разбудить его в 10 часов утра. А эта записка писалась им в четыре с лишним часа ночи; он еще до этого глаз не сомкнул и только теперь надеялся соснуть.

В начале января 1921 года Центральный Комитет заставил Ленина взять отпуск. Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной пробыли в Горках до 22 января.

В один из зимних вечеров (уже после их возвращения в Москву) я пришла по делу к Надежде Константиновне. Застала ее в столовой кремлевской квартиры в кругу двух старых партийных товарищей — один из них был Владимир Александрович Обух.

Надежда Константиновна сетовала, что Владимир Ильич совершенно не щадит себя. И во время отпуска продолжает обычно работать.

Позднее — в 1923 году, будучи уже тяжело больным, Ленин в беседе с Марией Ильиничной с грустью заметил: «В 1917 году я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 году — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было».

Надежда Константиновна сказала, что он и в Горках почти не отдыхал. Непрестанно работал, готовясь к X съезду партии, и даже выступал, например, перед местными крестьянами. Крупская с некоторым оттенком собственного ей юмора описала, как это происходило.

В деревенской избе собрались крестьяне не только из Горок, но и из соседних деревень. Народу набилось — яблоку нетде было упасть. Ленин говорил о международном и внутреннем положении: о кознях Антанты, хозяйственном строительстве, электрификации и т. д. Говорил он более двух часов. Все слушали затаив дыхание. В избе жарко натоплено. Бородачи повытаскивали из карманов большие платки и усердно вытирали пот.

Владимир Ильич устал, побледнел. Наконец он закончил. Председатель спрашивает: «Кому хочется высказаться?» Общее молчание. Вдруг поднимается один и говорит: «Есть вопросик. К примеру, вот я прибыл из глубинки, теперь ни туды, ни сюды. Известно, поезда... И туды ни проехать и сюды имущество, скажем перину, самовар, швейную машину, не заполучить».

Все на него зашикали, замахали: «Никакого касательства сюда не имеет твой самовар и перина». Мужичок не сробел и стал настаивать: «Очень даже касательно, потому товарищ Ленин говорит о тяжелом положении». Тут Владимир Ильич встал, поднял руку, подал знак, чтобы успокоились. Сразу воцарилась тишина. Он сказал: «Вопрос не такой уж праздный. Транспорт — это нерв нашей жизни. Без транспорта никакого социализма не построишь. Хорошо, я скажу специально о транспорте». И снова говорил на эту тему.

После этого крестьяне стали дружно и смело задавать вопросы. Их было много. И опять Ленин разъяснял положение с солью, мануфактурой, спичками и, конечно, с продналогом.

— Вот как он отдыхал, — закончила рассказ свой Надежда Константиновна.

В. А. Обух громко рассмеялся.

Владимир Ильич зашел в комнату к концу ее рассказа. Поздоровавшись с нами, сказал, обратившись к Надежде Константиновне:

— А, изображаешь меня! Ну, благо тут есть такой благодарный слушатель, как Владимир Александрович Обух. Его хохот раздается по всей квартире и доносится даже до моего кабинета.

Огромный, грузный Обух с крупными чертами лица и очень живыми, умными глазами хохотал громко, звучно, а все его огромное тело колыхалось. От одного его вида все кругом начинали смеяться.

Владимир Александрович вышел из семьи польских повстанцев (участников восстания 1863 года). Еще на заре рабочего движения, в 1895 году, он примкнул к ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Познал полицейские преследования и тюрьмы.

Работая позднее врачом в московских больницах, Обух приобрел известность как один из крупнейших терапевтов-диагностов. Благодаря своим связям, авторитету и положению он сумел оказать партии ценные услуги.

И Ленин и Крупская были очень привязаны к Обуху. Они ценили его не только как преданного старого члена партии, но доверяли ему как врачу, любили его как человека.

В тот трагический августовский день 1918 года, когда Ленин был ранен предательской пулей, Надежда Константиновна и Мария Ильинична настояли, чтобы к Ленину немедленно привезли Обуха, чтобы он постоянно наблюдал за ним, лечил его. Примчавшись в Кремль с митинга (где он выступал), Обух пристально вглядывался в побледневшее лицо дорогого и близкого ему Ленина.

Выслушав сердце и легкие Владимира Ильича, Обух твердо сказал: «Ильич будет жив!» Слова его оправдались.

Когда Владимир Ильич вошел в столовую, нам всем сразу бросился в глаза его усталый вид, хотя он недавно вернулся из Горок. Обух первый заговорил о том, что Владимир Ильич слишком много работает, что ему необходимо разгрузиться.

— Всем приходится много работать, и мне в том числе, — сказал Обух, обращаясь к Ленину, — но все находят время отдохнуть. А я организую работу так, чтобы беречь свои силы и отдыхать даже ежедневно в перерывах между работой.

— Нуте-с, расскажите-ка нам, Владимир Александрович, — воскликнул Владимир Ильич, — как это вы организуете работу так, что хватает времени и для ежедневного отдыха?

— Извольте, это очень просто и легко, советую вам последовать моему примеру, — с готовностью ответил Обух. — Я прихожу к себе на работу, вызываю секретаршу. Она мне докладывает, какие есть срочные дела, доклады, посетители. Отдаю ей все распоряжения. Затем захожу в соседнюю комнату, где у меня стоит диван, я ложусь отдыхать, читать... чай пить...

Слушая его, Ленин явно раздражался все более и более, даже покраснел, а потом возмущенно оборвал его:

— Ну, если бы вы так работали, то вас надо было бы немедленно отдать под суд!

Обух улыбнулся и спросил:

— Неужели вы, Владимир Ильич, — человек, знающий меня почти три десятка лет, дружески ко мне относящийся, смогли бы отдать меня под суд? Неужели у вас не дрогнула бы рука, подписывая такое распоряжение?!

— Да, — ответил Ленин, — меня бы ничто не остановило, обязательно отдал бы вас под суд. Под суд, — повторил он. — Несмотря на то, что вы мой друг, я не колебался бы ни секунды. Вы ведь знаете, как древние говорили: «Amicus Plato, sed magis amica est veritas»¹. Ваше счастье, что я знаю вас и как шутника и как человека, который любит разыгрывать товарищей, я понимаю, что вы это сказали несерьезно... Но меня разыграть вам не удастся.

Обух залился своим зычным смехом, и Ленин разочарованно махнул рукой.

Мне приходилось видеть Владимира Ильича то веселым, жизнерадостным, то сердитым, а иногда и гневным.

Однажды мы сидели в столовой после заседания редакции, пили чай. Был тут и Владимир Ильич, говорили все вперемешку. Вдруг кто-то постучал. Это был Н. Осинский (Валерьян Валерьянович Оболенский). Он пришел к Надежде Константиновне, которая просила его зайти по какому-то делу. Осинского пригласили за стол, принесли ему стакан чаю. Надежда Константиновна хорошо относилась к Осинскому и уважала его за «образованность, высокую культурность», как она выразилась однажды. Знала также из ее слов, что и Ленин ценил Валерьяна Валерьяновича, несмотря на его ошибочные взгляды по некоторым вопросам. Он ценил Осинского как крупного организатора, как человека с государственным кругозором и как талантливого публициста. Поэтому я была несколько удивлена, когда Владимир Ильич сразу стал его «отчитывать» (правда, по-отечески).

Только Осинский стал помешивать чай ложечкой, как Ленин вспомнил про какую-то жалобу на него одного товарища по работе. Используя это как повод, Ленин затронул общий вопрос о том, что у нас некоторые руководящие товарищи еще не умеют работать коллегиально.

Осинский попробовал было отделаться шуткой. Но Ленин продолжал «наступать». Осинский тогда раздраженно заметил, что только при полном коммунизме люди будут без сучка и задоринки — выдержанные, хорошо владеющие собой, справедливые и коллективисты. Мы почти все родились на рубеже двух эпох, продолжал он, застали еще

¹ «Платон — друг, но истина еще больший друг» — слова, приписываемые Аристотелю.

классовое общество. При старом строе были иные нормы, другая мораль: «*Homō homīni lupus est*» («Человек — человеку волк»). И вышли мы с вами не из пролетарских слоев, кое-кто из дворян, а кое-кто из буржуазии или мелкой буржуазии. И хотя мы, большевики, боролись против этих классов, но не лишены еще и родимых пятен. Мы еще отдаем дань прошлому, предкам... Из истории мы знаем, что даже великие люди, в том числе видные политические деятели, крупные полководцы, были почти, как правило, людьми весьма противоречивыми, с очень крупными недостатками. Возьмем хотя бы, для примера, Наполеона. Можно по-разному к нему относиться, по-разному оцеливать его роль, но одно несомненно: он был очень двойствен, точнее говоря, раздвоенным, противоречивым человеком. С одной стороны, он сокрушал королей и церковь, а с другой — провозгласил себя императором и установил во Франции монархию, искал соглашения с феодальными властителями Европы. Свои личные интересы он противопоставлял национальным. Известно, что Наполеон был способен умиляться книгой Гете «Страдания молодого Вертера» и в то же время проявлять величайшую жестокость по отношению к людям. Словом, был носителем самых противоречивых качеств. Получилось с ним, как он сам сказал: «От великого до смешного — один шаг».

— Или, — вмешалась в разговор Коллонтай, — возьмем Толстого. Всю жизнь он мучился тем, что его проповедь, его слова расходились с его делами и его собственной жизнью. А когда он наконец решился привести их в соответствие друг с другом и ушел из дома, его подстерегала смерть. Но вряд ли он достиг бы желаемой гармонии между своей теорией и практикой. Этот список можно продолжать до бесконечности, — сказала она. И со свойственной ей порывистостью и экспансивностью Александра Михайловна вдруг заключила, обращаясь прямо к Ленину: — Видно, вы один составляете исключение из этого числа? Вы один лишены всяких противоречий и раздвоенности? Как вы достигли такой цельности? Как вам удалось так перевоспитать себя? — стала она в упор вопрошать Владимира Ильича.

Все время Ленин слушал не прерывая, но как только заговорили о нем самом, Владимир Ильич, блеснув глазами и хитро улыбаясь, сказал:

— Нет, вы ошибаетесь! Я вовсе не цельный. Я тоже человек, раздираемый противоречиями.

Все мы, естественно, насторожились, нам не терпелось узнать, какие такие противоречия «раздирают» сердце Ленина.

Владимир Ильич продолжал:

— Я, например, ужасно не люблю чистить обувь. Для меня это просто наказание. И в то же время, терпеть не могу ходить в нечищенных ботинках. И не могу видеть, если другие люди ходят в нечищенной обуви. Вот и не вижу выхода из этих противоречий. Из одного этого уже легко заключить, что я человек отнюдь не цельный, а тоже раздвоенный. Вот почему и я могу о себе сказать словами Гете: «Zwei Seelen wohnen, ach! in meinem Brust» («Ах, две души живут в моей груди»).

Все присутствующие, и Коллонтай в том числе, расхохотались. Смеялся и Ленин.

В 1923 году был отмечен трехлетний юбилей журнала «Коммунистка» на большом собрании активисток, созванном Софьей Николаевной Смидович, заведовавшей тогда женотделом ЦК.

В специально выпущенном номере журнала были помещены итоговые статьи, фотоснимки. Вскоре Надежда Константиновна отошла от активной работы в редакции, что было вызвано болезнью Владимира Ильича.

Рассталась с журналом и я — трудно стало совмещать работу с учебой в Институте красной профессуры и преподаванием в вузах. Но не прекратились мои встречи с Надеждой Константиновной, хотя они стали реже.

И в период болезни Ленин оставался верен себе. Во всем, даже в мелочах, сказывался ленинский характер, его вкусы, привычки. Так же как и прежде, любил он природу, прогулки, а иногда даже впадал в «грибной раж», как выражалась Надежда Константиновна.

В связи с этим мне вспоминается такой ее рассказ. К концу лета 1923 года Ленину стало лучше и в ясные дни стали вывозить его на прогулку в парк. Он сидел в своем передвижном кресле, а рядом шли Надежда Константиновна и врач. Иногда перепадали дожди, и появились кое-где грибы. Вдруг Ленин заметил в траве гриб и здоровой рукой указал на него. Гриб сорвали и подали ему. Он очень обрадовался. Повертел, оглядел гриб со всех сторон, глаза сияли...

На следующий день уже с утра Ленин проявлял нетерпение. Ему хотелось скорей одеться, позавтракать и отправиться за грибами. Так продолжалось подряд несколько дней. Ленин преобразился. Настроение улучшилось, он выглядел бодрым. Но, разумеется, в парке было немного грибов, а когда не перепадали дожди, — их вовсе не стало. Тогда кто-то из охраны, желая продлить Ленину удовольствие, додумался закупить грибов и рассадить их по парку. В очередное утро, когда Ленин выехал на прогулку, он вдруг увидел парк, пестревший грибами. Владимир Ильич сразу что-то заподозрил и попросил «сорвать» ближайший гриб. Когда поднесли его Ленину, он не стал смотреть на шляпку, а лишь взглянул на ножку и сразу заметил, что она срезана. По лицу Ленина скользнуло выражение недовольства, и поднятой рукой он дал знак вернуться домой. Весь день он был очень грустный. На следующее утро он отказался поехать на прогулку. То же повторилось и в ближайшие дни... Владимир Ильич, закончила Надежда Константиновна, даже будучи больным, тоже не любил прислужничества и угодничества.

Помню, мы приехали однажды в Горки. Здоровье Ленина тогда ухудшилось. Мы нашли Надежду Константиновну очень расстроенной. Лицо ее сильно побледнело, большие глаза были печальны, голос тише обычного. Она рассказала о течении болезни Владимира Ильича, о том, как меняется порой его состояние. Мы спросили Надежду Константиновну: не повлияло ли на течение болезни Ильича ранение, которое он получил в 1918 году, когда в него стреляла эсерка Каплан? По лицу Надежды Константиновны словно скользнула тень, она стала еще бледнее прежнего, почти прозрачной, тяжело вздохнула, провела рукой по лбу, как бы смахивая внезапно налетевшее неприятное воспоминание, и с грустью сказала:

— А ведь Владимир Ильич на меня тогда впервые в жизни даже рассердился. Но моей вины в том не было. И она рассказала следующее.

Поскольку врачи сразу после ранения не смогли определить, куда именно попала пуля, они предполагали, что может быть затронут пищевод и запретили давать Владимиру Ильичу пить, хотя он испытывал все время страшную жажду. Ему разрешили только пососать лимон. Тогда Владимир Ильич попросил Надежду Константиновну дать ему тайком от врачей стакан чаю. Но она, боясь повредить ему, отказалась выполнить его просьбу. Он тогда

сказал ей: «Иди!» Она вышла и, чтобы не напоминать больше об этом, решила некоторое время не показываться ему на глаза. Села у его двери и стала чутко прислушиваться. А чтобы хоть немного отвлечься, штопала простреленное пальто Владимира Ильича. (К сожалению, режиссеры некоторых фильмов и спектаклей, не будучи в курсе дела, неоправданно акцентируют внимание зрителей на этом эпизоде и зритель недоумевает, почему в такой трагический момент Крупская сидит у двери и занимается штопкой).

По тому, как Надежда Константиновна рассказывала нам, чувствовалось, что воспоминание о том печальном недоразумении продолжает причинять ей страдание. А ведь известно, что в течение всей жизни, о чем бы Ленин ее ни просил, Надежда Константиновна всегда делала все с огромной готовностью — от великого до малого. Еще будучи невестой, она подолгу простаивала тщетно на морозе на углу Шпалерной улицы лишь для того, чтобы Ленин мог ее увидеть мельком, как он надеялся, через окно коридора, когда их водили на тюремную прогулку. По дороге в ссылку, на протяжении тысячи километров, держала она в руках, чтобы не разбить, лампу с зеленым абажуром, которую везла в подарок Владимиру Ильичу. Она спасла Ленина от верной гибели, когда его во время мировой войны арестовали по клеветническому доносу. Его жизнь висела тогда на волоске. Болезненная, слабая с виду Надежда Константиновна проявила невероятную энергию и с помощью видных социалистических деятелей добилась освобождения Ленина.

В те исторические минуты, когда Ленин, убежденный, что «ждать пельзя, революция гибнет», всячески стремился пробраться в Питер, чтобы взять руководство в свои руки, — именно она нашла ему безопасное убежище, откуда он тайком перебрался в Смольный.

Это была жизнь трудная, но Крупская считала ее счастливой. Любовь, единомыслие и единодушие, взаимопонимание и совместный труд помогли превозмочь все — и преследования, и ссылки, а иногда и нужду. «Разве в роскоши счастье?» — говорила она.

Тяжелей всего для нее бывала разлука с Владимиром Ильичем, хотя никогда прямо об этом она не говорила. Когда у Ленина кончился на год раньше, чем у нее, срок сибирской ссылки, и он уехал в Псков, а затем в Питер и за границу, она вынуждена была еще целый год отбывать

остаток ссылки в Уфе. «Очень жаль было расставаться, — вырывается у нее, — когда только что начиналась «постоящая» работа, но даже и в голову не приходило, что можно Владимиру Ильичу оставаться в Уфе, когда была возможность поближе перебраться к Питеру».

И вот, наконец, она свободна. Снова жизнь и работа вместе с Владимиром Ильичем. Она едет к Ленину за границу. Но как сложен, как тяжел был тогда каждый шаг их жизненного пути! Сейчас это даже трудно себе представить. Она приезжает в незнакомый город (Прагу) со слабым знанием языка. Никто ее не встречает. Едет по имевшемуся у нее адресу в надежде найти Ленина по фамилии Модрачек. Модрачек — это чех, через которого лишь держится связь. И, как выясняется, надо ехать в другую, незнакомую ей страну — Германию, в Мюнхен, к некоему Ритмейеру. Ритмейер наконец найден, но и он не тот, кого она ищет. И это тоже только условный адрес, лишь отдельная точка, «перевалочный пункт» на длинном пути к Владимиру Ильичу.

Оказывается, последняя записка с точным адресом и ориентиром, которую Ленин послал ей через товарища в книге, вообще до Надежды Константиновны не дошла.

Сколько тревог и огорчений ей приходилось испытывать буквально на каждом шагу! Как часто необходимость конспирации приводила к недоразумениям и лишним хлопотам. Другая на месте Надежды Константиновны отчаялась бы, растерялась. Но Крупская была на редкость терпеливым, выдержанным и дисциплинированным человеком. К тому же ей помогал ее оптимизм, юмористическое отношение к жизненным перипетиям.

Кончилась и вынужденная эмиграция. В России началась первая революция. И они приехали вместе в Питер. Но из-за слежки и преследований полиции им приходилось снова жить врозь, искать ночлега в разных местах. Ленину пришлось уехать в Финляндию. Крупская мечется между Питером и Куоккалой. Вскоре революция была подавлена, наступила реакция. И снова потянулось десятилетие второй вынужденной эмиграции.

Наконец в феврале семнадцатого радостная весть: повый революционный взрыв в России, самодержавие пало. Ленин и Крупская снова на родине и вместе. Теперь, казалось, вся их жизнь пойдет иначе. Конец подполью, слежкам, преследованиям. И общественная и личная жизнь — все слито воедино в революции.

Но так продолжалось недолго.

На Ленина начали клеветать, травить его. И у Надежды Константиновны возникает серьезное опасение за его жизнь.

«Меня все больше тяготила,— вспоминала она позднее,— моя работа в секретариате, хотелось... чаще видеть Ильича, за которого охватывала все большая и большая тревога».

После июльских дней разгромлена «Правда». Ленин вынужден скрываться от преследования Временного правительства. И снова Крупская, повязавшись платочком, ходит с поручениями Ленина по разным адресам.

В условиях непрерывной слежки ее свидания с Лениным были затруднены чрезвычайно, приходилось ограничиваться записками через связных. Позднее, вспоминая об этом времени, она писала: «...и после каждого такого письма до жути хотелось повидаться, перекинуться хоть парой слов». Им почти не удавалось видаться в эту пору. Но однажды, запасшись удостоверениями на имя работницы Агафьи Атамановой и соответственно обрядившись, она ездила к нему в Гельсингфорс. Кстати, отправляясь к нему на свидание, она чуть было не заблудилась, хотя Владимир Ильич прислал ей даже план. Но так получилось потому, что при проявлении тайнописи кончик плана обгорел...

Надежда Константиновна стойко несла на своих слабых женских плечах такую ношу, от которой гнулись даже мужские спины. Ничего не было для нее трудного, когда речь шла о Ленине, его безопасности.

Все время долгой и трудной болезни Владимира Ильича Надежда Константиновна окружала его беспредельным вниманием, любовью и заботой. Она и во время болезни понимала его лучше всех, с полуслова и даже без слов, чувствовала малейшее движение его души.

В последний раз я встретилась с ней в 1937 году за два года до ее кончины. Уже не было в живых прежнего наркома просвещения А. В. Луначарского, с которым ее связывала длительная дружба и который очень ценил ее работу в Наркомпросе. Его сменил А. С. Бубнов — человек совсем иного склада. Он постепенно отстранил Надежду Константиновну от всех школьно-педагогических дел.

Разумеется, сам Бубнов не был инициатором этих ограничений. Старый член партии, он хорошо знал Надежду Константиновну еще с подполья и нередко выполнял тогда ее партийные поручения.

Когда я вспоминаю Надежду Константиновну Крупскую, думаю о ней, то всегда представляю ее себе такой, какой увидела 26 января 1924 года в Большом театре. В этот день здесь происходило траурное заседание II съезда Советов СССР.

Бледная, изможденная, совершенно обессиленная, она все же сумела мобилизовать всю свою волю, весь остаток энергии и мужественно поднялась на трибуну.

Ее скорбь растворилась во всенародной скорби. Сидя у гроба Ленина, Надежда Константиновна видела, как четверо суток подряд, невзирая на лютые морозы, непрерывным потоком шли к нему со всей России люди, чтобы сказать последнее «прости». Мужчины и женщины поднимали высоко над головой своих детей, чтобы они запомнили навсегда дорогие черты... А школьники — девочки и мальчики — часто отделялись от толпы, от родителей, чтобы пробраться поближе к гробу и положить цветок или веточку ели.

Поэтому не согбенной, убитой горем женщиной выглядела Крупская на трибуне. Нет, на трибуне стояла достойная соратница ушедшего из жизни народного вождя, которая звала следовать и дальше по указанному им пути.

Невозможно забыть слова, которые она произнесла тогда:

— Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту... Товарищи... смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

Невозможно забыть и то, как Надежда Константиновна произнесла эти слова — не просто тихим голосом, а почти шепотом. Она была совершенно охрипшей и не силилась говорить громче. Но, странное дело, ее слова были слышны во всех уголках огромного зала, дошли до слуха всех, кто там был. Это походило на акустическую загадку: ведь тогда не было радиорепродукторов.

Люди, сидевшие до того в зале печально-молчаливыми, угрюмыми, с поникшими головами, скованные тяжестью постигшего их горя, слушая речь Надежды Константиновны, казалось, немного выпрямились, чуть приободрились...

Слова Крупской шли от ее сердца к сердцам слушателей. У каждого было ощущение, будто она обращается именно к нему, говорит только с ним одним.

Вскоре после этого мы с товарищами навестили Надежду Константиновну в Горках. На нижнем этаже, в столовой, мы застали Марию Ильиничну, занятую разбором материалов для «Правды». Она сильно побледнела, похудела и казалась очень утомленной. Обменявшись с нами несколькими фразами, сказанными вполголоса, она повела нас наверх, в угловую комнату. Мария Ильинична приоткрыла дверь и сказала тихо: «Надя, к тебе пришли».

Надежда Константиновна пошла нам навстречу.

Говорить всем было тяжело. Надежда Константиновна только сказала:

— Поеду в город, там буду на работе без Ильича с Ильичем. А здесь очень тяжело...

Позднее Надежда Константиновна рассказала, что, стоя у гроба, бродя по опустевшим комнатам горьковского дома и по зараставшим травой дорожкам парка, она действительно передумала всю жизнь Ильича.

Горький был прав, когда говорил, что таких стойких людей, как Крупская, немного на свете.

Но к этому хочется добавить: такую женщину, в которой бы так гармонически были слиты стойкий революционер и совершенный человек, какой была Надежда Константиновна, на свете трудно найти и сейчас.

Как и Владимир Ильич, она была человеком будущего коммунистического общества.

**ЧЕСТЬ
И СОВЕСТЬ
НЕМЕЦКОГО
ПРОЛЕТАРИАТА**

**Карл Либкнехт
и
Роза Люксембург**

Через год после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции произошла революция в Германии. Как раз в канун ее мне пришлось быть в Берлине и своими глазами наблюдать революционный подъем масс, а главное — встретиться с Карлом Либкнехтом, выпущенным тогда из тюрьмы, и с другими выдающимися «спартаковцами». Произошло это так.

В середине октября 1918 года в Австрию была направлена советская дипломатическая миссия, в состав которой включили и меня в качестве секретаря. По пути в Вену по ряду обстоятельств мы задержались в Берлине и стали свидетелями бурных нараставших событий.

Должна признаться, когда мне объявили об этой командировке, я даже огорчилась. Не хотелось уезжать, хоть и на время, из Москвы — в Московском Совете рабочих депутатов и его большевистской фракции, как я уже упоминала, был непочатый край работы. Да и неохота было расставаться с товарищами. Ведь нас сдружил Великий Октябрь. Но события, развертывавшиеся в Европе, все сильнее приковывали к себе внимание. Они наглядно подтвердили, что наш Октябрь имел всемирно-историческое значение. Волны Октябрьской революции уже через год выплеснулись далеко за пределы России и, как предвидел Ленин, захлестнули в первую очередь Германию.

Еще совсем недавно кайзеровская Германия была всесокрушающей силой. И вот она рушилась на наших глазах. Достаточно было союзным державам пробить 8 августа брешь в обороне немецкой армии, чтобы дрогнул

весь германский фронт. Немалую роль здесь, конечно, сыграло и то, что на западный фронт были переброшены с восточного немецкие войска, которые успели проникнуться революционным духом и под влиянием нашей пропаганды братались с русскими солдатами. Немецкое командование откровенно заявило своему правительству, что на победу нет никаких надежд.

Но не только на фронте, а и в тылу Германии положение заметно ухудшилось. Народ изнемогал от голода. Рабочие устраивали забастовки. Назрел правительственный кризис. Германское правительство подало в отставку. Союзники Германии, впряженные с ней в одну колесницу, стали быстро разбегаться в разные стороны. Первой запросила мира Австрия. За нею последовала Болгария. Болгарские солдаты требовали: «Долой войну!», «Смерть виновникам войны!» Затем запросила мира Турция. События нарастали словно снежный ком.

Прежде чем рассказать о нашей миссии, напомним о том, что послужило причиной ее возникновения. Австрия, как и многие другие капиталистические государства, не возобновила дипломатические отношения с Россией после установления Советской власти. Только в Германии было наше полномочное представительство. Но Австрия как-то разведала, что по дополнительному соглашению к Брестскому мирному договору Советская Россия должна уплатить Германии разновременными взносами еще шесть миллиардов марок. Этот дополнительный договор Германия скрыла от своих союзников. Когда о нем узнали правительства Австрии, Болгарии и других стран, они страшно возмутились предательством Германии. И тогда Австрия, чтобы урвать хоть кусок пирога, решила начать с Советским правительством переговоры о долгах. И ради этого согласилась даже аккредитовать у себя дипломатическую миссию по урегулированию финансовых вопросов. Австрийское правительство ради денег было готово на все. Ведь согласно незыблемому правилу капитала «деньги не пахнут».

Едва только пришли первые скудные сведения о назревающих в Германии событиях, как Ленин, находившийся тогда после ранения в Горках, отправил Свердлову (1 октября) записку о необходимости срочно информировать массы и принять ряд мер.

«Дела так «ускорились» в Германии, — писал он, — что нельзя отставать и нам. А сегодня мы уже отстали.

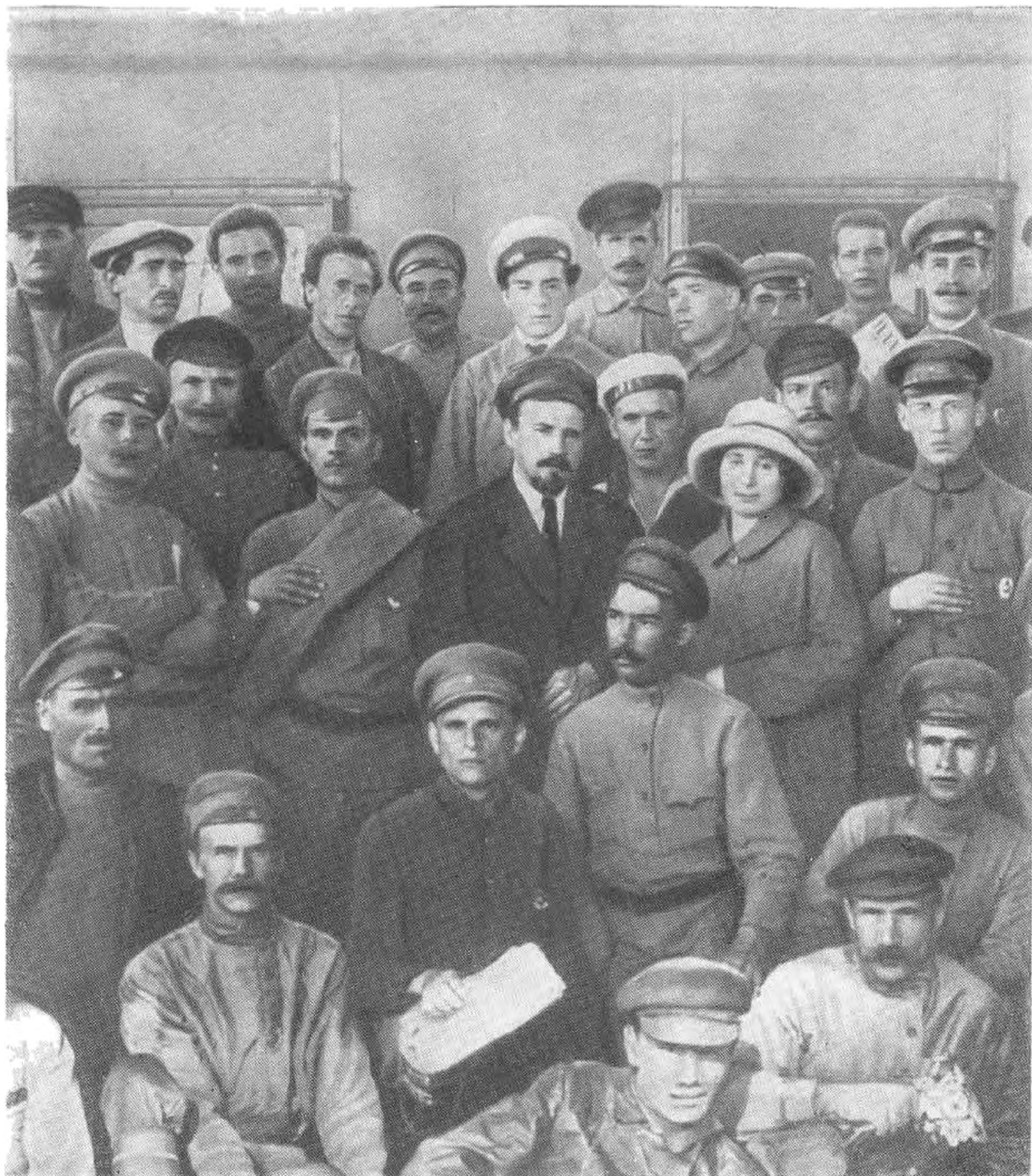

В. И. Ленин произносит речь с балкона Моссовета.

В. И. Ленин на Красной площади у Кремлевской стены. Перед открытием мемориальной доски. 7 ноября 1918 г.

Секретари МК РКП(б) И. А. Зеленский (в верхнем ряду четвертый), В. М. Загорский (шестой), В. М. Лихачев (во втором ряду в центре) провожают московских коммунистов, отправляющихся на фронты гражданской войны.

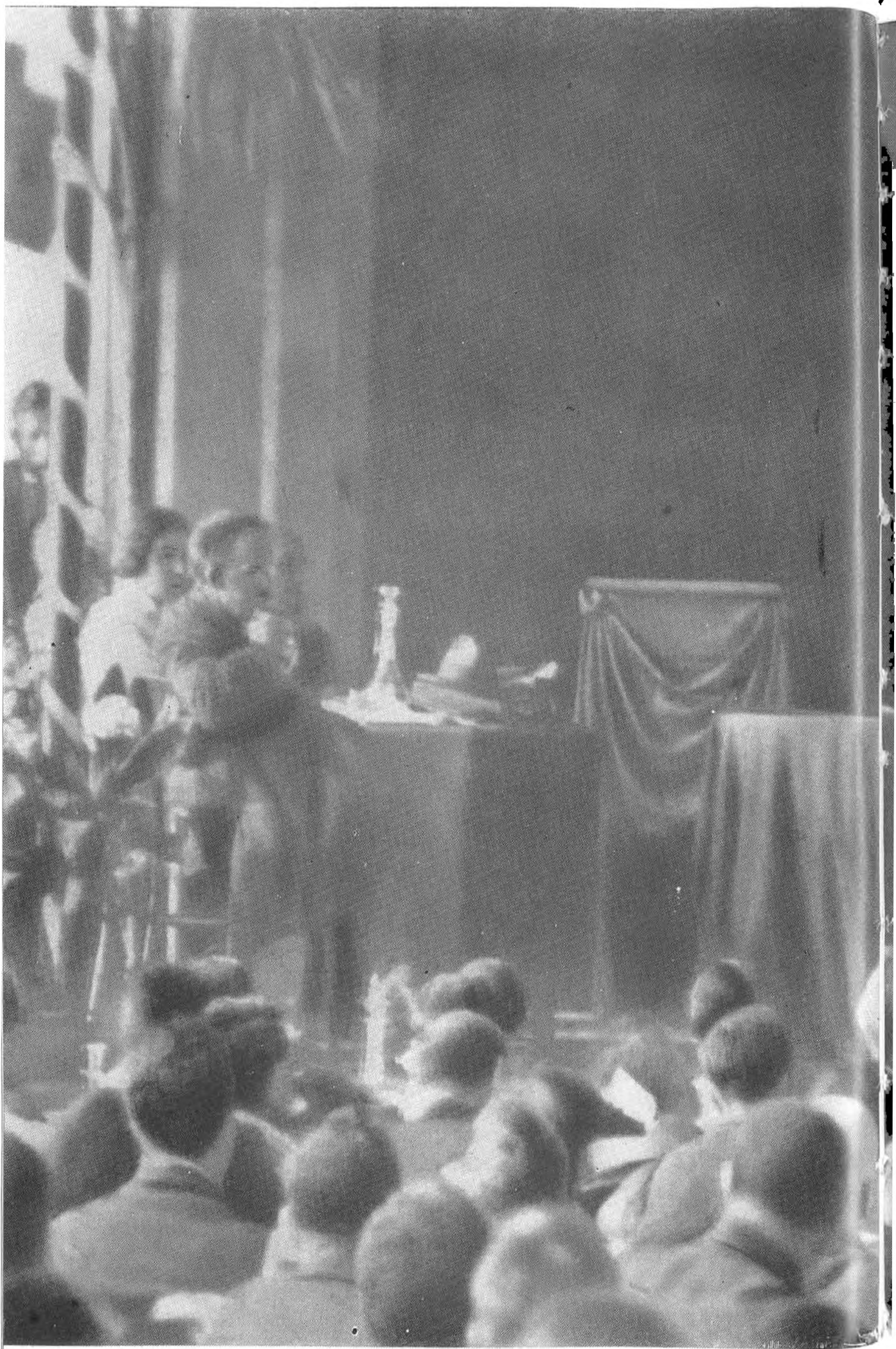

Курсы по подготовке политкомиссаров при штабе Реввоенсовета Южного фронта.

Первая редакционная коллегия журнала «Коммунистка» — П. К. Крупская, И. Ф. Арманд, М. С. Ольминский, А. М. Коллонтай, К. И. Николаева, П. С. Виноградская.

В. И. Ленин выступает на III конгрессе Коминтерна.

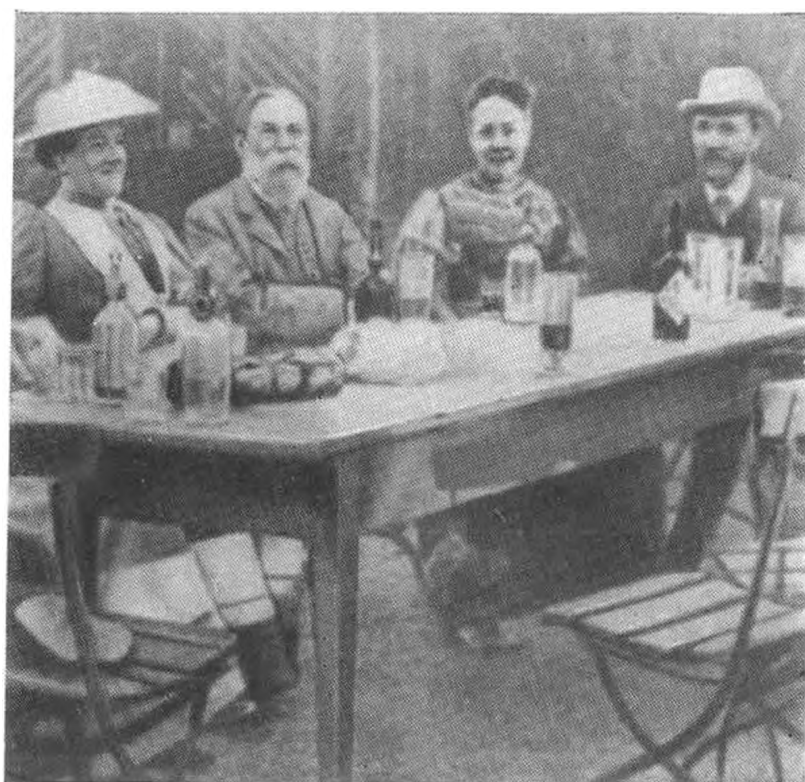
В. И. Ленин и Е. Д. Стасова.

И. Ф. Арманд

А. М. Коллонтай и П. С. Виноградская на 2-й Международной конференции коммунисток в Москве. 1921 г.

Клара Цеткин,
Фридрих Энгельс,
Август Бебель в
период цюрихско-
го конгресса II
Интернационала.
1893 г.

Карл Либкнехт.

Роза Люксембург.

Клаара Цеткин и Н. К. Крупская.

Надо созвать *завтра* соединенное собрание ЦИК, Московского Совета, Райсоветов, Профессиональных союзов и прочая и прочая...»

Незадолго до отъезда мне пришлось помочь в созыве депутатов Моссовета на это экстренное объединенное заседание с членами ВЦИК, назначенное по предложению Ленина.

Помню, как все депутаты наперебой спрашивали, будет ли Ленин на этом собрании. Ленину очень хотелось выступить перед депутатами. В той же записке Я. М. Свердлову он просил дать ему слово хотя бы на четверть часа. «...я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только: *с о г л а с н ы*)». Но такого согласия Ленин не получил. Опасаясь за его здоровье (после ранения), товарищи из Центрального Комитета партии не разрешили ему приехать. Надежда Константиновна рассказывала позднее: Ильич знал, что машину за ним не пришлют, а все же в этот день сидел у дороги и ждал...

Ленину пришлось ограничиться письменным обращением к депутатам, которое они выслушали с огромным вниманием и искренним волнением. «В Германии разразился политический кризис...— писал Ленин.— Этот кризис означает либо начало революции, либо, во всяком случае, то, что ее неизбежность и близость стали видны теперь массам воочию».

Несмотря на то что сведения, полученные из Германии, были кратки и противоречивы, Ленин дал четкий анализ положения и правильно предсказал дальнейший ход событий. Он считал вероятным образование в Германии коалиционного правительства с участием социал-демократов, которых охарактеризовал как «лакеев буржуазии, этих продажных людишек,— таких же, как наши меньшевики и эсеры...» 3 октября кайзер назначил рейхсканцлером принца Макса Баденского. А социал-демократ Шейдеман вошел в правительство в качестве статс-секретаря.

В упомянутой записке Свердлову Ленин наметил тактику, которой должно будет придерживаться наше пролетарское государство в отношении официальной Германии: «Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II + Эберт и прочие мерзавцы». Но Ленин настойчиво призывал оказывать через их головы всемерную помощь немецкому пролетариату: «...немецким рабочим массам, немецким трудящим-

ся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще только духом), мы братский союз, хлеб, помощь военную начинаем готовить».

Владимир Ильич лучше, чем кто-либо другой, знал, как пострадали от голода трудящиеся России, и все же он выразил уверенность, что они по-братски поделятся своим скудным хлебным пайком с изголодавшимся немецким народом, который еще только начинал свою борьбу. Ведь всякое начало трудно, особенно в революции! Ленин призывал удешевить усилия по заготовке хлеба, создать пункты сбора на каждой фабрике, в каждой ячейке, в каждом селе. Призыв Ленина встретил всеобщее одобрение. Депутаты приняли резолюцию о готовности выполнить свой долг солидарности с немецким пролетариатом. Эта резолюция была передана за границу.

Наш народ горячо принялся за организацию помощи немецким пролетариям. По всей Москве, помню, происходили собрания. Один за другим выступали рабочие и работницы, матери семей и выражали готовность поделиться последним. «Еще потуже затянем пояс, нам не впервые,— говорили одни,—лишь бы им помочь». «Надо с ними по-пролетарски делиться и поддержать их именно теперь — в самое трудное для них время»,— предлагали другие. И вскоре «Правда» запестрела резолюциями собраний и митингов из разных городов и сел о готовности помочь немецким братьям по классу. Вот некоторые из них:

«В великий час тяжелой борьбы за социалистическую революцию, когда в Германии, Болгарии и Австро-Венгрии начинаются революционные выступления, мы должны им протянуть руку братской помощи...» Или: «Мы, зачинщики революции, считаем своей обязанностью помочь немецкому пролетариату всеми средствами». И люди отдавали последнюю корку хлеба для борющегося немецкого пролетариата.

Широко известно, как позднее реагировали на эту помощь немецкие социал-демократы, вошедшие в правительство. На великодушный акт русского народа, на выраженное им чувство интернационализма по отношению к немецкому пролетариату они ответили отказом и не пустили в Германию вагоны с продовольствием. Они предпочли вымаливать продовольствие у американских империалистов, считая для себя более приемлемым получать милостыню из рук президента Вильсона, нежели принять братскую помощь из рук русского пролетариата. Когда до наших

рабочих дошла весть об этом, они заклеили социал-демократических руководителей позором.

Что же касается проектируемой Лениным помощи немецкому рабочему классу, немецкое правительство немедленно выразило официальный протест в ноте, переданной советскому полпреду в Берлине А. А. Иоффе. В ней указывалось, что решение Советского правительства якобы противоречит германо-русскому договору. Г. В. Чичерин в своей ответной телеграмме А. А. Иоффе подробно разъясняет суть вопроса и дает необходимые инструкции.

В телеграмме говорилось (привожу ее почти целиком):

«...Речи не может быть о нарушении 2-й части статьи, ибо то Германское правительство, по отношению к которому эта статья могла бы считаться нарушенной, после рескрипта кайзера, больше не есть правительство Германии, а вместо него есть новое правительство. В такой момент, когда крысы покидают корабль, буржуазное правительство примкнуло бы к побеждающей стороне и постаралось бы выговорить себе всякие выгоды за счет побежденного... или пыталось бы шантажировать побежденного... Мы прямо заявляем, что мы не сближаемся с противоположной коалицией... Зато мы впервые конкретно и определенно выдвинули тактику союза с революционным пролетариатом...» В этой же телеграмме Чичерин подчеркнул важность такого шага: «...Это имеет историческое значение — это есть поворотный пункт нашей политики и пролетарской политики вообще».

Когда позднее произошли революционные события в Австро-Венгрии и Ленин узнал, что у нас массы трудящихся стихийно вышли на демонстрацию и по революционной традиции собрались у Московского Совета, то на этот раз он ни у кого не стал спрашивать разрешения и примчался сюда, выступил перед народом с горячей речью с балкона Моссовета.

Ленин, разумеется, сразу же решил воспользоваться представившейся возможностью направить дипломатическую миссию в Австрию. По его предложению в состав миссии включили не только финансовых специалистов, но политических деятелей, людей, хорошо знающих эту страну, способных ориентироваться в революционной обстановке. Возглавлял эту миссию Ю. Ю. Мархлевский.

Австро-венгерское правительство согласилось аккре-

дитовать ее, так как с нею, как уже говорилось, связывались определенные финансовые надежды. Однако против кандидатуры полномочного посла, предложенного Советским правительством, австрийцы с самого начала стали категорически возражать. Недаром Иоффе телеграфировал Чичерину: «Из вчерашнего разговора с Кинским¹ вынес впечатление, что они действительно хотят поскорее проташить финансовые дела и избавиться от всяких дипломатических представителей».

Миссии разрешено было выехать в Вену в самом начале октября. Но тронуться в путь мы смогли далеко не сразу. Уж очень много непредвиденных препятствий оказалось на этом пути. Причем препятствия чинили не только австрийцы, но, как ни странно, немецкое правительство и даже испанское.

Казалось бы, вполне естественно, что миссия, направляющаяся в Австрию проездом через Германию, остановится в Берлине. Ленин в эти дни был полон нетерпения поскорее узнать подробности того, что происходит там. Естественно, ему очень хотелось получить информацию от Ю. Ю. Мархлевского, который хорошо знал Германию. Более двадцати лет отдал Юлиан Юзефович немецкому рабочему движению и был тесно связан с руководителями союза «Спартак». Но именно из-за Мархлевского германское правительство чинило препятствия. Оно воспротивилось даже кратковременной остановке членов миссии в Берлине. А. А. Иоффе писал об этом Чичерину:

«...Что касается проезда, то, не будь Мархлевского, можно было бы ехать, как вам угодно: через Берлин или прямо, но относительно Мархлевского я обещал, что он в ближайшее время не приедет в Германию также в экстраординарном качестве...»

Иоффе имел в виду те переговоры, которые он в свое время вел с немецким правительством по поводу обмена Мархлевского, который в качестве гражданского пленного содержался в лагере. Германское правительство выдало его Советской России при условии, чтобы он никогда больше в Германии не появлялся.

И пошли хлопоты, переписка: «С Венской комиссией хлопочу,— пишет Иоффе,— но так скоро это не делается».

А Ленин настаивает, торопит. И снова Чичерин телеграфирует Иоффе: «Наши очень желают, чтобы вся комис-

¹ Секретарь австрийского посольства в Берлине.

сия могла проехать в Вену через Берлин». Наконец разрешение было получено.

Тогда у Чичерина начались другие хлопоты и волнения. Необходимо было получить обратно помещение бывшего посольства Российской империи в Вене для размещения миссии. Дело в том, что здание это, покинутое царским посольством еще в начале войны 1914 года, не было передано позднее Советскому правительству, а вместе со всем находившимся в нем имуществом было отдано под временную «опеку» испанскому посольству.

Г. В. Чичерин телеграфировал в связи с этим Иоффе: «Пожалуйста, заявите Испанскому правительству через Австрийское консульство, что мы просим передать здание русского посольства в Вене нашей специальной комиссии... О том же я телеграфирую испанскому поверенному в делах в Петроград. Пожалуйста, попросите Австрийское правительство со своей стороны передать наше заявление Испанскому посольству в Вене».

Казалось бы, вопрос ясен: дом и имущество — чужие, их надо вернуть владельцу. Но испанцы тянули с решением этого вопроса. В своем ответе Иоффе они ссылались на то, что здание непригодно для жилья, нет, мол, мебели (которую они, видно, сами и растащили). Иоффе им ответил, что это — не препятствие для вселения миссии — мебель можно приобрести в магазинах Вены. Тогда испанцы категорически отказались вернуть здание. Иоффе решил обратиться к посредничеству австрийского правительства.

Вполне понятно, что наглые действия испанцев возмутили Ленина, и, видимо, по его поручению Чичерин телеграфирует Иоффе:

«Нам нужно вовсе не посредничество Австрийского правительства, а просто содействие для осуществления нашего законного права — получение обратно нашего посольства и всего содержимого. Это содействие может выразиться даже в применении вооруженной силы, для отнятия у испанцев незаконно захваченного нашего имущества. За бездействие власти мы возложим ответственность на Австрийское правительство. Что касается Испанского, мы сделаем все выводы по отношению к его представителям в России и церемониться не будем. *Ленин не любит полумер* (курсив наш. — П. В.). Мебель, которая была в посольстве, и архив подлежат возвращению нам. Не понимаем, зачем идти в магазин, когда мы оставили в

посольстве нашу мебель. Вы знаете, что разрыв перед войной произошел внезапно. Никакую обстановку ни с той, ни с другой стороны быстро уезжающие не повезли с собой».

Наконец 15 октября мы двинулись в путь. Сохранилась телеграмма, посланная из Москвы Чичериным в Германию А. А. Иоффе в день нашего отъезда с сообщением состава миссии и ее секретариата:

«Сегодня уехали следующие лица: Юлий Юзефович Мархлевский, Николай Иванович Бухарин, Александр Петрович Спунде. При них секретари: Исидор Давидович Рабинович, Георгий Федорович Лапчинский, Полина Семеновна Виноградская...» И в заключение Георгий Васильевич просит: «Примите, пожалуйста, меры для беспрепятственного проезда указанных лиц».

Хотя мы трое числились секретарями, но на нас были возложены совершенно разные обязанности. Так, И. Д. Рабинович был специалистом по финансовым вопросам, прикомандированным к миссии Наркомфином. Лапчинский был кадровым работником Наркоминдела. Мне же была поручена секретно-шифровальная часть.

Одновременно с нами выехали еще два телеграфиста и сотрудники РОСТА, о которых тоже Г. В. Чичерин сообщил в той же телеграмме.

На руках у Ю. Ю. Мархлевского, кроме солидной дипломатической «паспортипы», имелось еще и дипломатическое письмо, адресованное министру иностранных дел Австро-Венгерского правительства. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин просит в нем «войти в официальные отношения со специально делегируемой комиссией, облеченной полным доверием Правительства Республики Советов...» Она наделена всеми полномочными правами для представительства, а также для ведения переговоров; в частности по вопросам, касающимся дополнительного соглашения к мирному Брестскому договору. Далее выражалась надежда, что «переговоры и работа с комиссией Советской страны будут протекать в полном согласии и в соответствии с теми делами, во имя которых члены комиссии делегированы в Вену».

Глава нашей миссии Юлиан Юзефович Мархлевский был исключительно яркой личностью. Человек почти легендарной биографии, прошедший суровый и сложный

жизненный путь, в общении с людьми он был чрезвычайно мягким, обходительным и очень доброжелательным. Веселый, остроумный, неистощимый рассказчик, Юлиан Юзефович был всеобщим любимцем. Невысокого роста, худощавый, с небольшой бородкой и пышными усами, в которых уже пробивалась седина, с горящими и задорными голубыми глазами, он не очень походил внешне на сурового борца-революционера. Между тем Юлиан Юзефович всю свою жизнь посвятил рабочему движению и классовой борьбе. Он был живой историей и активным участником революционного движения Польши, России, Германии, Швейцарии. Уже одно это свидетельствовало о том, что он убежденный интернационалист не только в теории, но и на практике. И не удивительно, что со времени создания III Коммунистического Интернационала он играл в нем очень активную роль. Мархлевский был не только одним из пионеров рабочего революционного движения. Он известен также как автор трудов по экономике и ряда теоретических статей. Но сила Мархлевского была не столько в «теоретизировании», сколько в умении просто и популярно излагать сложнейшие теоретические вопросы. К тому же он умел искусно увязывать, казалось бы, самые абстрактные вопросы теории с практикой, с жизнью и бытом пролетариата, с требованиями текущего момента. Ведь он сам долгие годы был рабочим.

Мархлевский родился в 1866 году, в Польше. Окончил реальное училище в Варшаве. Несмотря на блестящие способности, он не мог из-за отсутствия средств продолжать образование и стал рабочим-красильщиком. Он трудился на текстильных фабриках Польши, Германии и других стран. Очень рано примкнул к революционному движению. Мархлевский сразу понял, какую великую роль предстоит сыграть пролетариату в современном капиталистическом обществе. Лучше многих других он понял также, что польский пролетариат добьется своего освобождения и национальной независимости Польши не в союзе с националистически настроенной шляхтой и мелкой буржуазией, а в тесном союзе с русским пролетариатом, борясь вместе с ним рука об руку против царизма и против общего классового врага. Мархлевский был одним из первых создателей и организаторов «Союза польских рабочих», который стал в будущем основой Польской социал-демократической партии.

Юлиан Юзефович не раз подвергался арестам, сидел в

десятом павильоне Варшавской цитадели, но и в тюрьме продолжал революционную работу: руководил кружками, писал листовки и т. д. После побега из тюрьмы очутился в Швейцарии. В Цюрихе осуществил наконец свою заветную мечту: поступил в университет. Здесь ему повезло еще в другом отношении — он встретился и подружился с Розой Люксембург, которая училась на факультете общественно-политических наук Цюрихского университета. Их дружба длилась всю жизнь, вплоть до трагической гибели Розы.

В 1896 году, после окончания университета и блестящей защиты диссертации о «физиократах в Польше», за которую он был удостоен степени доктора, Мархлевский уехал в Германию. Здесь он сотрудничал в немецкой социалистической прессе под псевдонимом Карский и принимал активное участие в немецком рабочем движении.

В 1905 году, когда в России вспыхнула революция, он примчался на родину. В одном из писем Мархлевский писал: «Мы живем в атмосфере революции, живем в чудесное время! Как захватывающе прекрасна эта жизнь!» В другом письме, датированном 23 декабря, мы читаем: «Сегодня в Польше объявлено военное положение. Некогда писать, нужно бороться. Что принесет этот день, даже следующий час? Этого не знает никто... Но ближайшее будущее... оно принесет победу революции...»

В декабре 1906 года его арестовали. Но он жил под чужой фамилией и как неопознанный был вскоре выпущен. Затем участвовал в V Лондонском съезде РСДРП(б) как делегат социал-демократии Польши и Литвы.

С Лениным Мархлевский встретился еще в период создания «Искры», когда оказывал посильную помощь этой газете. Позднее он, по его собственному признанию, расходился с Лениным по организационным вопросам, но на V съезде отстаивал большевистскую позицию. Мархлевский принимал участие в Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте в 1907 году. Он голосовал вместе с Лениным по всем актуальным вопросам. После угрозы нового ареста Мархлевский пересехал в Берлин.

В Германской социал-демократической партии Мархлевский поддерживал левое крыло. Многие годы он работал рука об руку с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерином. А затем вошел в организованную им группу «Спартак». Уже упоминалось, что он был тесно связан со «спартаковцами» и большой личной

дружбой. В этом я убедилась, будучи свидетельницей их горячей встречи в 1918 году в Берлине после длительной вынужденной разлуки. С самого начала первой империалистической бойни Мархлевский занимал интернационалистическую позицию, выступал ярким противником войны и вместе с другими спартаковцами клеймил руководство германской социал-демократии за измену и предательство.

Арестованный в 1916 году, Мархлевский очутился затем в Гавельбергском концлагере. Но Владимир Ильич, русские товарищи не забыли старого соратника. По ходатайству Советского правительства Мархлевский был освобожден и провел в нашей стране последние семь лет своей жизни — сначала в Петрограде, а затем в Москве. Заполняя анкету, на вопрос «Где бы вы хотели работать?» — он ответил: «Где прикажет партия». В этом был весь Мархлевский.

По приезде в Россию Мархлевский сразу же с головой окунулся в разнообразную работу — хозяйственную, дипломатическую, журналистскую, преподавательскую, партийную — словом, всегда был там, где было нужнее. Но годы, проведенные в тюрьмах и концлагере, не прошли бесследно для его здоровья. Неизлечимая болезнь почек свалила его. Я навестила Юлиана Юзефовича в санатории под Москвой. Он был прикован к постели, испытывал тяжкие боли, сильно похудел, пожелтел. Но голубые глаза его улыбались, он оставался жизнерадостным, неколебимым и пытался шутить. По совету врачей Советское правительство отправило его для лечения в Италию. Но спасти его не удалось; в марте 1926 года он там и скончался.

Совсем непохожим на Ю. Ю. Мархлевского был более молодой член нашей делегации — Александр Петрович Спунде, хотя в юношеские годы, в пору становления, у них было много общего. Оба испытали на себе национальный гнет, оба начинали жизнь пролетариями, оба еще в юности стали посещать нелегальные кружки, рано примкнули к революционному движению. Но по складу ума, характера и дальнейшему жизненному пути они были очень разными.

Александр Петрович Спунде — латыш по национальности — сын столяра из города Цесис. Еще мальчишкой он помогал восставшим рабочим в первую русскую революцию. Рано испытал тяжесть труда ради хлеба насущного,

Спунде одновременно познал и радость участия в нелегальных кружках. Семнадцатилетним пареньком, еще в 1909 году, в пору столыпинской реакции, Александр Петрович связал свою судьбу с большевистской партией. А дальше началась нелегальная деятельность, последовали аресты и ссылка в Сибирь. Оттуда его освободила Февральская революция 1917 года. Партия направила его на Урал. Товарищи-уральцы вспоминают его вечно мчащимся с митинга на митинг, с краюхой хлеба под мышкой, которую он время от времени осторожно пощипывал, чтобы хоть немного утолить голод. Бывало, он неделями не знал горячей пищи. Спунде возглавлял партийную организацию Перми и других городов Урала. Был выбран в Учредительное собрание и оказался в Петрограде. После победы Октября его назначили комиссаром Госбанка. Н. К. Крупская, как известно, сама чрезвычайно скромная, была поражена его спартанским образом жизни. Спунде, работая в Госбанке, проводил там все время — там же жил и спал. «Простая железная кровать, на которой он спал, одиноко и никчемно стояла в каком-то большом зале заседаний», — писала Надежда Константиновна.

Этот аскетический образ жизни не только соответствовал духу того времени, но был вполне естественным для исключительно сурового внешнего облика Спунде и всей его натуры. Высокий, худющий, обросший рыжей щетиной, с такими же рыжеватыми волосами, стриженными ежиком, одетый в повидавшие виды красноармейские брюки и гимнастерку, Александр Петрович Спунде порою даже немного отпугивал людей, особенно своим остропронизывающим взглядом из-под насупленных бровей. Малоразговорчивый, непримиримый Спунде казался фанатиком. В партийных вопросах он всегда стоял на крайне левом фланге. В свое время был отчаянным противником заключения Брестского мира. Но несмотря на свою суровость, он был очень мягким и душевным человеком.

Когда я позже познакомилась с его письмами, адресованными жене (Анна Григорьевна Кравченко — одна из старейших членов партии — любезно предоставила мне их), я была поражена той трогательной теплотой, нежностью, которыми они были пропитаны.

Во время нашей поездки, едва только представлялась свободная минута, Спунде тут же принимался за письма жене. Причем писал их либо на больших листах, очевидно вырванных из каких-то старых конторских книг, либо на

листочках из школьной тетради. Я как-то сказала ему, что неудобно писать на такой бумаге, и подарила блокнот. Совсем недавно по прошествии более полувека я узнала из его письма к жене, написанном тогда, что он не использовал этот блокнот, а отослал жене. Он писал ей: «Посылаю тебе блокнот. Мне его подарила т. Виноградская, которая едет с нами. Сохрани его на память об этих днях».

Отрешенный от житейских забот, А. П. Спунде не удосужился даже перед отъездом застаться ордером на более или менее «приличную» одежду — это полагалось отъезжающим за границу. Он так и поехал в своем потрепанном красноармейском обмундировании, но раздобыл где-то невероятной длины старое драповое пальто, достигающее до пят даже ему, а на голову надел потертую черную фетровую шляпу с высокой тульей. Он сам понимал, сколь пелепо он выглядит, тем более для европейцев, и с сожалением писал жене: «С моей «европейской наружностью» ничего не вышло. Еду в зеленой гимнастерке и в черном пальто. Почему, расскажу в другой раз. Коротко: чужую помощь прозевал, а ведь сам я — ты знаешь — беспомощен. Ну и тем лучше для меня. Ибо я ведь дураком себя чувствую среди европейцев».

И товарищи в пути по-дружески посмеивались над затейливой одеждой Спунде. А Мархлевский брал его под защиту. Он доказывал, что в Германии вообще можно обойтись без пальто. И, подняв полы своего пиджака, стал кокетливо пританцовывать, изображая, как польская паненка тапцует, напевая: «Raz, dwa, trzy!» Все расхохотались. Юлиан Юзефович был вообще прекрасным танцором, особенно изящно он танцевал мазурку. Но и народные польские танцы здорово отплясывал.

Едва только поезд тронулся, мы прильнули к окнам. Печальна была картина, представшая перед нашими глазами. Уже сразу за Оршей появились пограничные столбы и колючая проволока; кое-где стояли немецкие пограничники в касках. На станциях были зачеркнуты их русские названия и пестрели уже таблички с немецкими надписями. Многие города и поселки, такие как Сморгонь, Молодечно и другие, были разрушены. Кругом безлюдье, на месте многих домов торчат одни трубы. Правда, это опустошение было результатом не только нашествия германских полчищ, но отчасти и плодом царской национальной

политики. Царизм всячески притеснял и поляков и белорусов, населяющих эти места. Первая империалистическая война началась успешно для немцев. Перейдя границу, они воевали на нашей территории. Русское командование, считая поляков «потенциальными врагами», с бесчеловечной жестокостью сгоняло их с насиженных мест еще до начала боев. Им не давали даже минимального времени на сборы. Объятые страхом, растерянные, люди бросали свой скарб, скот, утварь.

Вслед за произволом царских самодуров, разорение этих краев довершили немецкие оккупанты, которые разрушали и сжигали все на своем пути.

Из окон поезда мы видели поля, усеянные могильными крестами. Порой мелькали землянки, блиндажи, а между ними различались линии окопов.

Первая мировая война хоть не идет ни в какое сравнение по технике уничтожения людей и варварству со второй, но и она была очень жестокой. Ведь и тогда было уничтожено десять миллионов человек и искалечено, ранено двадцать миллионов. И во имя чего? Лишь для того, чтобы «...решить вопрос: кому — английским или немецким хищникам господствовать над всем миром». Об ужасах империалистической войны, неисчислимых жертвах и страданиях, которые она несет людям, говорили мы тогда между собой в вагоне. И Спунде не раз невольно вспоминал, как прав был Ленин, отстаивая Брестский мир, и как нелегко далась ему тогда борьба. Александр Петрович, ходивший прежде в «левых коммунистах», тогда, в вагоне, с сожалением вспоминал о том сопротивлении, которое они оказывали Ленину.

Собираясь в путь, мы были полны самых радужных надежд. Мы знали, что едем навстречу бурному движению, революционному подъему. Нам не терпелось поскорее увидеть эти окрыляющие события.

И вдруг эта печальная картина... Она навела на нас глубокую тоску и даже тревогу. Словно кинолента, движущаяся в обратную сторону, мысль вернула нас назад, к тяжелым дням Советской республики. Недаром древние говорили, что путник вначале пути погружен в думы о том, что осталось позади, дома, а лишь в конце пути думает о грядущем, о том, что его ждет впереди, на новом месте. И мы много думали, говорили о трудностях, переживаемых нашей страной.

Ведь после того, как вырвались из войны с немцами,

заклучив тяжелый мир, мы снова попали в войну, еще более опасную. На этот раз гражданская война сомкнулась с иностранной интервенцией. Это была война не только с помещиками и капиталистами — белогвардейской контрреволюцией, — но и с более грозным и опасным врагом — англо-американским и французским империализмом. Все они заключили священный союз для удушения Советской власти.

На память пришли слова В. И. Ленина, сказанные им совсем недавно в письме к американским рабочим: «Мы находимся как бы в осажденной крепости...» Как кратко, точно и выразительно это сказано!

Постепенно, по мере нашего продвижения картина менялась и все больше убеждала нас в правильности выводов и предсказаний Ленина о том, что обожравшийся зверь — немецкий империализм лопнет, а в его чреве созреет новый гигант.

На перронах уцелевших вокзалов и станций, хоть и довольно запущенных, мы видели все больше немецких солдат. Вид у них был далеко не воинственный, а скорее пришибленный. Нам, естественно, не терпелось поскорей побеседовать с ними, «прощупать» их, как выразился Мархлевский. Сам он, как глава миссии, не решался выходить во время остановок. Но другие члены делегации на каждой остановке выскакивали из вагона, чтобы «понюхать немецкого духа», как говорили они, и завязать беседы с немецкими солдатами. Выяснилось, что войной солдаты сыты по горло, многие из них говорили: «Ну зачем нам все эти границы?», «Мы из разных стран, говорим на разных языках, но в пекло нас послали одни и те же господа, едят нас одинаковые вши, так нам надо взяться вместе и послать ко всем чертям и тех и других». Беседы эти не обходились без курьезов. На одной из остановок Спунде затеял обстоятельный разговор с немецкими солдатами. Он вообразил, что в Германии, как в старое время в России, пассажиров приглашают в поезд двумя звонками, да еще паровозными гудками и свистком. Но не тут-то было! Не успел Спунде «закруглить» беседу, как к своему ужасу увидел хвост удалявшегося поезда. А мы с не меньшим ужасом обнаружили, что один наш дипломат пропал... Мархлевский, как водится, пошутил: мол, если революционную агитацию мы будем продолжать в таком же темпе, то вскоре растеряем всех членов миссии и до Австрии так и не доедем.

Мы ломали голову: что же нам предпринять? Вдруг поезд остановился, и, к нашему изумлению, мы увидели выстроившееся перед нашим вагоном многочисленное немецкое начальство. Оказалось, что Спунде, увидев удалявшийся поезд, помчался на своих длинных ногах за ним и успел вскочить на подножку последнего вагона. Но так как двери вагонов в немецких поездах захлопывались герметически, то он не мог проникнуть в вагон. При ускорившемся ходе поезда стало трудненько висеть на подножке, и Спунде как-то ухитрился, используя русский опыт военных лет, взобраться на крышу поезда. Это было тотчас замечено. Сенсационная новость быстро долетела до начальства и произвела переполох. Поезд немедленно был остановлен, и с немецкой пунктуальностью сразу были доставлены сюда представители военных, железнодорожных властей и даже пожарные. Наконец, нашего дипломата сняли с крыши и водворили в купе. А представитель военной власти сам Негг Oberst — господин полковник, покачивая укоризненно головой, съязвил по нашему адресу: «У нас в Германии волны революции еще не бьют так высоко, чтоб надо было взбираться на крышу».

18 октября 1918 года мы прибыли, наконец, в Берлин. Заехали в полпредство. На его строгом сером здании, выдержанном в стиле прусской архитектуры, теперь развевался алый стяг Республики Советов. Мы застали там посла А. А. Иоффе и консула В. Р. Менжинского. Менжинский был в отличном настроении: в Германии, как он радостно сообщил, лед тронулся. За два дня до нашего приезда в Берлине состоялась внушительная демонстрация рабочих, которая направилась ко двору кайзера и требовала его отречения. Затем она подошла с восторженными криками: «Да здравствует Советское правительство!», «Да здравствует русская революция!» к советскому полпредству, выражая этим чувство солидарности с русской революцией.

Мархлевский был связан долголетней революционной работой и личной дружбой с Францем Мерингом, который тогда был болен. Поэтому в первый же день нашего приезда Юлиан Юзефович отправился к нему домой. Как он рассказывал нам потом, Меринг, несмотря на тяжкий недуг, оставался крепок духом. Он очень обрадовался старому другу, с которым его разлучили война и тюремное

заклучение. С верой в будущее говорил он о нарастающих событиях в Германии и о размахе русской революции.

В первое же воскресенье к нам в полпредство, где мы остановились, пришли «спартаковцы»: Дункер с женой, Берта Тальгеймер, недавно выпущенная из тюрьмы, и другие.

Как известно, левое крыло германских социал-демократов по инициативе Карла Либкнехта еще в начале 1916 года создало революционную группу «Спартак». Ленин очень высоко оценивал деятельность «спартаковцев», возлагал на них большие надежды. Он писал: «Работа германской группы «Спартак», которая вела систематическую революционную пропаганду в самых трудных условиях, действительно спасла честь немецкого социализма и немецкого пролетариата». Но при этом он подчеркивал, что наступает решительный час, назревает германская революция, которая ставит ряд новых важнейших задач.

Будучи в Германии, мы с особой силой убедились в правоте Ленина. В этот решительный час прежде всего необходима была своя собственная революционная партия, способная повести массы к победе. Ленин это предвидел и еще в начале октября 1918 года писал, что отсутствие такой партии — «величайшая беда и опасность...» «Спартак-овцы», судя по их словам, понимали это.

Помню, как товарищи, пришедшие тогда в полпредство, рассказывали, что поражение на фронте всколыхнуло рабочее массы, они воспрянули духом, но бродят как в потемках. Массы не знают, что делать, куда идти, как действовать. Отзвуки этой беседы содержатся и в письме Мархлевского, написанном тогда по горячим следам, которое хранится в Центральном партийном архиве: «В общем дела обстоят тут скверно и настолько скверно, что даже организации нет,— писал он,— удастся ли исправить это положение — сомнительно. Поэтому я боюсь, что все будет развиваться стихийно».

Среди тех, кто пришел к нам в полпредство, была и Софья Либкнехт — жена Карла Либкнехта. Умная, красивая, энергичная, она сразу же произвела на нас неотразимое впечатление. Ее голова с шапкой пышных темных волос была гордо откинута назад, а глубоко сидящие, большие и выразительные глаза подернуты печалью... Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Лео Тышко все еще были узниками кайзеровских тюрем.

Софья Либкнехт, урожденная Рысс, была нашей соотечественницей. Она родилась в Ростове-на-Дону. В Германию уехала, чтобы получить высшее образование. Софья и Карл встретились в Берлине и полюбили друг друга.

Искусствовед по специальности, Софья, однако, была далека от идей социализма. Она могла бы сказать о себе, как Есенин, который писал о «Капитале» и других произведениях Маркса и Энгельса: «Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал». Но большая любовь к мужу помогла ей понять то, чему он посвятил всю свою жизнь; его дело стало делом и ее жизни.

С первого же дня замужества она взвалила на свои плечи тяжелое бремя. Непрерывные разлуки, свидания за тюремной решеткой, выполнение сложных и срочных поручений Либкнехта, волнение и тревоги за его жизнь, когда он в тюрьме и когда на свободе. И все эти годы ей лично приходилось жить во враждебном окружении. Она рассказывала нам тогда в полупредстве, что непрерывно получала письма с угрозами от бесновавшихся врагов. В них говорилось, что «Карла вздернут на фонарный столб за его преступные речи», что «размозжат его череп», что «отдадут на съедение собакам его поганое сердце». А порой получала и такие краткие записки: «Моего пса я называл Либкнехтом».

Свою любовь к Карлу двадцативосьмилетняя Софья перенесла и на его троих детей от покойной первой жены. Она стала для них настоящей матерью. Их связывали крепко не только дух отца, но и ярая ненависть врагов, которую и дети чувствовали на каждом шагу, даже в школе.

Всего два года в общей сложности Софья и Карл были вместе. Софье Либкнехт суждено было дожить до победы германского рабочего класса и создания социалистического германского государства — Германской Демократической Республики. Живя долгие годы в СССР, Софья Либкнехт делала большую полезную работу и постоянно выражала восхищение успехами Советского Союза. Она скончалась в Москве 13 ноября 1964 года.

Неудачи на фронте, голод, страдания в тылу всколыхнули рабочие массы Германии. Но немецкая буржуазия, верхи были мало обеспокоены неудачами на фронте, а

больше всего — революционными выступлениями рабочих масс.

В письме Иоффе, адресованном 21 октября Ленину и Чичерину, мы читаем: «На меня производит впечатление, что паника гораздо менее в связи с военным положением и гораздо более из опасения революции. Дело доходит до курьезов: лица, близкие ко двору, укладывают свои чемоданы и собираются уезжать (куда — неизвестно)... В кругах крупной буржуазии начинают заниматься ремеслом: один банкир обучается столярному ремеслу, другие еще чему-то. Одним словом, предприимчивая германская буржуазия пытается приспособиться к будущим условиям. ...Большинство буржуазии готово уступить все, чтобы только избежать революции.

...С другой стороны нас стали чрезвычайно бояться. Если раньше мне часто говорили, что большевистская опасность для Германии не существует, то теперь все чаще заявляют обратное... Вообще мое впечатление такое, что теперь здесь более всего боятся большевизма и гораздо менее опасаются Антанты».

Хотя Германия сотрясалась уже от революционных толчков, но Берлин, куда мы прибыли с делегацией, сохранял еще обычный казенно-официальный, сурово-помпезный вид. Корона еще держалась на голове кайзера. В витринах магазинов красовались двухметровые портреты Вильгельма II в остроконечной каске, с закрученными сверху усами, а кое-где несколько меньшего размера портреты фельдмаршала Гинденбурга.

«Спартакowцы», навестившие нас в полпредстве, показали нам только что выпущенную ими листовку. В ней говорилось:

«Представители правительства утверждают, что в стране — демократия, свобода и народное правительство. Где же эта демократия? Где же эта свобода? Лучшие товарищи, борющиеся за настоящую свободу и демократию, сидят в тюрьме. Карл Либкнехт находится еще в каторжной тюрьме, в то время как его превосходительство Шейдеман красуется перед князьями. Наши единственные, действительно преданные товарищи, которые честно и мужественно борются за мир и хлеб для народа, носят арестантские халаты. В Моабитской тюрьме и в других темницах заточены сотни наших товарищей.

Роза Люксембург заключена в крепость, и это называется в Германии свобода и демократия! Товарищи рабо-

чие, можем ли мы дальше терпеть эту комедию? Наш первый долг, наш первый клич: свобода всем политическим заключенным. Мы не нуждаемся в амнистии, в милости. Мы требуем того, на что имеем право. Долой осадное положение!»

Листовка быстро распространилась в широких массах, и они живо откликнулись на ее призывы. В Германии начались внушительные демонстрации. Массы требовали освобождения заключенных. Правительство вынуждено было пойти на уступки и удовлетворить это требование. 23 октября в Берлине стало известно, что выпускают из каторжной тюрьмы Люкау Карла Либкнехта и он приедет в Берлин.

Сотрудникам полпредства не рекомендовалось идти на вокзал, но поскольку мы не работали в полпредстве, то Спунде и я решили встретить Либкнехта и пошли на Антгальский вокзал.

Огромные толпы заполнили все улицы, прилегающие к вокзалу, и саму вокзальную площадь. Двадцать тысяч рабочих пришли встречать Либкнехта! Это было величественное, незабываемое зрелище.

Поезд пришел с большим опозданием, но люди ждали. Наконец, из вагона вышел Либкнехт, окруженный родными, бледный, сильно сдавший за время тюремного заключения. Но он был полон энтузиазма, энергии и отваги. Засыпал встречавших его близких товарищей вопросами: «Каковы планы? Что намечено?» Первыми его словами, обращенными к собравшимся, были: «Долой правительство!» Восторженными возгласами встретил пролетариат Германии своего верного, испытанного вождя.

Радостно возбужденные рабочие подняли его и понесли по улицам Берлина, держа на плечах, а затем на руках. Либкнехту, очевидно, было не очень удобно в таком положении. Вдруг кто-то из демонстрантов увидел кабатчика, который вез тележку с пивом. Не долго думая, несколько рабочих отстранили его, захватили тележку, выкинули на мостовую бутылки и посадили в нее Либкнехта. Так везли они его торжественно по городу с восторженными криками и революционными песнями.

Как ни старались шупцманы в черных мундирах с обнаженными шашками и конная полиция разогнать толпу, оттеснить ее от Либкнехта — им это не удалось. Люди прорывались сквозь их стену, разрывали их цепи

и снова окружали своего Карла. На Потсдамской площади, той самой, где 1 мая 1916 года был арестован Либкнехт за его призыв: «Долой войну!» — демонстрация сделала остановку, и Либкнехт произнес короткую речь. Затем демонстранты подошли к зданию советского полпредства. Либкнехт тут выступил снова. Он приветствовал «русскую революцию и первое представительство мозолистых рук». А из толпы раздавались возгласы «Долой войну!», «Долой немецкое правительство!», «Да здравствует Советское правительство!».

Нам сообщили из Москвы, что когда весть об освобождении Либкнехта дошла до Советской России, то трудящиеся массы нашей страны вышли на улицы со знаменами, с песнями. Повсюду возникали митинги. И это вполне понятно. Ведь Либкнехт был не только вождем немецкого пролетариата, но и символом международной солидарности рабочих всех стран. В полпредство поступало на имя Либкнехта огромное количество приветственных трогательных телеграмм и резолюций из России — от трудящихся и красноармейцев с фронтов гражданской войны.

В 1971 году наша страна и всемирный пролетариат отметили столетие со дня рождения великого борца-интернационалиста Карла Либкнехта.

Карл с детства рос в атмосфере любви к рабочему классу и преданности идеям интернационализма. Свои революционные идеи, энергию и активность он во многом унаследовал от родителей. Предок по материнской линии, пастор Вейдиг был членом тайного общества и погиб в тюрьме. Когда Карл родился, его отец Вильгельм Либкнехт, был заключен в крепости за то, что призывал немецких солдат брататься с французскими во время франко-прусской войны. Он был участником германской революции 1848 года, позднее ему посчастливилось близко общаться в лондонской эмиграции с Карлом Марксом. А после введения Бисмарком драконовских законов против социалистов Вильгельму Либкнехту снова пришлось скрываться. Еще в юности Карл поклялся быть верным великим идеалам социализма, за которые боролся всю жизнь его отец. И он свою клятву выполнил. Если отец называл себя солдатом революции, то про сына вполне можно сказать, что он был вождем революции, хотя пришлось ему уже действовать в гораздо более сложной обстановке — в эпоху окрепшего капитализма и

рождающегося империализма, в пору перерождения немецкой социал-демократии.

Со страхом взирали социал-демократические вожди на молодого Либкнехта. Огромна была его популярность в пролетарских массах и среди рабочей молодежи.

Всю жизнь он дружил с молодежью и был в молодежной среде как равный среди равных. Мархлевский рассказывал нам, что Карл любил встречать новый год с самой зеленой молодежью в каком-нибудь дешевом кабаке. Всю новогоднюю ночь он, точно юноша, веселился с ними: так же как и они, он надевал маскарадный колпак, лихо плясал, громче всех пел. Либкнехт с его горячим сердцем, революционной страстью, неумной энергией, сам оставался молодым до последней минуты жизни. Ему были понятны все порывы рабочей молодежи, ее искания, ее мечты. Он хорошо умел направить в нужное русло, обратиться на пользу революционному движению все их эмоции и порывы. Известный немецкий социалист Август Бебель очень ценил в нем это качество. Еще в 1908 году, когда Карл сидел в крепости, он писал ему: «Нам нужна крепкая смена. К сожалению — это редкость. Ты — единственный, на кого я возлагаю надежды». Карл Либкнехт хорошо знал и часто повторял, что молодежь — это наше будущее. Вот почему он всячески старался оберегать молодежь от тлетворного влияния предательской социал-демократической верхушки.

Но чего никогда не могли простить Либкнехту немецкие социал-демократические вожди — так это его выступления 2 декабря 1914 года в рейхстаге, его могучий призыв: «Долой войну!» За это они мстили ему, доносили на него, исключили из фракции рейхстага. Но ничто не могло ни остановить, ни поколебать Либкнехта. Его погнали рядовым на фронт, заточили в тюрьму, но и оттуда доносился его голос, призывающий массы повернуть штыки против своих правительств. Ленин говорил, что имя Либкнехта — «символ преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции... символ действительно искренней, действительно готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом... символ непримиримой борьбы с империализмом не на словах, а на деле...»

И вот наконец Либкнехт на свободе! Массы вырвали его из тюрьмы. И разве не было символично то, что день освобождения Либкнехта почти совпал с первой годовщиной Великого Октября? Эти два радостных события

Либкнехт отпраздновал в кругу русских товарищей. Вместе с другими «спартаковцами» вечером 24 октября он приехал к нам в полпредство.

В атмосфере шумного ликования праздновали мы тогда первую годовщину Октябрьской революции и начало революции в Германии. Среди немецких товарищей были Карл и Софья Либкнехт, Герман и Кете Дункер, Эрнст Майер и многие другие. Даже смертельно больной Мериинг заявил твердо, что он должен вместе с русскими товарищами отпраздновать этот двойной праздник.

И его привезли к нам в полпредство. К сожалению, не было тогда с нами Розы Люксембург и Лео Иогихеса (Тышко), они еще находились в Моабитской тюрьме. Были здесь и «независимцы» — Эмиль Барт, Гуго Гаазе, Эрнст Деймиг и другие. Пришли также представители революционной молодежи. Вообще народу было очень много. Прием был многолюдным и торжественным.

Либкнехт был возбужден, взволнован. Он все повторял: «Вот она наконец, долгожданная революция. Мы не зря на нее работали!» Он весь просиял, когда ему дали телеграмму Ленина, посланную для него на имя Иоффе.

«Передайте немедленно Карлу Либкнехту наш самый горячий привет. Освобождение из тюрьмы представителя революционных рабочих Германии есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма...»

Помню, Либкнехт восторженно воскликнул:

— Мне кажется, что все происходит точно в сказке. Двадцать четыре часа назад я сидел в тюремной камере за глухими стенами, охраняемый строгими церберами, а сегодня нахожусь среди товарищей, в Советском полпредстве, залитом светом, убранном цветами... Здесь звучат близкие сердцу дружеские речи товарищей. За эти несколько часов моей свободы я только успел бегло просмотреть декреты, обнародованные вашей революционной властью за время ее короткого существования, и убедился, что они действительно ведут к освобождению угнетенного класса. Вы указали лучший путь. И для нас нет иного пути.

И еще он говорил о своей ненависти к вождям немецкой социал-демократии — прислужникам империалистической буржуазии. Он порицал также центристов — «независимых» — тех, кто в решающие дни топчется на месте и толкуют о «единстве». Единство огня и воды гасит огонь и превращает воду в пар. Единство волка с овцой отдает

овцу на съедение волку; единство пролетариата с господствующими классами приносит пролетариат в жертву; единство с предателями означает поражение...

Он осуждал и тех, кто смелы и революционны только на словах, — «героев фразы».

Подняв руку, Либкнехт сказал:

— Вместе с массами я буду до победного конца, или же я погибну!

Это прозвучало как клятва, и клятву свою он сдержал.

Франц Меринг, преданнейший друг нашей страны, также выразил свой восторг перед нашей революцией и ее размахом. Слезы радости навернулись на его глаза и потекли по белой бороде. Вторя Либкнехту, Меринг сказал, обращаясь к русским товарищам:

— Если даже небольшую толику из этих декретов вы провели в жизнь, то это уже великое, небывалое чудо, истинное чудо!

И напомнил мудрую мысль Шиллера: «Великий шаг в деле облагораживания человека заключается в том, что законы уже исполнены добродетели, хотя люди еще не стали таковыми».

Белый как лунь Меринг был прикован к своему креслу на колесиках, а Карл Либкнехт был весь в движении. Он то прохаживался с женой и сыном Хельми (Вильгельмом) по залу, то снова принимался горячо говорить о том, как прекрасна революция, сколько еще дел их ждет впереди...

Помню, я набралась храбрости и вместе со «спартаковкой» Фанни Езерской подошла к Либкнехту и сказала, что теперь можно быть спокойным за немецкую революцию, раз он на свободе. Замахав руками, он возразил:

— Сами массы уже действуют. Революция катится неудержимо, словно лава! Никакая сила теперь не сможет удержать массы. Они добьются победы. Теперь уже сами массы, а не вожди решат судьбу немецкой революции, — добавил он. И закончил словами Гете:

Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!

Один из членов нашей миссии пригласил Либкнехта поехать в Советскую Россию на Октябрьские торжества. Он ответил:

— Я поехал бы с величайшим удовольствием. Знаю, что это были бы самые лучшие минуты в моей жизни. Ведь это небывалое счастье увидеть, как восторжествовал социализм в громаднейшей стране. Но в данную минуту я нужнее тут, в Германии.

Это были не только слова. На другой же день после освобождения со всей своей кипучей энергией и горячностью окунулся он в революционную работу. Желая избежать полицейской слежки, Либкнехт не жил в своей квартире. Часто он не знал, где проведет следующую ночь, но бывал на заводах, беседовал с рабочими, агитировал. Порою за один только день Либкнехт успевал выступить на нескольких предприятиях. Истинный революционер, он чувствовал неизбежность революционной бури и делал все, что мог, для ее приближения. Он призывал массы к активным действиям. Он выработал детальный план вооруженного восстания... А когда массы убедились, что невозможно покончить с ненавистной войной и кайзеровским режимом полумерами и поднялись на бой, Либкнехт сам сражался в их первых рядах и отдал свою жизнь. И теперь, когда я думаю о Либкнехте, мне неизменно вспоминаются строки Гейне:

Я меч, я пламень,
Я светил вам во тьме,
А когда началась борьба,
Бился впереди, в первом ряду.

Поэт, слагая эти строки, словно бы видел нашего пламенного Карла в те героические дни.

Грозные тучи нависли и над Австрией. Однако события, развернувшиеся в этой стране, еще не означали восстания рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков. Здесь обострилась в первую очередь важная для страны национальная проблема. Австро-Венгерская монархия представляла собой конгломерат наций, объединенных насильственно и противоестественно. Но национальное движение началось тут с борьбы между олигархами этих наций — с грызни между верхушечными кланками. Венгерская аристократия стремилась отделиться от аристократии австрийской. Чешская буржуазия выступила против австрийской и т. д. Центральная власть в стране была парализована. Правительство потеряло голову. Пытаясь спасти положение, император объявил,

что берет в свои руки дело освобождения наций, входивших в состав империи, и обратился к ним с манифестом, в котором говорилось, что «Австрия объявляется федерацией свободных народов». Но было уже поздно. Представители чехов, словаков, поляков даже не явились на торжественное провозглашение этого манифеста.

Мы в Берлине читали в немецкой прессе «отходную» империи. «Государственные узы Австрии порваны. Венгрия стала самостоятельной. Поляки оторвались. Чехи объявили себя республикой. Хорваты признали себя независимыми. Куда же девалась Австрия? Сошла со сцены одна из самых старых монархий», — писали с оттенком грусти реакционные газеты.

События в Австрии продолжали развиваться, и правительство ее не торопилось допускать в страну нашу миссию, оно придумывало разные предлоги. Через секретаря своего посольства в Берлине графа Кинского оно заявляло нашему полпреду в Германии, что наша миссия слишком многочисленна и ее не смогут принять в таком составе. Советский полпред выразил крайнее удивление и указал, что миссия состоит всего из пяти человек да двух телеграфистов. Граф ушел совещаться со своим правительством. Вскоре он явился снова и сказал, что ввиду затруднений с продуктами и предметами первой необходимости, правительство просит все же уменьшить состав миссии. Но Иоффе твердо стоял на своем: состав миссии был утвержден и согласован с Австрийским правительством еще до выезда из Москвы, австрийские визы имеются у всех, миссия случайно задержалась в Берлине и поэтому никаких изменений быть не может. Миссия либо поедет в таком составе, либо вернется обратно в Москву, но в таком случае из Москвы будет выслан австрийский генеральный консул со всеми его сотрудниками. Это будет ответной мерой, потому что Москва воспримет позицию Австрии в этом вопросе как нежелание выполнить Брестские условия об установлении консульских и дипломатических отношений. Граф Кинский ответил, что немедленно сообщит об этом в Вену, а в конце беседы откровенно заметил: «Вероятно, под маркой дипломатической миссии члены ее памереваются вести революционную пропаганду».

Прошло несколько дней, и граф Кинский заявил, что Австрия не может принять миссию, дескать, потому, что там страшная эпидемия «испанки», и те лица, которые

должны были вести переговоры с миссией, как он выразился, «тоже лежат с «испанками», поэтому членам миссии не с кем будет вести переговоры в Австрии. На это Иоффе ответил, что в Москве тоже свирепствует «испанка» и что поэтому придется принять те же меры в отношении австрийской миссии. В подтверждение Кинскому были показаны советские газеты, где говорилось об этой эпидемии в нашей стране. Граф снова обещал снестись со своим правительством.

Австрийское правительство, разумеется, пугалось «большевистской заразы» куда больше, чем эпидемии «испанки». Только не признавалось в этом открыто, придумывая всякую несуряницу. Но по мере того как революционные события в Австрии разрастались, правительство вынуждено было раскрыть карты. В конце концов граф Кинский явился в наше полпредство и сообщил, что поскольку правительство, которое выдало нам визы, больше не существует, то не при ком аккредитовать нашу миссию, некому вести с нею переговоры...

Таким образом, в начале ноября мы вернулись домой. А вслед за этим германское правительство, испугавшись размаха революции у себя, выслало из Берлина все наше полпредство вместе с послом. Чтобы создать повод для высылки, оно пошло даже на провокацию с агитационными листовками, якобы обнаруженными в советской дипломатической почте.

На торжественном заседании 6 ноября 1918 года в Москве, посвященном первой годовщине Октябрьской социалистической революции, Ленин вскрыл истинную причину этого вероломного акта германского правительства. Раньше Германия молчала о нашей «революционной заразе», «потому что она была еще сильна, ...она не боялась нас. Теперь же, после военного краха, мы стали ей страшны». А на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов Ленин в своей речи остроумно заметил: «Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом». Это вызвало всеобщий смех делегатов. Смеялся и сам Владимир Ильич.

Вскоре после нашего возвращения из Берлина в Москву пришла телеграмма на имя Мархлевского, где Либкнехт, Люксембург и Тышко звали его немедленно

приехать в Германию. Эта пожелтевшая от времени телеграмма сохранилась в Центральном партийном архиве. По условиям того времени она шла кружным путем — через Стокгольм. И была адресована представителю Советской России в Швеции В. В. Воровскому, который переадресовал ее в Москву «Чичерину для Мархлевского». В телеграмме говорилось: «Из Берлина телеграфируют. Ваше прибытие туда необходимо. Отвечайте немедленно когда прибудете. Карл. Роза. Лео».

Мархлевский срочно выехал в Германию. Но, к сожалению, германские оккупационные войска не пропустили его. Когда же он нелегально в январе 1919 года пробрался в Берлин, то, к своему великому ужасу и горю, уже не застал в живых ни Розы, ни Карла. Тышко еще некоторое время скрывался, но и он скоро был схвачен контрреволюционерами и умерщвлен.

Что же произошло в Германии за этот короткий промежуток времени?

Как известно, после восстания матросов в Киле, революция победоносно прошествовала по всей Германии и докатилась до Берлина. Корона наконец слетела с головы кайзера. Была провозглашена республика. Она именовалась даже «народной». Но это, разумеется, было лишь вывеской. В состав вновь образованного коалиционного правительства вошли социал-демократические лидеры: Эберт, Носке, Шейдеман и профсоюзные бюрократы. «В нашем теперешнем германском правительстве, — говорила Роза Люксембург, — сидят не только изменники пролетарской революции, но подлинные уголовные преступники. А ведь согласно уголовному кодексу, по которому они творят суд, они сами заслужили арестантские роты».

Это правительство сделало все, чтобы воспрепятствовать революции. Ведь Эберт сам откровенно признался, что он «ненавидит революцию, как смертный грех». Во всяком случае об этом свидетельствует в своих мемуарах принц Баденский. А Шейдеман в узком кругу доверительно сказал, что предпочел бы «сидеть без штанов в крапиве, чем сидеть в министерском кресле революционного правительства». И эти лакеи буржуазии пустили в ход демагогию, клевету, обман, лишь бы затуманить сознание массы. Свои контрреволюционные дела они ловко маскировали революционными лозунгами.

Советы, которые создавались стихийно самими масса-

ми, шейдемановцы заранее решили не допускать к власти. И не удивительно, что еще на первом собрании Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в Берлине на второй день после революции — 9 ноября, — Либкнехт, восторженно встреченный трехтысячной аудиторией, с тревогой предупреждал:

— Контрреволюция уже на марше, она уже действует!.. Она уже здесь, среди нас!

И действительно, социал-демократы в дальнейшем старались всюду, где это только было возможно, путем всяческого отбора, с помощью любых подтасовок и фальсификаций проводить в Советы угодных им кандидатов. И таким образом они превращали Советы в послушное орудие, направленное против рабочего класса.

Сравнивая роль нашего ЦИКа с Германским столичным Советом, Роза Люксембург писала:

«Тот — голова и мозг могущественной революционно-пролетарской организации, этот — пятое колесо в телеге капиталистической правительственной клики; тот — неисчерпаемый источник пролетарского всевластия, этот — подобен опустошенной походной фляге, которая в летний день висит на боку; тот — живая плоть революции, этот — ее саркофаг...»

Неудивительно, что все более росли озабоченность и беспокойство Ленина. А ведь он так ждал эту революцию, предсказывал ее. Он ждал ее еще в дни Брестских переговоров с немцами. Вот как об этом рассказывала Крупская:

«...Ильич вдруг останавливается, и его усталое лицо неожиданно светлеет, он подымает голову и роняет: «А вдруг?», то есть вдруг в Германии уже идет революция. Мы доходим до Смольного. Пришли телеграммы: немцы наступают. Вдвое темнеет Ильич и весь осунувшийся идет названивать по телефонам».

И как же Владимир Ильич обрадовался, когда наконец наступил крах германского империализма и начался взлет немецкой революции. Читатель помнит, каким сияющим был Ленин на Красной площади в день празднования годовщины нашей революции, совпавшей с началом революции в Германии.

И Надежда Константиновна, вспоминая позднее об этих днях, писала: «...вести о германской революции цс-

ликом захватили Ильича. Он непрерывно выступал. Лицо его радостно светилось... Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича».

Однако Ленин хорошо понимал, какая опасность грозит германской революции, если на ее гребне поднялись такие социал-предатели, как Эберт и Шейдеман. Он хорошо знал, куда они держат курс. Его волновало и то, что он не мог поддерживать тесную связь с немецкими товарищами. Особенно огорчало и сердило его отсутствие регулярной и нужной ему информации. Буржуазная пресса искажала все факты и события. При той изоляции, в которой тогда находилась Советская страна, правдивые сведения о революции не поспевали за событиями и были слишком отрывочными. Ленин пишет Берзину в Швейцарию 15 октября: «Получил от Вас разрозненные, как всегда, иностранные газеты (нельзя ли заказывать кому-либо делать *вырезки*)...» Далее Ленин требует присылать ему все, что вышло в это время на Западе о нас, как, например, брошюра Вандервельде «Социализм против государства», и «...*все* брошюры подобного рода *на* французском, немецком, английском и итальянском языках, *все, все, все!*». А по поводу информационного материала, который Берзин издал о Советской России, Ленин замечает: «Мало! Мало!» — и требует: «издавайте в 10 раз больше». «Издавать надо во 100 раз больше, на 4-х языках...»

Так же настоятельно Ленин требует присылки информации о Германии от Иоффе: «...*вырезки* из газет... *все* относящееся к расколу с социал-шовинистами и каутскианцами...»

Как уже говорилось, Ленин писал «спартаковцам»: «Теперь наступает решительный час: быстро назревающая германская революция призывает группу «Спартак» к выполнению важнейшей роли...»

Позднее «спартаковцы» сами убедились, как вредно их единство с «независимыми». Вся их независимость — по выражению Ленина — заключается в том, что они «независимы от всякой революции».

В связи с этим весьма любопытна та оценка, которую официальные круги Германии давали «независимым» и социал-демократическим вождям еще до начала револю-

ции. В одном информационном письме Иоффе от 21 октября 1918 года, адресованном Ленину и Чичерину, мы читаем: «В правительственных кругах господствует интересное мнение: в смысле революции социал-демократы не опасны, *ибо они с нами*. «Независимые» также не опасны, *ибо, хотя они не с нами, но будут с нами* (курсив наш.— П. В.). Но какая-то коммунистическая партия, которую создают русские, очень опасна, и с ней прежде всего надо бороться».

Как показал дальнейший ход событий, характеристика, данная врагами социал-демократам и «независимым» вполне себя оправдала. В процессе революции они охотно сыграли ту предательскую роль, которая была им отведена. Что же касается болтовни о компартии, создаваемой тогда в Германии якобы русскими, то это, разумеется, была злостная клевета.

Позднее сама жизнь доказала «спартаковцам», что отсутствие своей истинно революционной, коммунистической партии — есть величайшее несчастье, о чем предупреждал в свое время Ленин.

Немецкая коммунистическая партия, как известно, была создана «спартаковцами» на съезде, происходившем с 30 декабря 1918 года по 1 января 1919 года. Но свое обещание бороться с компартией официальные круги Германии с помощью шейдемановцев и других выполнили немедленно и крайне жестоко.

Обманутые немецкие рабочие, подстегиваемые экономическим кризисом и голодом, в январе 1919 года снова вступили в бой с врагами революции.

Но молодая, неокрепшая Компартия Германии не сумела возглавить это стихийно возникшее движение масс. Она не успела еще как следует связаться с массами, вооружить рабочий класс, наметить тактику. А враги — Шейдеман, Эберт и другие, — спровоцировавшие массы на это выступление, вошли в сговор с генералами. Против восставших были пущены в ход артиллерия и минометы. Тысячи и тысячи рабочих пали в этих боях. Цвет германского пролетариата был уничтожен.

Западногерманский историк и публицист С. Хаффнер, весьма далекий от коммунизма, в своей статье «Великое предательство» пишет: «Она (революция.— П. В.) была разбита не в открытом бою, а была сражена предательским ударом в спину и растоптана с крайней жесто-

костью. Вожди социал-демократической партии Германии... как хороший дрессированный пес по команде «апорт!» положили к ногам немецкой буржуазии труп революции».

Но еще до печального исхода революции была решена участь подлинных вождей пролетариата. Чтобы задушить революцию и обезглавить коммунистическую партию, социал-предатели зверски убили ее руководителей: Розу Люксембург и Карла Либкнехта.

Сообщение о зверском убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург дошло до Москвы только 17 января. Волнение и возмущение охватило всех трудящихся. Помню, в тот день было созвано специальное объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета рабочих депутатов и Всероссийского съезда профессиональных союзов.

Председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов сообщил эту печальную весть. Собравшиеся, стоя, с обнаженными головами, сжав кулаки, слушали это потрясшее всех скорбное сообщение. «Проклятье убийцам!», «Смерть врагам рабочего класса!» — раздавались гневные возгласы. Участники собрания обратились ко всем Советам депутатов страны с призывом провести на местах демонстрации и митинги протеста.

19 января со всей Москвы к зданию Моссовета потянулись колонны трудящихся фабрик и заводов с траурными знаменами. Пришли и воинские части, чтобы выразить свой гнев. Рабочие и солдаты заполнили всю площадь и прилегающие к ней улицы.

Ленин, узнав об этом, немедленно в сопровождении Свердлова приехал в Моссовет. Мы поразились, как изменился Владимир Ильич за эти двое суток. Его лицо было бледным, скорбным, страдальческим. Он выступил с речью перед собравшимися с балкона Моссовета. «Эберт и Шейдеман, в течение 4-х лет гнавшие рабочих на убой ради грабительских интересов, теперь взяли на себя роль палачей пролетарских вождей», — сказал он.

Ленин тяжело и долго переживал эту утрату. В своем письме к рабочим Европы и Америки он пишет: «Эти палачи, лакействуя перед буржуазией, предоставили германским белогвардейцам, сторожевым псам священной капиталистической собственности, линчевать Розу Люксембург, убивать выстрелами в спину Карла Либкнехта, с явно ложной ссылкой на его «побег»... Не найти слов

для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами. Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости».

25 января 1919 года рабочая Германия хоронила Либкнехта и других товарищей, погибших во время январского выступления. Но среди тридцати трех гробов не было гроба Розы Люксембург. Несли только ее портрет. Сто тридцать пять дней тело убитой Розы пролежало на дне Ландверского канала, куда его бросили пьяные убийцы. И Карл и Роза погибли молодыми, в расцвете сил.

С тех пор прошло более полу столетия. Но Люксембург и Либкнехт продолжают жить в памяти и делах германского рабочего класса, в расцветающей Германской Демократической Республике, в могуществе и великих свершениях Страны Советов, в содружестве социалистических стран и в сознании всемирного пролетариата.

Они бессмертны, потому что дело, за которое они отдали свою жизнь, живет и будет жить. Либкнехт писал незадолго до своей трагической гибели: «Будем ли мы еще живы, когда будет достигнута свобода, или нет,— но одно несомненно: дело наше будет жить. Еще спящие ныне массы пролетариата проснутся от громовых раскатов приближающейся бури... Тогда воскреснут убитые, тогда борцы потребуют отчета у проклятых убийц...»

А Роза Люксембург в своей предсмертной статье, обращаясь к социал-предателям, пророчески заявила: «Вы — тупые лакеи, ваше спокойствие зиждется на песке. Революция уже завтра поднимется ввысь и трубными звуками, приводящими вас в трепет, прогремит «Я была, я есть, я буду!»

С полным правом эти последние слова: «Я была, я есть, я буду!» — можно отнести к самой Розе. В начале 1971 года наша страна и пролетариат других стран отметили столетие со дня рождения Розы Люксембург. И хочется хотя бы кратко сказать здесь несколько слов о ней.

Это была замечательная женщина: выдающийся мыслитель, страстный революционер, энциклопедически обра-

зованный человек, яркая личность. Такие, как она, рождаются раз в сотни лет. Ленин недаром называл Розу орлом. Роза Люксембург была крупнейшим марксистским теоретиком. Теоретические способности Розы обнаружились очень рано.

Блистательно окончив гимназию, она поступила в Цюрихский университет. Своими знаниями и способностями она резко выделялась среди студентов и обратила на себя внимание профессуры.

Мархлевский рассказывал много интересного о годах их учебы в университете. Особенно запомнился мне его рассказ о том, как Роза любила поддеть профессора политической экономии Юлиуса Вольфа, который был ярким ненавистником Маркса и марксизма. Мархлевскому при этом отводилась роль заводилы: путем каверзных вопросов он должен был заставить профессора откровенно высказаться. И тут вступала Роза. Своими остроумными, отточенными репликами и логическими возражениями она загоняла профессора в тупик и выходила из спора победительницей, а своего оппонента выставляла на всеобщее посмешище. Всем становилось ясно, что почтенный профессор ничего не смыслит в марксизме.

Позднее Роза Люксембург бралась за разработку сложнейших теоретических вопросов и новых научных проблем. Из-под ее пера вышли такие труды, как «Накопление капитала» и другие. Идя по неведомым еще путям теории, Роза допускала иногда ошибки. Но когда ренегат Леви пытался использовать в своей борьбе против коммунистической партии ошибки Розы, Ленин ответил ему словами из басни Крылова: «Орлам случается и ниже кур спускаться; но курам никогда как орлам не подняться!»

Роза очень рано примкнула к революционному движению. Она была бесстрашным бойцом и всегда стремилась быть там, где нависла опасность. Едва только вспыхнула революция 1905 года, она немедленно примчалась в Польшу. Не раз ей приходилось за участие в революционном движении расплачиваться тюрьмой. Находясь в германской социал-демократии, Роза всегда занимала подлинно революционную позицию и непрерывно и беспощадно боролась с оппортунистами и реформистами.

А когда во время первой империалистической войны эта партия предала пролетариат и изменила принципам

интернационализма, Роза бесстрашно бросила тогда ей в лицо: «Социал-демократическая партия — это смердящий труп!»

Во время первой империалистической войны Роза была упрятана за железную решетку. Но и там ее никогда не покидало мужество, она оставалась верна идеям марксизма, никогда не теряла перспективы, была полна оптимизма и веры в лучшее будущее. Она писала из тюрьмы: «У меня такое чувство, что вся нравственная тина, через которую мы бредем, тот огромный сумасшедший дом, в котором мы живем, может вдруг не сегодня так завтра, как от прикосновения волшебной палочки, превратиться в свою противоположность, в исполински великое и героическое...»

Роза Люксембург была одним из инициаторов и организаторов группы «Спартак», а затем основателем Германской коммунистической партии. Роза приветствовала Октябрьскую революцию в России. Своим друзьям и соратникам она писала из тюрьмы: «Я боюсь, что вы недостаточно высоко оцениваете, недостаточно чувствуете, что это наше собственное дело побеждает там... Я глубоко уверена, что теперь там начинается новая эпоха».

Видный теоретик, негиббемый революционер, Роза была ярко выраженной индивидуальностью, многогранной и разносторонней натурой. Она занималась не только теорией экономики, но увлекалась и математикой, естествознанием, живописью и литературой. Ее литературные очерки о Короленко, Толстом, Успенском и других написаны с блеском и с глубоким знанием предмета. Диву даешься, как это все уместилось в одном человеке.

По описаниям Мархлевского и по фотографиям внешность Розы была своеобразной: невысокого роста, хрупкая, тонкая, с массивной красивой головой и копной пышных темных волос. Наделенная острым умом, огромным темпераментом и железной волей, она была в то же время очень женственной, мягкой, ласковой, преисполненной любви к людям и природе. Роза росла в семье, где главенствовали интеллектуальные интересы и царила атмосфера любви, взаимной преданности, крепкой спайки. Родители ее жили отнюдь не богато. Временами знали и нужду. И несмотря на это, детей у них никогда не наказывали, даже когда они причиняли урон семейному бюджету. Мархлевский рассказывал, со слов

Розы, как однажды в детстве, когда в доме не оказалось спичек, чтобы зажечь керосиновую лампу, Роза, не подумав, взяла со стола трехрублевую ассигнацию, предназначенную для покупки продуктов, поднесла ее к горячей печке и от воспламенившейся ассигнации зажгла лампу. И хотя это были последние деньги в доме и семья была обречена в этот день на голод, отец не наказал ее, а только сказал укоризненно: «Какие же дорогие спички ты употребляешь, деточка!» Любовь и сочувствие к человеку, которые она познала с детства в семье, Роза принесла в большой мир. Она хотела видеть людей добрыми, дружными, счастливыми. И за счастье людей она боролась всю жизнь и отдала ее.

Роза очень тонко чувствовала и любила природу. Она наслаждалась пением птиц, шорохом трав, шелестом листвы. Испытывала нежность и жалость к любому живому существу. Клара Цеткин рассказывала, что Роза обычно возвращалась домой в конце дня чрезвычайно усталой, но, увидев на тротуаре какую-нибудь букашку или гусеницу, обязательно останавливалась, подбирала их и относила на листок ближайшего дерева.

Эту любовь ко всему живому, к природе, к бытию Роза не утратила и в самые тяжелые минуты своей жизни. Во время войны, отрезанная от всего мира, окруженная каменными стенами тюрьмы, она писала друзьям на волю письма бодрости. Она утешала, поддерживала их. Так, Роза писала друзьям из тюремной камеры: «Я лежу укутанная черным покровом ночи, мрака, скуки, неволи, зимы, а сердце бьется от непонятной, неведомой внутренней радости... Во тьме улыбаюсь жизни, как будто знаю волшебную тайну, которая побеждает все злое, печальное и лживое и превращает все окружающее в светлую и неизбежную радость».

Матильда Якоб, которая носила передачи Розе Люксембург, когда та сидела в тюрьме, рассказала мне, что однажды Роза попросила ее принести флакон «Lilien Milch». Матильда очень удивилась — ведь это косметическое средство. Но Роза при свидании разъяснила ей, что она покрывает им не лицо, а серые грязные стены камеры, и они приобретают белый цвет. «Вот на что необходимо навести косметику, чтобы они не угнетали меня своим уныло-скорбным видом!» — сказала она.

И хотя у Розы была велика любовь к жизни, хотя она всегда тянулась к прекрасному, но в то же время

в ней жила уверенность, что ее жизнь оборвется преждевременно и трагически. Она писала: «Я все-таки умру на посту — в уличной битве или в тюрьме». И она не ошиблась.

Более полувека прошло со времени ее трагической гибели. Годы проходят. Стираются в памяти имена. Уходят со сцены исторические деятели, меркнет слава многих, но не померкнет слава, не забудется имя и дело Розы Люксембург. Она будет жить, будет звать новые поколения на штурм старого мира.

Клара Цеткин

В 1971 году исполнилось пятьдесят лет со времени созыва в Москве Третьего конгресса Коминтерна и Второй Международной конференции коммунисток. Оба они были крупными событиями в истории международного коммунистического движения. Мне довелось присутствовать и на конгрессе и на конференции. На конгрессе я секретарствовала, а на конференции была делегаткой.

Первая Международная конференция коммунисток состоялась в Москве летом 1920 года, почти одновременно со Вторым конгрессом Коминтерна. Состав делегатов этой конференции был немногочисленным. Но ведь и сами коммунистические партии были тогда еще в процессе формирования, даже такие, как французская и итальянская. Однако семена, посеянные на первой конференции, дали хорошие всходы. Связи расширились, партии стали уделять больше внимания работе среди трудящихся женщин.

Ленин придавал большое значение международным связям участниц коммунистического движения. В своей статье, посвященной итогам Второго конгресса, напечатанной в журнале «Коммунистка», Ленин отметил его заслугу в сплочении трудящихся женщин: «Конгресс укрепит связь с женским коммунистическим движением благодаря организованной одновременно международной конференции...»

К сожалению, ко времени созыва Второй Международной конференции коммунисток уже не было в живых Инессы Федоровны Арманд — организатора и идейного ру-

ководителя первой конференции, заведовавшей отделом по работе среди женщин при ЦК РСДРП(б). На этом посту ее заменила к тому времени Александра Михайловна Коллонтай.

Вместе с Коллонтай мы издали Отчет о Первой Международной конференции коммунисток, снабдив его введением и предисловием, где мы описали заслуги покойной Иппессы в созыве этой конференции.

Надежда Константиновна Крупская на одном из заседаний редакции журнала «Коммунистка» предложила вторую конференцию готовить особо тщательно, поскольку в послевоенной обстановке Европы наметился ряд новых явлений. Там сильно обострилась классовая борьба. Из-за кризиса и безработицы женщины пострадали больше всех, особенно в потерпевшей поражение Германии. Фабрики и заводы, работавшие на войну, останавливались, и женщины, недавно втянутые в производство на место ушедших на фронт мужчин, теперь становились главными жертвами безработицы — их в первую очередь увольняли с предприятий. Эти тысячи безработных и голодных женщин, не знающих, чем завтра накормить своих детей, говорила Крупская, все активнее участвуют в революционных вспышках и классовых боях, сражаются бок о бок с пролетариями на баррикадах. И они, понятно, обращают теперь свои взоры к Стране Советов. Очень важно, подчеркнула Крупская, чтобы на предстоящей конференции присутствовало как можно больше работниц. Словом, готовить конференцию надо очень продуманно. В Москве мы всего сделать не сможем, сказала она. Мы связались с Кларой Цеткин и просили ее взять на себя часть дел. Она ответила, что это потребует немало времени и очень много работы. Надо бы послать ей кого-нибудь в помощь, добавила Крупская.

Выбор пал на меня. Мне как раз в то время предстояла поездка в Швецию — я была приглашена на конференцию шведского «Женского союза». В кармане у меня уже лежал паспорт, доставленный шведским коммунистом Чильбумом на имя какой-то респектабельной шведской дамы. Как раз накануне этого разговора выяснилось, что конференция в Стокгольме отложена. И это было весьма кстати. С шведским паспортом я нелегально пробралась в Германию.

Перед самым отъездом я зашла к Надежде Константиновне за письмом к Кларе, которое она посылала лично

от себя. И естественно, я воспользовалась этим случаем, чтобы расспросить ее подробно и о Цеткин, с которой не была знакома. На Первой Международной конференции коммунистов в Москве ее не было, она приехала позднее, осенью, и я видела ее мельком. Крупская охотно принялась рассказывать о ней и говорила не просто тепло, но прямо-таки восторженно. Это меня даже удивило, поскольку я знала, что Надежда Константиновна не любит громких эпитетов, восхвалений и т. д.

Помню, Надежда Константиновна ошеломила меня первой же своей фразой: «Клара? Ведь это ударница мировой революции!» (Тогда ведь само слово «ударник», «ударница» еще не было в ходу. Оно появилось у нас в тридцатых годах, в начале первых пятилеток.)

Оказалось, что Крупская познакомилась с Цеткин в Мюнхене еще в 1902 году и с тех пор Клара в ее глазах была окружена ореолом отважного, неукротимого революционера-борца и очень яркого человека. И что особенно важно, подчеркнула в разговоре Крупская, Клара — это редко встречающийся в Европе тип профессионального революционера, сродни нашим большевикам. К тому же она одна из очень немногих европейских революционеров, прошедших великолепную школу подпольной работы. Поэтому-то она и смогла оказать в прошлом неопценимые услуги большевикам, находя надежные адреса в Германии для пересылки в Россию издававшейся Лениным «Искры» и других изданий, и тем самым помогла отводить подозрения русской цензуры.

Ленин, по словам Крупской, очень высоко ценил Клару. Он с ней познакомился в 1907 году на Штуттартском конгрессе II Интернационала, где она вела себя очень мужественно в борьбе с ревизионистами-марксизма, во всем солидаризировалась с Лениным. Крупская добавила, что Клара одна из первых приветствовала Октябрьскую революцию — она имела в виду письмо Цеткин, присланное с оказией в 1918 году, где она писала, что «головой и сердцем с большевиками». Далее Крупская сказала, что Клара — одна из тех, кто по-настоящему понимал Ленина, и он любил говорить с ней по душам, говорить обо всем. И, как замечательно выразилась тогда Крупская, «Ленин любил при ней думать вслух».

Касаясь предстоящей конференции, Надежда Константиновна подчеркнула, что важна не только помощь Клары, но и ее присутствие на Международной конферен-

ции коммунисток, необходим ее доклад, потому что Цеткин — пионер женского движения и авторитет ее во всех странах огромен. Клара, вспоминала Крупская, была единственной, кто еще на Первом конгрессе II Интернационала в 1889 году подняла вопрос о необходимости вести специальную работу среди трудящихся женщин. Она же была инициатором установления Международного дня солидарности между работницами. И добилась в 1910 году на Международном конгрессе в Копенгагене, чтобы день ранней весны — 8 марта — стал Международным женским днем, который теперь празднуется уже во многих странах. К тому же, добавила Крупская, Клара всегда стремилась влить женское движение в могучий поток общепролетарской революционной борьбы. Выдающийся оратор и блестящий публицист, она своим горячим, правдивым словом подымала на борьбу миллионы женщин. И свое перо публициста она тоже посвятила трудящимся женщинам. На протяжении четверти века Цеткин была главным редактором женского журнала «Равенство», пока вожди немецкой социал-демократии «в благодарность» за двадцатипятилетнюю работу не сняли ее с этого поста как опасную для них «красную».

Так же восторженно говорила Надежда Константиновна о Кларе как о человеке — об огромном ее обаянии, о ее прекрасной душе и горячем сердце. А под конец Крупская сказала: «Вам будет легко работать с ней. И главное — это будет для вас очень поучительно. Вы пройдете прекрасную школу под ее руководством...»

После всего услышанного из уст Крупской мне естественно не терпелось по приезде в Берлин поскорее встретиться с Кларой Цеткин. Но это оказалось далеко не легким делом. Я попала в Германию в тревожную пору. Вся среднепромышленная часть Германии была охвачена восстанием рабочих. Разумеется, мне было радостно снова увидеть подъем боевого духа у немецких пролетариев. Ведь, как уже упомянуто, я оставила Германию в 1918 году, накануне печально-трагических событий, когда была задушена ноябрьская революция, умерщвлены ее вожди и казнены многие и многие рабочие... Но революция продолжала жить. Гегель говорил когда-то о «хитрости истории». Да, история не простила... Революционное пламя не угасало там все эти годы и вспыхнуло с новой силой.

На могиле трагически погибших соратников — Карла

Либкнехта и Розы Люксембург — Клара Цеткин сказала: «...Мы не плачем, мы боремся. Опять звучат трубы, начинается новая борьба».

В марте 1921 года острая классовая борьба, бурные революционные события охватили ряд городов Средней Германии. Да и Берлин, находившийся в стороне от нее, порастил меня своим внешним видом. Он совершенно утратил свой былой помпезный облик, сильно обнищал. Люди были плохо одеты, носили обувь на деревянной подошве, их стук на улицах не умолкал. Ощущался недостаток в предметах первой необходимости и особенно в продовольствии. В ресторанах надо было предъявлять продовольственные карточки и на вырезанные талоны отпускали крохотные порции некалорийной, невкусной еды... Германия расплачивалась за свое поражение в войне, пожар которой она сама раздула. Немцы ошутимо почувствовали результат грабительского договора, который им насильственно навязали державы-победители. Голод давал себя чувствовать все сильнее, но как остроумно заметил Ленин, это был хорошо организованный, хорошо централизованный голод, который длился долго.

На почве голода и нищеты невероятно возросли воровство и преступность, особенно среди молодежи и подростков. В Берлине я жила нелегально у работницы, муж которой погиб на войне. Почти каждое утро, уходя на работу, она обнаруживала, что сын ее снова выкрал у нее несколько монет из кошелька, и горько плакала.

На берлинских улицах было много инвалидов — безногих, слепых, которых осторожно вели сынишка или жена; часто встречались душевнобольные. Вспоминаю такой эпизод. Берлин в те дни бурлил и митинговал. На одном митинге на Потсдамской площади выступала известная старая социал-демократка Луиза Циц. Народу было — тьма-тьмущая. Луиза Циц говорила очень громко и сильно жестикулировала. Слушали ее со вниманием. Но из толпы, где было много военных, к самой трибуне подобрался какой-то солдат и стал повторять точно эхо ее слова и жесты. Внимание всех переключилось на него — кто хохотал, кто одергивал его, а кто кричал, что это специально подосланный коммунист, который хочет сорвать митинг. Митинг действительно был сорван, но человек этот, как выяснилось, был умалишенным.

Луиза Циц обвиняла коммунистов в том, что они спровоцировали мартовские события. На рабочих собра-

ниях эта клевета социал-демократических вождей встречала резкую отповедь. Мне самой приходилось слышать, как рабочие давали отпор таким ораторам, которые твердили даже, что это — «дело рук русских коммунистов — агентов Москвы». Рабочие обычно таких ораторов прерывали, бросая в аудиторию характерный для того времени возглас: «Не поддавайтесь провокации!» Но на уличных митингах, где собиралась самая разношерстная публика, клевета эта порою находила одобрение.

В действительности же мартовские события в Германии, свидетелем которых я была, возникли в результате стихийного выступления самих масс. И охватили они такие центры промышленной Германии, как Галле, Мерзебург, Мансфельд, Лейна, Эйслебен. На одних только предприятиях «Лейна-верке» бастовало двадцать пять тысяч человек, а всего бастовало около трехсот тысяч рабочих. И тут руководство социал-демократии совершило чудовищное предательство по отношению к немецкому пролетариату. Они нарочно спровоцировали рабочих на преждевременное выступление. По приказу полицейского-президента социал-демократа Герзинга на бастующие предприятия были введены полицейские отряды. Это вызвало крайнее возмущение рабочих. Столкновения с полицией и забастовка переросли в вооруженное восстание. Восставшие захватили предприятия, участок железной дороги, некоторые правительственные учреждения. Поразительны были энтузиазм, решимость, энергия и революционный накал восставших рабочих. Когда стало известно, что в Германию нелегально прибыл представитель Коминтерна — известный венгерский коммунист Бела Кун, они с восторгом встретили эту весть и даже распевали частушки, сложенные в его честь. В одной из них, помню, была перефразирована старая революционная песня.

Reisst die Konkubine,
Schmierrt die gillotine.
Ia, ja, ja,
Bela Kun ist da!..
(На всех святош
Мы точим нож,
Да, да, да, да,
Бела Кун прибыл сюда...)

ЦК немецкой компартии призвал весь пролетариат Германии объявить в знак солидарности всеобщую забас-

товку и прийти на помощь восставшим. Однако рабочий класс всей страны не смог по целому ряду причин единодушно отозваться на этот призыв. Лишь в отдельных центрах Германии рабочие поддержали восставших. Но силы были не равны, и властям удалось подавить восстание. Затем последовала очень жестокая расправа с участниками боев. Спецпальными учрежденными судами приговаривали их ко многим годам заключения в тюрьмы и крепости. В боях погибли сотни и сотни рабочих, а тысячи были ранены.

Одной из главных причин поражения была слабая связь коммунистической партии с массами. Да и само руководство компартии, ее актив еще не были достаточно подготовлены для такого решающего шага, как восстание. Это подлинный факт: когда в Средней Германии рабочими был захвачен отрезок железнодорожной линии, коммунист — руководитель отряда усомнился, имеет ли он право захватить также и вокзал, раз у них нет перронных билетов. А когда туда приехал для связи товарищ из Центрального Комитета, то он очень возмущался, что вновь назначенная охрана на участке захваченной восставшими железной дороги проверяла пропуска у пассажиров. Он убеждал, что железная дорога должна обслуживать всех пассажиров, а не только тех, у кого есть «пропуск». А ведь это были дни горячих боев... Одна из стенографисток ЦК партии, например, отказалась оставаться на ночь работать, так как по семейному расписанию — это «интимное время» встречи с мужем. И он будет ее ждать...

Разумеется, все это мелочи, но они характерны в том смысле, что ни в партии, ни в ЦК и его аппарате не было еще той мобилизационной подготовки, которая необходима для решительного и широкого наступления.

Но самое важное значение имели и разногласия, возникшие в самом ЦК Компартии Германии. Левонастроенные товарищи считали, что ситуацию, создавшуюся в Средней Германии, надо из оборонительной и локальной превратить в наступательную, перейти в наступление и захватить власть во всей Германии. Главное, по их мнению, было «наступать», и к этому они призывали массы. «Правые» же в ЦК повели гибельную тактику. Например Пауль Леви, вместо того чтобы исправить тактическую ошибку «левых», причинил огромное зло тем, что не только вышел в знак протеста из ЦК, но опуб-

ликовал еще брошюру о своих разногласиях («Наш путь. Против путчизма») и тем самым нанес удар в спину партии. Враги, понятно, не замедлили этим воспользоваться.

Клара Цеткин, не разделявшая тогда тактику Центрального Комитета (но не принадлежавшая к правым), тоже вышла из состава ЦК. В Берлине я ее не застала — она уехала в Штутгарт. Как раз в эти дни я получила с оказией очень теплое письмо от Александры Михайловны Коллонтай. Боясь, что при создавшейся ситуации двинуть «женские дела» не удастся, и опасаясь за мою судьбу, она советовала мне вернуться в Москву. Там же она писала, между прочим, и о своем тяжелом настроении в связи с той резкой отповедью, которую Ленин дал ее выступлению на X съезде партии. Писала, что чувствует себя одиной и разбитой. К сожалению, мне тогда по конспиративным соображениям пришлось уничтожить ее письмо. К счастью, в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС сохранился мой ответ на него, где я описывала политическую обстановку в стране и мою одиссею. Вот отрывок из моего письма, которое я адресовала А. М. Коллонтай и Н. К. Крупской:

«Дорогие Александра Михайловна и Надежда Константиновна!

...Здесь надвигаются события, все работники были взяты на учет и поставлены на ноги, в том числе и я. События здесь в данный момент очень серьезны и требуют величайшего напряжения. Работников очень мало. Из ЦК некоторое время до этого вышли видные лидеры, все это, конечно, ощущается... До сих пор ничего не издавалось, не переводилось, вообще не занимались делами секретариата... Думаю, что события помешают созыву конференции».

Предполагалось, что после того, как будет проделана вся техническая подготовка, в Германии будет созвано предварительное совещание из иностранных коммунистов. Но из-за мартовских событий не удавалось приступить к его подготовке.

Когда уже и эти события были позади, немецкие товарищи, которые были осведомлены о цели моей командировки, советовали мне повременить, потому что Клара в очень плохом настроении уехала из Берлина в Штутгарт. Но я, невзирая на их советы, попросила все же срочно связать меня с нею. И оказалось, как только ей сообщили, что товарищ, приехавшая из Москвы с поручением,

просит ее назначить время и место встречи, она немедленно отозвалась.

Я, естественно, ожидала увидеть Клару Цеткин озлобленной и суровой. Каково же было мое удивление, когда я увидела перед собой приветливую, обворожительную женщину с вдохновенным лицом, на котором блестели большие, очень выразительные глаза и нежно розовели щеки. Из-за блеска глаз даже трудно было определить их цвет. Но в них была скрыта какая-то затаенная печаль... Одета она была в коричневое, несколько потертое, бархатное платье, застегивающееся сверху донизу, с воротником из брюссельских кружев. Ей очень шло это платье и хорошо облегалo ее начинавшую полнеть фигуру. В этом платье, оказывается, она обычно выступала в рейхстаге, депутатом которого была. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, Клара выглядела довольно моложавой.

Больше всего меня тронули ее внимание и теплота, с которыми она меня встретила. А когда я при ней распоролa подол платья и вынула оттуда письмо Надежды Копстантиновны Крупской, Клара совсем растаяла. Она внимательно выслушала меня, сразу же создала какую-то теплую, товарищескую атмосферу, и все мои опасения сразу исчезли. А я, окончательно растроганная этим, призналась ей, что ожидала встретить мрачную, сердитую, строгую женщину и что для меня вообще загадка, как она смогла так замечательно сохранить свою внешность и сберечь веселый нрав и добрый характер, если ей довелось пройти столь тернистый жизненный путь. Клара ответила, смеясь, что это у нее от благодатной природы и доброжелательных людей, окружавших ее с детства в селении Видерау, где родилась она и жила до пятнадцати лет. Природа была там чудесная и нежная, точно акварельная живопись. Я поняла, что она вежливо отшучивается.

Но скоро разговор перешел на деловую почву. Она меня стала расспрашивать о Советской России, о Крупской, о женском движении, а затем стала сама рассказывать о положении в немецкой компартии, о последних событиях в Германии. Она говорила о том, что их коммунистическая партия еще очень молода, что многие старые закаленные вожди погибли, и в руководстве партии большинство составляют молодые малоопытные товарищи, которым хочется как можно скорей сделать в Германии революцию. Они совершенно не учитывают

объективный ход истории, характер немецкого рабочего класса, его прошлое. Социал-демократические вожди и профсоюзная бюрократия долгие годы воспитывали рабочую массу в страхе перед революционными потрясениями. Эти вожди учили пролетариат, что, дескать, только подачками, реформами можно врать в царство социализма. Рабочий класс Германии не един. Он расколот. Верхушка рабочего класса была подкуплена буржуазией. Коммунистическая партия не успела еще стать массовой, охватить своим влиянием широкие круги рабочих, перевоспитать их. А ведь не нужно забывать, что в пролетарскую среду влилось много новых рабочих, втянутых в производство в период войны. Они еще не имеют четкого классового сознания. Вообще еще не успели перевариться в пролетарском котле. И в этой обстановке, пользуясь отдельными вспышками, пытаться захватить власть и установить диктатуру пролетариата в такой стране, как Германия, — а этого требуют «левые», — чистый авантюризм!

Прежнее спокойствие Клары исчезло. Лицо ее покраснело, щеки пылали, она взволнованно продолжала: у вас в России было совсем иначе. Ваш рабочий класс был «*tabula rasa*» — «чистая доска». Она дважды повторила эти слова. Меншевики на ваш пролетариат в прошлом влияния не имели. Они пользовались влиянием только у интеллигенции и части мелкой буржуазии. Ваш рабочий молодой. Деды и отцы ваших рабочих были крепостными. Ненависть к помещику они перенесли на «нового барина» — капиталиста. Ваш рабочий класс не успел еще испортиться подачками буржуазии, не успел разложиться. Ленин первым начертал на этой «*tabula rasa*» программу партийной организации и план революционных действий. И свою большевистскую организацию он начал строить шаг за шагом, с самого начала размежевываясь с инакомыслящими. Он сжег утлый челн дружбы с Плехановым, Мартовым и другими меньшевиками ради построения океанского парохода, который смог бы смело плыть против течения, невзирая на штормы и бури. Эту партию Ленин строил десятилетиями, постепенно завоевывая на ее сторону пролетариат и воспитывая его в истинно революционном духе. И еще до захвата власти, до Великого Октября, рабочий класс России прошел через две революции — 1905 года и Февральскую 1917 года. Это была великоленная поучительная репетиция. Опыт этих

двух революций был учтен в Октябрьской социалистической революции. Всего этого не было у нас... А «левые» товарищи не понимают этой основной разницы и хотят механически копировать...

Так, постепенно выложив все, что у нее наболело, Клара перешла затем к нашим «женским» делам. Она очень одобрительно отнеслась к идее созыва Второй Международной женской конференции и немедленно принялась со свойственной ей энергией за дело. Работать с ней было истинным счастьем. Это действительно была для меня великолепная школа.

Работа шла у нас слаженно. Настроение Клары в связи с расхождениями по тактическим вопросам с Центральным Комитетом КППГ несколько не отразилось на нашей работе. Да и сами разногласия эти были скоро изжиты.

По мере того как я узнавала Клару, я все больше убеждалась, как права была Крупская, давая ей столь высокую оценку. Это действительно был человек большого сердца, выдающегося ума, широкой образованности и революционной стойкости. В партию, как мне рассказала сама Клара, она пришла против воли родителей. Клара Цеткин, урожденная Эйсер, при этом заметила, что очень любила своих родителей и была к ним сильно привязана. И самую себя она считала сплавом отца-немца, труженика, отличного педагога и одаренного музыканта — и матери-француженки, энергичной, прогрессивной общественной деятельницы, поборницы идей Великой французской революции (участником которой был ее отец). Но они были весьма далеки от идеалов коммунизма. Так же, как и окружающая ее среда. Решающее влияние на Клару в пору ее становления имели, оказывается, русские товарищи.

В пятнадцать лет она — дочь учителя Эйснера рассталась с тихой и мирной провинциальной жизнью и переехала вместе с родителями в шумный Лейпциг. Здесь Клара впервые задумалась над злом, царящим в мире. То были годы великих мировых событий: франко-прусская война, рождение и гибель Парижской Коммуны. Мучительные вопросы вставали перед юной Кларой, но она не находила на них ответа. В Лейпциге же она встретила с русскими эмигрантами-революционерами, среди которых был и ее будущий муж Осип Цеткин. Они, по словам Клары,

вывели ее на марксистский путь. С великой радостью она бегала тайком от родителей на собрания их марксистских кружков, где задерживалась до глубокой ночи, и проникала к себе в комнату через окно.

Вскоре она покинула родительский дом, порвала со своей средой и начала самостоятельную жизнь учительницы. Имея в кармане аттестат с отличием об окончании учительской семинарии, она без труда находила уроки даже в состоятельных семьях, семьях фабрикантов и торговцев. Но, как она сама рассказывала со смехом, «раскусив» ее, они торопились избавиться от такой учительницы, которая с юношеским революционным энтузиазмом не только внушала свои взгляды питомцам, но и их родителей предупреждала о последнем часе их существования, о том, что «бьет двенадцатый час капиталистической собственности». Поэтому ей приходилось довольно часто менять семьи, города, страны. Но Россию Клара, по ее словам, считала после Германии своей второй родиной. А русских товарищей — своими духовными наставниками. Потому что они, по ее выражению, сформировали ее марксистское мировоззрение и выработали ее революционную совесть. А ведь в тот период марксизм еще не был господствующей теорией, многие на Западе были еще заражены бланкизмом, лассальянством. Причем на протяжении всей своей жизни она — по ее словам — развивала, углубляла и оттачивала свои марксистские взгляды. И совсем не трудно было убедиться в этом при общении с ней. Действительно, ее марксизм был полнокровный, разносторонний и притом самого широкого диапазона. Она замечательно умела применять марксистский метод во всех областях науки. Поэтому историю борьбы человечества самых разных периодов она усваивала и понимала блестяще, независимо от того, выражена ли эта история на языке поэзии, музыки или живописи. Ее высказывания об искусстве, которые пришлось мне слышать, отличались необыкновенной оригинальностью и новизной.

Вспоминаю, например, блестящий анализ, богатство мыслей, высказанных ею о живописи итальянских мастеров эпохи Возрождения.

К сожалению, деятельность Клары в области марксистской эстетики менее известна. Между тем Цеткин, наряду со своими боевыми друзьями — Люксембург, Либкнехтом и Мерингом, — внесла большой вклад в теоретическую разработку этой науки. Клара всегда придавала огромное

значение искусству, призванному сыграть важную роль в жизни и борьбе восходящего класса и в построении им нового общества. Одной из главных задач она считала воспитание социалистического сознания и художественного вкуса у широких масс. Клара лично много сделала для осуществления этого на практике. В газете «Равенство» публиковались ее статьи о Шиллере, Фрейлиграте, Ибсене, Бьернсоне и других.

Свои взгляды на искусство и пролетарскую культуру Цеткин обобщила и подытожила в докладе «Искусство и пролетариат», читанном ею в разных странах. Между прочим, доклад этот она прочитала не только в Германии (в 1910 г.), в Австрии (в 1920 г.), как указывают биографы и исследователи литературного наследия Клары, но и в нашей стране. В 1921 году она выступила с этим докладом в Москве среди представителей трудовой интеллигенции: артистов, педагогов, врачей. Помню, Клара выступала с большим пафосом, эмоциональным зарядом, вообще свойственным ей, и вызвала огромный интерес не только у аудитории, но и у нас, сопровождавших и слушавших ее тогда. Ведь полвека тому назад эта область марксизма была еще очень мало разработана и освещена.

В своем докладе Цеткин затронула проблему социальной значимости искусства, вопрос о месте художника в обществе, роль мировоззрения как решающего фактора в творчестве. И, наконец, рождение пролетарской культуры. Всю силу своего полемического дарования Клара направила против тех идейных противников, которые утверждают, что в капиталистическом мире якобы «искусство свободно». В докладе она убедительно и веско доказывала, что в условиях товарного производства, где все покупается и продается, искусство подвержено тем же железным законам, что и всякий товар: «Пока человеческий труд не приобрел свободу, пока порабощены физический и умственный труд, ни наука, ни искусство свободными быть не могут... Гнет капиталистической эксплуатации несут на себе одинаково и рабочий с мозолистыми руками и художник-творец».

Так же яростно Цеткин опровергала мнение, будто труд в области искусства в буржуазном обществе является «свободной профессией» и «художник свободен в своем творчестве».

«Жестокая действительность,— говорила Клара,— разрушает благородные идеалы многих художников, пытаю-

щихся в фаустовском порыве воплотить небо и землю в своих произведениях... Художник прикован цепями к этому миру. Он не может уединиться в «башню из слоновой кости» и творить по вдохновению. Жизнь растаптывает бесконечное множество тех, для кого искусство остается «высокой небесной богиней» и кто не превращает его в «дойную корову», обеспечивающую масло для господствующего класса».

Клара решительно отметала тезис противников о том, что «искусство аполитично», стоит вне политики, и что художник якобы не участвует в политической жизни, он «над схваткой».

Многочисленными примерами из истории Цеткин доказывала, что могучие, величественные творения всех времен были идейными и страстно тенденциозными. «Искусство, лишённое идеи, становится бессодержательным и формалистическим...»

Исходя из революционной эстетики, Клара придает огромное значение мировоззрению художника и, разумеется, прогрессивному мировоззрению. Она одинаково отмечает как формализм, абстракционизм — бегство от реальной действительности, — так и плоский натурализм, ибо все это знамение упадочной эпохи. Только социалистическое мировоззрение как самое прогрессивное является важнейшим фактором творчества художника. Социализм — наиболее возвышенный идеал свободы, который когда-либо вдохновлял человечество. «И именно пролетариат, борющийся под этим знаменем, разрушающий крепость буржуазного строя, прокладывает новые пути к искусству, обновляет его, обогащает новым идейным содержанием».

Господствующие классы превратили искусство в забаву и роскошь для немногих, для привилегированной кучки снобов, поэтому оно «отмечено печатью рабства или клеймом продажной девки». И вполне естественно, что современное буржуазное искусство отрицается пролетариатом, ибо в нем «нет здоровья, нет молодости класса, сражающегося за свободу и сознающего себя защитником высших идеалов человечества, — говорила Клара. — ...Сумерки богов — вот настроение, породившее это искусство». Естественно, такое искусство и в малейшей степени не может соответствовать историческому величию и миссии пролетариата, который в своей борьбе не знает страха и идет до победного конца. «Искусство класса, поднимающе-

гося к свету культуры, не может иметь своим исходным пунктом и рассматривать как идеал то искусство, которое создано разлагающимся классом, уже сыгравшим свою историческую роль...» Вот почему пролетариат, по ее мнению, должен иметь свою собственную культуру и искусство. Он не только может, но и должен идти своим собственным путем, выведя современное искусство из состояния упадка и обогащая его новым, более высоким содержанием. Но пролетариат, — говорила она, — не создает свое искусство на голом месте. Он наследует и перерабатывает то бессмертное, что «стало драгоценным наследием всего человечества, что устояло в бурном потоке времени, возвысилось над прошлым и современностью — то, что принадлежит будущему».

«Разве не озаряет нас, — вопрошала Клара, — правдой жизни и богатством поэзии «Пасхальная прогулка» Гете, в которой жажда вырваться за пределы феодального общества нашла художественно-совершенное выражение?! Или восторженный призыв Шиллера ко всемирному братству: «Обнимитесь, миллионы, слейтесь в радости одной!» Или бурное ликование освобожденного человечества в Девятой симфонии Бетховена, прорывающееся в величественном хоре: «Радость, пламя неземное!»

В заключение Клара говорит о том, что новое искусство, которое будет творческим выражением стремлений народа, станет могучей воспитательной силой, она облагородит каждого человека в отдельности и все общество в целом. И разумеется, такое искусство «перестанет быть привилегией меньшинства, не будет средством, возбуждающим грубые чувства и жажду животных наслаждений, или забавой для скучающих бездельников, или наркотиком для слабых духом, ищущих забвения в жизни... Ибо народ, который добьется свободного труда, будет обладать свободным искусством. Он не оскудеет творческими личностями, способными индивидуально и поэтично постигнуть и выразить мысли, чувства и волю всего общества... Источник величия нового искусства — в духовном величии народа...»

Не удивительно, что у Владимира Ильича было много общего с Кларой и во взглядах на искусство, на роль художника в обществе, на пролетарскую культуру и искусство. Мы это знаем не только из воспоминаний Клары о беседе с Лениным на эту тему. И из слов Крупской известно, что он охотно говорил с Кларой Цеткин по душам не только о сугубо партийных делах, но и об искусст-

ве, культурном строительстве и т. д.: «Ему интересно было говорить с Кларой по этим вопросам, потому что он знал, — она много думала над этими вопросами, широко их ставила и ей будет понятно то, о чем он говорит».

Надо заметить, что лекции Цеткин принесли огромную пользу в те годы и послужили тогда основательным подспорьем в спорах и борьбе с правыми социал-демократами и ревизионистами.

К этому необходимо добавить, что эти лекции, несмотря на их давность и несмотря на то, что они местами страдают схематичностью (ведь были прочитаны много десятков лет тому назад!), все же не устарели. Они звучат и в наши дни вполне своевременно и еще весьма актуальны для идейной борьбы с противниками социализма.

Клара пришла в социал-демократическую партию Германии, как она сама отметила однажды в разговоре со мной, не в счастливые дни, когда партия росла, крепла и завоевывала мандаты в парламент, а в дни преследований, когда «железный» канцлер — Бисмарк — издал чрезвычайные законы против социалистов. В конце концов Клара вынуждена была покинуть Германию. Она обосновалась в Швейцарии и стала незаменимой помощницей у знаменитого «Красного почтаря» — Моттелера¹. В одежде монахини с корзиной или крестьянки, везущей тележку с овощами на базар, она перевозила из Швейцарии в Германию нелегально издававшуюся литературу и запрещенную в Германии газету «Социал-демократ». Этот свой опыт нелегальной работы Клара использовала и позднее, когда как представитель Коммунистического Интернационала она нелегально пробиралась в разные страны Европы на съезды социалистических партий, помогая революционным силам этих партий становиться под знамя Коминтерна. Мастерство ее конспирации, ее смелость не могут не вызвать восхищения. А ведь это происходило не в годы ее романтической юности, а когда Кларе шел уже седьмой десяток. Она сама рассказывала мне подробно, как в декабре 1920 года пробиралась из Германии во Францию, чтобы выступить в Туре на съезде социалистической партии. Отправилась она с фаль-

¹ Немецкий социал-демократ, ведавший всей нелегальной работой социал-демократической партии в годы действия чрезвычайных законов Бисмарка против социалистов.

шивым документом в кармане и в сопровождении французского адвоката социалиста Амедея Дюнуа (сочувствовавшего тогда коммунистам). Выглядела она весьма респектабельно. А в небольшой чемоданчик положила кое-что из белья и вывезенные еще в конце того века из Франции старинные туфли на очень высоком каблуке с острыми носами. Каждую вещь в отдельности она завернула во французские газеты реакционного толка — «Тан», «Матэн» — и как раз в те номера, где говорилось, что «если Клара Цеткин вздумает приехать во Францию, то правительство не будет церемониться и арестует ее». Кому придет в голову, что подозреваемое лицо станет возить с собой такие компрометирующие материалы. К тому же она прекрасно владела французским языком и так изысканно изъяснялась с таможенным чиновником, что тот даже не осмелился порыться в ее маленьком чемоданчике. Но, добавила она, обратный путь из Франции был уже не такой гладкий. Зато ее выступление на съезде было большим успехом для Коминтерна и триумфом для нее самой. Встретили делегаты Клару восторженно. Все встали со своих мест и долго ей аплодировали, хотя среди делегатов были и ее идейные противники. В своей речи она потребовала положить конец политике соглашательства и классового сотрудничества с буржуазией. «На этом съезде,— сказала она,— история не пишется, а делается... Но чтобы успешно двигаться вперед, вам необходимо единство централизованной и дисциплинированной партии. А чтобы этого достичь, вам надо открыто и честно вступить в ряды Интернационала».

Большая часть съезда проголосовала за вступление партии в Коммунистический Интернационал. На следующий день вновь образованная коммунистическая партия избрала руководство.

На правительство и правящие круги Франции речь Клары, ее появление на съезде произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Эта новость облетела всю прессу. Все газеты писали о призывах Цеткин к ниспровержению существующего строя. Французская полиция была поставлена на ноги. Но Клара в это время уже ехала в поезде, занимаясь вязанием. Сидевшие с ней рядом пассажиры читали эти газеты и строили догадки, как могла незаметно пробраться во Францию такая опасная революционерка?!

Такой же триумфальной была ее поездка по поруче-

нию Коминтерна в Италию на конгресс социалистической партии, происходивший в следующем, 1921 году. И тут наряды полиции окружили кольцом здание съезда, рассчитывая задержать Цеткин при входе, потому что на границе арестовать ее не удалось (по донесениям полиции она не переходила границу). Но и здесь они ее не обнаружили. Каково же было всеобщее удивление, когда неожиданно даже для делегатов съезда на трибуне появилась седая голова Клары. После первых минут растерянности раздался шквал аплодисментов. А она строго сказала: «Я прибыла сюда не для того, чтобы пожинать лавры, а для того, чтобы выполнить довольно трудную миссию». Предстояла борьба с реформистами. Ей удалось расколоть социалистическую партию. Левое крыло основало коммунистическую партию, секцию Коминтерна.

Полиция, которой никак не удавалось выследить Клару при въезде в Италию, решила арестовать ее при отъезде. Впереди машины, где, по их мнению, ехала Клара, и позади нее следовали два полицейских автомобиля. Когда преследуемая машина остановилась у отеля и они окружили ее, чтобы наконец схватить неуловимую Клару, из машины, к их изумлению, вышла молоденькая, улыбающаяся блондинка... Когда сконфуженные полицейские заглянули затем в машину, то нашли там палку и седой парик, с помощью которых девушка загримировалась под Клару. А в это время Клара в другом автомобиле уже успела пересечь итальянскую границу.

Мировоззрение Клары Цеткин с самого начала было интернационалистским. Она вела революционную работу во многих странах: Германии, Швейцарии, Франции, жила в Австрии, Италии. И не удивительно, что подлинные революционеры разных стран так легко находили с нею общий язык. Все они считали ее «своей Кларой», «нашей Кларой». Я не раз слышала от нее: «Интернационализм — вот тот язык, который близок моему сердцу». Хотя Клара стояла у колыбели II Интернационала и была делегатом всех его конгрессов, начиная с первого, в 1889 году, но она, как истинный революционер, очень рано заметила его сползание с интернационалистских позиций, окончившееся позорной изменой делу Интернационала в годы первой мировой войны. Клара всегда, вплоть до последнего дня своей жизни очень резко опол-

чалась против его вождей — оппортунистов. И свою последнюю предсмертную статью, которую так и не успела окончить, она тоже посвятила им. Она писала там: «Когда король Франциск I проиграл битву при Падуе, он сказал: «Все потеряно, кроме чести», а II Интернационал даже этого не мог бы сказать, он должен сказать: «Потеряно все и прежде всего честь. Честь бороться за освобождение пролетариата».

Клара была одной из первых, кто помог Ленину закладывать фундамент Коммунистического Интернационала. Она всегда и неустанно убеждала, что необходима солидарность не только между пролетариями всех стран, но и между пролетарками. Авторитет ее среди женских трудящихся масс был огромен. Я воочию убедилась в этом, когда находилась в Германии. Женщины тысячами устремлялись после долгого рабочего дня слушать свою «родную Клару», несмотря на усталость и тяжкое бремя домашних дел и забот. Она звала их вырваться из узкой клетки в большой мир, стать рядом с мужем, быть его соратником по борьбе. Клара удивительно умела овладевать сердцами и умами даже самых отсталых женщин, пробуждать в них классовое сознание, внушать им веру в свои силы. И это потому, что Клара хорошо знала их не по книгам, а сама жила их жизнью, сама познала их страдания и сама была полна протеста против мира эксплуатации и зла.

После нелегальной работы в Швейцарии и Германии Клара приехала в Париж, где жил высланный из Германии Осип Цеткин, с которым она соединила свою жизнь. Но Париж — этот самый красивый и веселый город мира, обернулся к ней своей самой мрачной стороной. Она познала, как рассказывала, преследования, нужду, болезни. Муж Клары тяжело заболел, и она одна вынуждена была заботиться о двух своих мальчиках, родившихся у нее здесь, и о больном муже, который был долго прикован к постели. И не всегда эта образованнейшая женщина, знавшая в совершенстве несколько иностранных языков, могла найти место переводчика или преподавателя. Клара не гнушалась и «черной», самой низко оплачиваемой работой, бралась за починку одежды, стирку белья. Случалось, что она вместе со своей семьей оказывалась на улице — не было чем уплатить за жилье, — лишалась одежды, белья, голодала. Невзгоды подорвали здоровье и рано свели в могилу Осипа Цет-

кина — горячо любимого мужа, единомышленника и соратника Клары. Но сама она не поддавалась и мужественно переносила удары судьбы. Они не только не сломили ее, но еще больше закалили. Она тесней приобщилась к французскому революционному движению. Здесь, как и в Германии, Клара уделяла особое внимание трудящимся женщинам. Но женское движение, будь то во Франции или Германии, Клара всегда старалась влить в могучий поток общепролетарской борьбы. С феминистско-буржуазным женским движением Клара вела непрерывную войну.

Я как-то спросила Клару о видной германской социалистке Лили Браун. Девушки моего поколения в поисках «идеалов», «эталонов» увлекались мемуарами. Читали мы и книгу Лили Браун «Мемуары социалистки». В них она, не называя имени, вывела видную революционную деятельницу в крайне невыгодном свете. Но зависть автора и ее злопыхательство по отношению к этой революционерке были столь очевидны, что наши симпатии были целиком на стороне последней. Она нам просто очень нравилась. При случае я простодушно спросила Клару: кого именно Лили Браун имела в виду? Клара улыбнулась и деликатно ответила: «Возможно, меня». И тут же Клара заговорила о феминизме:

— Это буржуазное течение еще сильно в Германии и в других капиталистических странах. В России же оно никогда не играло сколько-нибудь крупной роли. Феминизм, суфражизм появились в России лишь после революции 1905 года. Но тут это движение не нашло подходящей почвы. В Германии же женское социалистическое движение с самого начала должно было развиваться в борьбе с феминизмом.

Затем Клара рассказала, как ее непрерывно травили буржуазные деятельницы — феминистки, выдававшие себя за защитниц трудящихся женщин; как ей еще в начале века пришлось вести борьбу с вредным влиянием феминисток на работниц, которых они ловили в свои сети болтовней о «гармонии сестер», о «сестринском единении». Она первой требовала четкого разделения этих двух движений, преследовавших совершенно разные цели. Ибо феминистки, по ее мнению, добивались своих прав прежде всего для того, чтобы иметь право распоряжаться имуществом, капиталом наравне со своим мужем.

Клара неоднократно подчеркивала, что и теперь при организации женского коммунистического движения в Европе необходимо бороться с феминистками за души работниц и домашних хозяек. И характерно, добавила она, что если раньше буржуазные партии кричали «караул» по поводу требований суфражисток, то в настоящее время они относятся к ним очень одобрительно. Ведь они служат хорошим подспорьем для той стены, о которую должна разбиться «красная волна большевичек». Позднее Клара внесла специальный пункт об этом в тезисы доклада на предстоящей конференции коммунисток.

Несмотря на то, что Клара прошла такой тернистый жизненный путь, она считала себя счастливейшим человеком. Она рассказывала о своем знакомстве с дочерью Маркса — Лаурой и ее мужем Полем Лафаргом. Из уст Лауры Клара услышала много нового о трудах, жизни и тяжелом быте ее родителей — Женни и Карла Маркса. Вместе с Лаурой и Полем Лафаргом Клара выступала в социалистической партии Франции против «поссибилистов», тогда зарождавшихся во Франции, но уже весьма опасных для рабочего движения, ибо они старались приспособить революционное движение к требованиям буржуазии, к примирению классов. Клара выступала со статьями об этом во французской и немецкой прессе.

Такую же непримиримо-революционную позицию Клара занимала и в социал-демократической партии Германии, куда она переехала после отмены закона Бисмарка против социалистов. Особенно резко Клара критиковала вождей германской социал-демократической партии. Они, по ее выражению, стремились превратить партию в кроткого комнатного пуделя социально-либеральной масти, в собачонку, которая вежливо дает лапку всякой буржуазной сволочи. Недаром Август Бебель как-то сказал, что Клара Цеткин и Роза Люксембург — единственные мужчины во всей немецкой социал-демократической партии. Разумеется, кроме Либкнехта и его самого, шутливо добавил он.

Вместе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом Клара всегда была на крайне левом фланге этой партии, пока они, как уже говорилось, не образовали свою группу «Спартак». А затем она участвовала в создании Коммунистической партии Германии.

Когда вожди германской социал-демократии во время первой мировой войны предательски голосовали в парламенте за военные кредиты, она, как и Роза Люксембург и Карл Либкнехт, была заточена в тюрьму.

Энгельс и Ленин высоко ценили Клару не только как талантливую публициста и блестящего трибуна, но прежде всего как стойкого, смелого борца и последовательного марксиста, отстаивающего учение Маркса от всяких извращений. Так, например, по поводу выступления Клары против POSSИБИЛИСТОВ и анархистов Энгельс в свое время в письме к Лафаргу писал: «Клара Цеткин написала превосходную статью в «*Berliner Volks-Tribüne*»; если бы мы имели такое ясное изложение фактов три месяца тому назад, то выиграли бы очень много». Похвалил он Клару и незадолго до своей смерти в письме к Адлеру за отстаивание марксистских позиций в женском вопросе. Энгельс писал по ее адресу: «Клара права... Браво, Клара!»

Ленин не только хвалил Клару за ее стойкую позицию на Штутгартском конгрессе II Интернационала, как рассказывала Крупская, но хвалил ее и позднее. Он считал политическую оценку конгресса, которую она дала в статье «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», замечательно правильной и замечательно талантливой. «В кратких, ясных, рельефных изложениях резюмировано громадное идейное содержание съездовских прений и резолюций», — писал он.

Да, Клара — женщина необычной судьбы. Ее жизнь была озарена дружбой с этими двумя великанами. В ранней юности, рассказывала Клара, до нее докатились последние залпы истекавшей кровью Парижской коммуны — и вот ей посчастливилось дожить до того времени, когда снова занялась заря в крупнейшей стране, на одной шестой земного шара восторжествовал социализм. И разумеется, самым великим счастьем своей жизни Клара считала знакомство и дружбу с двумя титанами двух эпох XIX и XX века: с Энгельсом и Лениным. Она встречалась и беседовала с Энгельсом незадолго до его кончины и дожила до того времени, когда другой гений — Ленин не только осуществил то, о чем мечтали Маркс и Энгельс, но открыл новую страницу во всемирной истории.

С Энгельсом она была знакома не только по переписке, но и лично. Клара рассказала мне, что она познако-

милась с ним в 1893 году, в Цюрихе во время конгресса II Интернационала — это было за два года до кончины Энгельса. Он был высоким и стройным. Несмотря на свои семьдесят три года, держался очень прямо, сохранил удивительную физическую свежесть и бодрость, обладал редкой памятью, яркостью мысли. После смерти Маркса Энгельс стал тем центром, к которому со всех сторон тянулись нити от старых и вновь возникавших в разных странах партий. Все они хотели его советов, указаний, сотрудничества в органах печати. И руководство II Интернационалом теперь лежало почти исключительно на нем. Но, подчеркивала она, отношение Энгельса, как и Маркса, к самой старой и крупной партии — немецкой социал-демократии, где уже тогда укоренился ревизионизм, подняли голову оппортунисты, не было всегда отношением полного доверия.

Энгельс, по ее мнению, не был оратором и не любил выступать. Те короткие речи, которые он произносил в Цюрихе на конгрессе II Интернационала, были торжественными, официальными, в которых вообще не принято говорить о теневых сторонах деятельности отдельных партий. Но не надо думать, заметила Клара, будто Энгельс был согласен с решениями Цюрихского конгресса или со всеми выступлениями его руководителей. Особенно, по ее словам, это относилось к половинчатой резолюции, предложенной немецкими социал-демократами по вопросу о войне. Энгельс, как и Маркс, ясно видел ту опасность, которую таила в себе тактика руководства этой партией.

Клара подчеркивала исключительную скромность Энгельса. Его, естественно, встречали с великим восторгом. Наконец-то пришла к нему на старости лет вполне заслуженная им слава. Но он от нее всячески открещивался. Даже в своих коротких ответах на все торжественные приветственные речи, которые адресовались ему, он постоянно подчеркивал великую роль и заслуги Маркса, а себя отодвигал на задний план.

Так же скромен, непритязателен и прост был он, по словам Клары, и во всем остальном. Она рассказывала, что конгрессам II Интернационала обычно сопутствовала неофициальная часть: всякие товарищеские встречи с музыкой и танцами, прогулки по окрестностям... И Энгельс, вообще не любивший помпезности, как человек простой, непосредственный и жизнерадостный, охотно принимал участие в этих «мероприятиях». Клара при этом с гор-

достью рассказала, что Энгельс взбирался с ней на горы и даже танцевал. Он писал Лауре Лафарг, что Клара ему очень нравилась.

При этом Клара вспоминала такой эпизод. После отъезда она написала ему письмо по какому-то деловому вопросу, обратившись: «Глубокоуважаемый товарищ Энгельс», и была весьма удивлена, когда в его ответном письме прочитала, что она не должна обращаться к нему так официально и помпезно: лучше писать: «Dear Fred!» (Дорогой Фред!) Он напомнил ей при этом, что они не только старые ветераны партии, но и вместе карабкались на горы и даже танцевали. Энгельс подчеркнул, что он это все хорошо помнит и она не должна забывать.

Пускай это была шутка, но это так характерно для Энгельса! Мы знаем из воспоминаний других современников и разных документов, что Энгельс был чрезвычайно скромным человеком и не любил, когда его возвеличивали. Так, например, Плеханову, который называл его в письме «учителем», он ответил: «...прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс».

Клара рассказывала также, что он был поразительно цельным, совершенным человеком, хотя долгие годы вынужденно вел двойственную жизнь, деля ее между коммерцией, чтобы обеспечить Марксу возможность заниматься теоретической работой, и участием в рабочем движении. Но Энгельс не раздвоил при этом свою личность: двойственность его жизни не означала двойственности его характера. Он всегда оставался самим собой — гармоничным, цельным человеком.

Клара с воодушевлением встретила нашу Октябрьскую революцию и неустанно — устно и письменно — выступала в защиту молодой Советской республики. А в 1920 году она приехала в нашу страну, сказав: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Ее приезд совпал с IX Всесоюзной партийной конференцией. Старые партийные товарищи помнят: когда она вошла в Свердловский зал, навстречу ей вышел Ленин, обнял ее и произнес сердечную речь, в которой отметил ее огромные заслуги. А когда Клара занемогла, Ленин навестил ее, позаботился о медицинском уходе, питании и т. п. Клара нередко вспоминала с улыбкой, как Ленин тогда, узнав, что там, где она жила, лифт хотя и имеется, но не действует,

заметил, что это совсем как у Каутского и его друзей: любовь к революции только в теории, но не на практике.

Дружеские длинные беседы, которые вел с ней Ленин, она описала в своих воспоминаниях. Да, Клара вполне могла считать себя счастливой.

Как я уже говорила, работа шла у нас с Кларой слаженно, хорошо.

В Берлине она созвала женский митинг, который был очень многолюдным, на нем я зачитала приветствие от советских тружениц. Участницы собрания восторженно встретили его. Они впервые видели посланца из Советской России, который привез им привет от русских сестер.

Интерес, симпатия к Советской стране были необычайно велики. После выступлений ко мне подходили десятки работниц и говорили они с грустью: «Так хотелось бы в Россию». А другие смело заявляли: «Я двину в красную столицу».

Затем по всей Германии, где только представлялась возможность, проводились такие же женские собрания. Наконец, в апреле месяце удалось устроить в Берлине предварительное международное совещание коммунисток. Клара пригласила на него представительниц коммунистических партий разных стран. Она же руководила этим совещанием, на которое прибыли делегатки из Австрии, Чехословакии, Швейцарии и других стран. Она разъяснила характер и задачи предстоящей международной конференции в Москве. Затем были обсуждены порядок дня, тезисы отдельных докладов и т. д. Почти все делегатки внесли в порядок дня конференции поправки и добавления, вытекающие из специфических условий их работы. Характерно, что представительницы Чехословакии, Германии и других стран просили включить в повестку вопрос о проституции. Война принесла с собой всюду это страшнейшее зло, а особенно в Германии. Проституция приняла массовый характер. Многие семьи лишились кормильцев, которых война унесла в могилы, и на плечи женщин легла забота о детях. А тут еще новая беда — безработица! И для многих оставался только один путь — продавать себя, чтобы прокормить семью. Проституция выросла в огромную проблему. А правительства

западных государств ничего не предпринимали для устранения этого зла.

На этом совещании было принято решение провести в западных странах широкую разъяснительную кампанию в связи с предстоящей конференцией коммунисток в Москве, устраивать на заводах и в учреждениях митинги, собрания, издавать листовки. Выработано было также письмо-обращение ко всем коммунистическим партиям и женотделам о присылке делегатов-работниц на предстоящую Международную конференцию в Москву. (Об этом я послала письменный отчет в Москву. Он хранится в Центральном партийном архиве.)

Клара Цеткин выпустила специальный журнал, посвященный Второй Международной конференции, под названием «Die Internationale», в нем были широко освещены все вопросы, связанные с предстоящей в Москве конференцией коммунисток. По просьбе Клары я написала для этого журнала статью о женщинах Советской России — участницах гражданской войны. Она была потом издана отдельной брошюрой издательским отделом Коминтерна.

После проделанной в Германии работы я собралась в обратный путь. Клара очень тепло простилась со мной и обещала приехать к началу конференции в Москву. Вторая Международная конференция коммунисток продолжалась с 9 по 15 июня.

Проделанная в Берлине работа дала неплохие результаты. Если в первой конференции участвовали представительницы шестнадцати стран, то во второй — уже двадцати восьми стран. Всего присутствовали пятьдесят две делегатки, и среди них много работниц. Делегатки, которым буржуазные правительства отказали в визах, вынуждены были пробираться нелегально, с большим риском для жизни. Кто ехал в трюмах пароходов, кто ночью, крадучись, шел тропинками, обходя пограничные заставы.

Клара Цеткин выступила на конференции с основным докладом — о формах и методах работы коммунистических партий среди женщин, а также о деятельности Международного женского секретариата, созданного по предложению Ленина при Коминтерне. Тезисы ее доклада были затем одобрены III конгрессом Коммунистического Интернационала.

Помимо работы на самой конференции (доклады, дискуссии, заседания комиссий) делегатки в перерывах много ездили по заводам, фабрикам, селам, знакомились с жизнью и условиями труда в Советской стране, с бытовыми, просветительными и детскими учреждениями.

Конференция близилась к концу. Делегатки единогласно приняли написанное Кларой Цеткин воззвание-обращение к крестьянкам, батрачкам. В нем говорилось, что перед Коммунистическим Интернационалом стоит задача полного освобождения тружениц, что они представляют собой мощный отряд, если осознают, что их место в рядах бойцов Коммунистического Интернационала.

А затем конференция обратилась с манифестом к работницам всех стран Запада и Востока. «Это не сказка и не вымысел, — говорилось в нем, — есть такая страна на земле, где трудящийся люд города и деревни не знает больше гнета богачей, где власть находится в руках самих работниц и крестьянок, рабочих и крестьян. ...Эта сказочная страна — Россия, первая в мире трудовая Советская республика... Россия — символ надежды для пролетариата всего мира, страна, где власть в руках трудящихся, где женщина имеет все права, где она равноправна не на бумаге, а в действительности, в самой жизни...

Мы не скрываем от вас и того, что рядом с творчеством, с созиданием новой, более справедливой жизни мы видели и великое страдание трудового люда России, недостаток во всем необходимом, голод и заботы...

В одной руке меч для защиты от врагов, в другой — заступ для строительства — так борются и преодолевают страшные трудности рабочие и крестьянские массы Советской республики.

Своей кровью они запечатлели все свои победы».

Затем состоялись выборы Международного женского секретариата, куда вошли представительницы многих стран.

Самым ярким, запомнившимся мне на всю жизнь было заключительное заседание конференции. На нем впервые произошла встреча женщин-коммунисток Запада и Востока. Среди них были киргизки, узбечки, туркменки, татарки, иранки и т. д. Прямо с вокзала они явились в Кремль. При ярких вспышках магния фоторепортеров они вереницей, медленно стали входить в зал: тонкие фигуры в длинных одеждах, закутанные в черные покрывала с

черной сеткой — чачваном, скрывавшей их лица. Безмолвно выстроились они на трибуне и замерли загадочные, таинственные, словно тени. Весь зал встал, как один человек, замороженный небывалым зрелищем и зааплодировал дорогим гостям. Оркестр заиграл «Интернационал». И вдруг эти загадочные тени задвигались, ожили, стали срывать с себя покрывала. И перед нами предстали прекрасные, смуглые лица, обрамленные черными косами, горели темные миндалевидные глаза. На лицах их мы видели выражение восторга и изумления. Впервые эти глаза смотрели на мир, на людей. Впервые они увидели руководителей женского коммунистического движения: Н. К. Крупскую, Клару Цеткин и других. Сложив повосточному ладони, они стали шептать: «Ленинова, Цеткинова!»

Глаза Надежды Константиновны и Клары Цеткин увлажнились. А французский коммунист Вайян-Кутюрье, сидевший рядом с нами в президиуме, смахивая слезу, сказал: «Ведь это слезы великой радости».

Трогательна и торжественна была эта встреча. Все обнимались, целовались, радовались и плакали одновременно.

Клара Цеткин горячо приветствовала женщин Востока. Она сказала:

— Ваши страны далеки от нас, как сказка, но ваши сердца близки нам, они бьются вместе с нами за освобождение от векового угнетения.

Клара пришла в такое восхищение от этих раскрепощенных восточных женщин, что, когда она позднее была послана по болезни на Кавказ полечиться в санатории, она отказалась от лечения и отдыха и отправилась в Грузию и Азербайджан, чтобы ближе познакомиться с их жизнью и бытом. Разумеется, ее всюду восторженно встречали. К ней потянулись женщины из самых отдаленных аулов. На ее выступления собирались тысячи и тысячи женщин с самых далеких окраин.

Вслед за конференцией коммунисток 22 июня открылось в Андреевском зале Кремля заседание III конгресса Коминтерна.

Этот конгресс Коминтерна был многолюдным и представительным. Прибыли делегаты из разных стран Запада и Востока — от Лондона до Бомбея и от Шанхая до Мехико, здесь были представлены люди труда всех про-

фессий: углекопы Уэльса, ткачи Лиона, батраки Сицилии, металлисты Парижа и т. д. Все были охвачены желанием не только посмотреть Страну Советов, Москву, но воочию увидеть того, чье имя было на устах тружеников всего мира. К великой радости делегатов, Ленин несколько раз выступал на этом конгрессе.

На пленарных заседаниях Ленин выступал трижды: по итальянскому вопросу, в защиту тактики Коминтерна и о тактике РКП. Но помимо того он несколько раз выступал в разных комиссиях.

На этом конгрессе коммунисты всех стран еще раз убедились в гениальности Ленина как тактика и стратега революции. Мне особенно запомнилось его выступление по вопросам тактики Коминтерна, где он раздельвался с «левыми глупостями», как он это окрестил. Мне посчастливилось слышать Ленина на этом конгрессе и наблюдать за ним, находясь буквально совсем рядом.

Дело в том, что ведавший пресс-бюро конгресса Т. Л. Аксельрод предложил мне и Б. И. Рейнштейну секретарствовать. Я владела несколькими иностранными языками, только что вернулась из Германии, участвовала в Первой и Второй Международных конференциях коммунистов, лично знала многих делегатов Коминтерна. А Рейнштейн участвовал еще в первом учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала. До революции долгие годы он жил в Америке и был связан с социалистической организацией. Я знала его также по Южному фронту — он был лектором на курсах политкомиссаров при штабе Южного фронта.

Наша работа на конгрессе была чисто техническая. Там, как правило, все речи выступавших стенографировались. Задача секретарей состояла в том, чтобы подготовить краткое изложение речей и, главное, следить за очередностью выступавших ораторов — вести их порядковую запись и следить за тем, чтобы не были искажены их имена и фамилии, которые стенографистки часто путали, и поэтому нередко случалось, что речи одних приписывались другим. И хотя наша работа была техническая, но сидели мы на весьма почетном месте: за столом президиума, но с торца, а иногда за отдельным столиком у самой трибуны.

Ко времени созыва Третьего конгресса Коминтерна в мировом революционном движении наступил новый этап, и конгресс этот стал как бы поворотным пунктом. Бур-

жуазия, успев оправиться от кризиса, хаоса и растерянности, которыми она была охвачена сразу после окончания первой мировой войны, перешла в наступление на пролетариат. Ей удалось подавить революционные выступления трудящихся масс в Италии. Примерно то же произошло в Болгарии, Австрии, Чехословакии. А перед этим были задушены Советские республики в Венгрии и Баварии. И почти накануне созыва III конгресса Коминтерна было подавлено крупное революционное выступление немецкого пролетариата, вошедшее в историю под названием «Мартовские события».

И, как часто бывает после поражения, в рядах бойцов происходит замешательство, они шарахаются то в одну, то в другую сторону. То же произошло в молодых, не окрепших еще коммунистических партиях Западной Европы. Наряду с «правой» опасностью или, вернее, в противовес ей возникло новое течение — «левое». «Левые» совершенно не учитывали изменившейся обстановки и объективного хода событий, которые требовали нового подхода, иной тактики. Ленин еще раньше критиковал «левых» в своей книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» за сектантство, доктринерство и страсть к «левой фразе». Но особенно опасным он считал это течение теперь, после ошибок, сделанных «левыми» в Германии во время мартовского выступления. «Левые» там не только не признавали своих ошибок, но создали теорию «наступления», согласно которой для завоевания власти вовсе не надо завоевывать большинства рабочего класса. Что достаточно смелого авангарда, который рядом решительных атак на правительство может добиться победы. «Левые» в других странах, поддерживая эту теорию, отказывались работать в реформистских профсоюзах, в буржуазном парламенте и т. д.

Обо всем этом на конгрессе шел горячий спор. Но вот на трибуну взошел Ленин, чтобы ответить «левым». Все придвинулись к нему поближе. Тогда еще не было синхронного перевода по радио. Переводчики работали с языковыми группами. Но все делегаты хотели слушать и видеть перед собой только Ленина и тотчас же сгруппировались у самой трибуны. И, как признавались делегаты, вся речь Ленина, которую он произнес так горячо и убедительно, им всем была понятна. И я должна сказать, что среди всех ярких воспоминаний, когда перед моим мысленным взором предстает Ленин-оратор с его энергичными жеста-

ми, выразительной мимикой, Ленин-полемист с его при-
стрельными репликами и только ему свойственными сло-
восочетаниями, — мне больше всего запомнилось его вы-
ступление на III конгрессе. Ленин весь был в движении,
он непрерывно ходил взад и вперед по сцене. А голос его
звучал мощно. Владимир Ильич призывал «левых»
учиться на ошибках, на провалах и не строить по-
литику партии, основываясь только на воле и готов-
ности к борьбе смелого авангарда. Надо, убеждал Ленин,
сочетать это революционное стремление с умением ориен-
тироваться в обстановке, объективно оценивать условия
борьбы, вести подготовительную организационную, про-
пагандистскую и агитационную подготовку масс, чтобы
в нужный момент успешно двинуть широкие массы к
окончательной победе. Он доказывал, что борьба с совре-
менным государством, на защиту которого поставлен
мощный аппарат и услужливые социал-демократы, не
может состоять из одних только героических выступле-
ний. Он звал их трезво оценить новый этап, потому что
революционное движение подвинулось гигантски вперед,
хотя развитие международной революции пошло не так
прямолинейно, как этого ожидали. Он подчеркивал, что
революционный пыл пролетариата не угас, но теперь надо
основательнее готовить революцию. Необходимо глубокое
изучение конкретного ее развития в передовых капита-
листических странах. А самое важное, указывал Ленин,
это завоевание масс, необходимость длительной, упорной
работы по организации и завоеванию широчайших слоев
трудящихся. «Ближе к массам» — таков был лозунг,
выдвинутый им.

Хотя Ленин сказал в начале речи, что хочет ограни-
читься самообороной, но на самом деле он ополчился на
«левых» всей силой своего полемического темперамента
и таланта. Разумеется, доставалось от Ленина и «правым»
и центристам. Но Ленин заметил: «Мы не только осудили
наши правые элементы, — мы их изгнали. Но если из
борьбы против правых устраивают спорт, как Террачини,
то мы должны сказать: «Довольно! Иначе опасность
станет слишком серьезной». На том этапе Ленин считал
«левых» главной опасностью.

Еще до этого выступления Ленина на конгрессе от
имени «левых» трех делегаций — немецкой, австрийской
и итальянской — выступил Умберто Террачини с возра-
жениями и дополнениями к тезисам о тактике. Ленин

проявил особый интерес и внимание к оппоненту: он появился, как только Террачини взошел на трибуну. И так как он, очевидно, хотел внимательно и сосредоточенно выслушать то, что говорил оратор, то сразу же отыскал зорким взглядом укромный уголок рядом с нашим столиком, опустился на ступени, которые вели на подмости, и очутился буквально у наших ног. Не обращая ни на кого внимания, он сразу же весь превратился в слух, время от времени делая только какие-то пометки у себя в блокноте.

Мы с Рейнштейном сперва растерялись, но затем вскочили, придвинули к нему поближе свои стулья и предложили сесть. Но Ленин резко поднял голову и с сердитым выражением на лице тихонько цыкнул на нас: «Сидите, пожалуйста, и не ерзайте!» Мы сконфузились и снова сели, но своим движением мы, очевидно, «демаскировали» Ленина. И фотограф успел заснять его в этой позе. В общем, было сделано несколько редких снимков сидящего и полулежащего на ступеньках сцены Ленина в нескольких ракурсах: то Ленин, подперев одной рукой голову, другой делает заметки, то он, приподняв голову, сосредоточенно смотрит на оратора. Так, в этой необычайной позе он был увековечен для человечества. Впервые снимки эти были опубликованы после кончины Ленина и потом долгое время не воспроизводились. Теперь они включены в первый том книги «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров», подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к юбилейной дате.

Несмотря на то что Ленин так резко ополчился на «левых» за их нежелание понять необходимость новой тактики при изменившихся внешних обстоятельствах, он тем не менее сумел замечательно сочетать эту резкость с тактичностью по отношению к каждому «левому», отличая среди них тех, кто ошибочно уклонился влево, но был в прошлом связан с революционным движением и показал себя в классовой борьбе преданным и отважным бойцом. И это почувствовали сами «левые». Они поняли, что, жестко критикуя их, Ленин в то же время настойчиво учит их гибкости, поворотливости. И тем самым он заботится о каждом руководителе, каждом активисте. Ленин хотел помочь им изжить ошибки, сохранить их в партии и добиться единства на принципиальной основе. Естественно, ему очень хотелось примирить немецких «левых коммунистов», бывших «спарта-

ковцев» Фрида Геккерта, Вильгельма Кёнена и других с Кларой Цеткин, которая расходилась с ними в оценке мартовских событий. Ленин, как известно, дал ей основательную «нахлобучку» за ее выход из ЦК. Она осознала свою ошибку. Однако «левые» усиленно «прорабатывали» Клару не только в Германии, но и на конгрессе. Совершенно неожиданно Ленину представился случай для их примирения с Кларой.

Одно из заседаний конгресса совпало с днем рождения Клары Цеткин. Ей исполнилось шестьдесят пять лет. Ленин предложил отметить эту дату. Чествование Клары происходило очень торжественно. При ее появлении все делегаты поднялись со своих мест и стоя приветствовали ее.

Но еще до этой торжественной минуты произошел такой инцидент. Для именинницы был приобретен букет красных роз. Возник вопрос: кто его преподнесет, кто будет Клару приветствовать от имени немецкой партии. Кто-то предложил сделать это Фриду Геккерту, но тот категорически отказался. Тогда Ленин пристыдил Геккерта, взял его за руку, вручил ему букет и попросил, чтобы именно он произнес поздравительную речь и преподнес Кларе Цеткин цветы. И Геккерт выполнил это, помирившись с Кларой таким образом.

Говоря о разногласиях между «левыми» и ею, Геккерт выразил надежду, «что эти разногласия в конце концов исчезнут». Ведь она всегда была пеустрашимым бойцом, солдатом партии, и потому он лично надеется, что Клара будет тем красным генералом, который приведет рабочий класс Германии к победе. Затем Клару приветствовали представители других партий.

В ответной речи Клара сказала, что своей волей к борьбе, энергией и революционной нравственностью она обязана русским революционерам, с которыми была лично связана еще в семидесятых годах прошлого века, и особенно она обязана большевикам, которых глубоко благодарит. Затем она отметила, что, когда ее хвалят, она чувствует себя плохо, она понимает тогда, что сделала еще не все. «Да и, собственно говоря, за что меня хвалить? — недоумевала она. — Все то, что я делала, — это так естественно. Ведь это моя сущность, я иначе не могу. Это мне свойственно от природы. Разве река заслуживает похвалы за то, что она течет вперед, или птичка за то, что она поет».

Эти ее слова, произнесенные с таким недоумением, были покрыты громом аплодисментов.

Владимир Ильич, веселый и радостный, горячо аплодировал Кларе. Потом подошел к Геккерту и, широко улыбаясь, сказал:

— Ну, видите, как хорошо все получилось, а вы упрямылись!

Ленин имел все основания быть довольным.

На следующий день Клара пригласила нескольких товарищей к себе на обед в Серебряный бор. В тот год стояло необыкновенно жаркое лето, и Клару, с трудом переносившую жару, поселили на даче в Серебряном бору.

Среди приглашенных были: Геккерт, Ракоши, югославский коммунист Вуйкович, французская коммунистка Лессиак и автор этих строк. Клара встретила нас очень сердечно, крепко всех обняла, хотя Ракоши и Геккерт еще два дня назад так резко критиковали ее. Но вот политические разногласия преодолены, страница перевернута, и никакого злопамятства... Такова была Клара.

За обедом, разумеется, произносили тосты за ее здоровье. Снова и снова тепло поздравляли ее, а она в ответ с оттенком грусти произнесла слова гетевского Фауста: «So, gieb mir auch die Zeiten wieder, da ich noch selbst im Werden war!» («Отдай же годы мне златые, когда и сам я был незрел».) Но тут же добавила: «И все равно я снова пошла бы той же самой дорогой».

Обед был скромный, хотя, по понятиям того голодного времени, вполне приличный. Но Клара как гостеприимная хозяйка извинялась и, утешая нас, что при коммунизме обеды будут куда лучше, продекламировала из «Зимней сказки» Гейне:

А хлеба хватит там на всех —
Устроим пир на славу!
Есть розы и мирты, любовь, красота
И сладкий горошек в приправу.

За обедом много шутили, острили. Говорили о том, какую нахлобучку Ленин дал «левым товарищам». Геккерт немного почесал затылок и тоже смеялся. Вспомнили, как Ленин заставил его помириться с Кла-

рой, какое всеобщее уважение выказал ей конгресс. Француженка Лессиак вдруг вспомнила по забавной ассоциации, о конфузной истории, происшедшей на Первом конгрессе Интернационала с видной английской деятельницей Сильвией Панкхерст.

Сильвия Панкхерст в прошлом была типичной феминисткой. Это было у них в роду — ее мать и сестра тоже были суфражистками. Но самой горячей бунтовщицей из них была Сильвия. Она начисто отрицала парламентаризм, профессиональные союзы, хотя сама нередко являлась в парламент и, совершенно не стесняясь в выражениях, требовала прав для женщин. Ее часто выдворяли оттуда силой. Но первая мировая война открыла ей глаза на многое, и она ринулась в рабочую массу, вела работу среди матросов, редактировала журнал «Worker's Dreadnought», принимала активное участие в кампании «Руки прочь от Советской России». В 1919 году она обратилась с письмом к Ленину по поводу волновавших ее вопросов — о парламентаризме, английской рабочей партии, профсоюзах и т. д. Поскольку к моменту подготовки Второго конгресса Коминтерна в Англии еще не существовало коммунистической партии, а были лишь, по выражению Ленина, «отдельные агитационные группы», то решили пригласить их всех и Сильвию Панкхерст в том числе. В своем выступлении на конгрессе Коминтерна Панкхерст по-прежнему категорически возражала против участия в парламенте, против вхождения в рабочую партию и т. д. Ленин в очень вежливой форме указал в своем докладе, что не надо быть «слишком левой». Но она возразила: «Я нахожу, что нужно быть еще левее левого!» А на заседании одной из комиссий Сильвия выступила совсем в феминистском духе. И тогда кто-то из венгерских делегатов ей сказал: «Мисс Панкхерст, но вы-то ведь рассуждаете по-женски, это типичная женская логика». Сильвия страшно обиделась и даже заплакала. Сквозь слезы она сказала взволнованно: «Я всю жизнь борюсь против взгляда на женщин как на отсталых, как на нелогичные существа... Оказывается, и коммунисты дуют в ту же дуду. Видно, вместо классовой борьбы теперь надо вести борьбу с мужчинами-коммунистами...» Ленин, как всегда корректный, заволновался и тихо сказал сидящему рядом французу: «Неудобно как-то, обидели человека, а ведь ее пригласили в качестве гостя». Французский делегат, ви-

дя беспокойство Ленина, ответил: «Не волнуйтесь, мы сейчас поправим дело!»

Он поднялся и сказал: «Ну, зачем вам плакать, мисс Панкхерст? Быть женщиной это очень почетно! Хорошо, что в этом мире есть женщины и мужчины и что английский парламент не превратил вас в мужчину (к счастью, это единственное, что ему не под силу). Может быть, вы правы — разница уж не так велика. Но мы французы обожаем как раз эту маленькую разницу между мужчинами и женщинами. И было бы очень печально, если бы она исчезла. И я скажу от имени всей французской делегации «Vive la p tite difference!» («Да здравствует эта маленькая разница!»). Ленин тогда почесал затылок и сказал: «Да, дискуссия зашла так далеко, что мне здесь делать нечего» — и ушел.

Лессиак закончила свой рассказ под общий смех. А Клара сказала: «Ну, Сильвия Панкхерст сделана совсем из другого теста. Она «не наша» и, думаю, никогда не будет нашей».

Это были пророческие слова.

Затем Клара пригласила нас послушать музыку. Оказывается, в тот день известное трио — Шор, Крейн и Эрлих давали концерт классической музыки на открытом воздухе в Серебряном бору. И мы все отправились. Возвращаясь с концерта, Клара, большой знаток музыки, делилась своими впечатлениями. Очень хвалила исполнителей и культурные начинания Советской власти — устройство бесплатных концертов на открытом воздухе для всех желающих. И вдруг она заметила растущие у дороги грибы, а мы, разумеется, прошли, не обратив на них никакого внимания, а некоторые даже по небрежности потоптали. Клара остановилась и стала нас журить за отсутствие предприимчивости, инициативы, — если бы, мол, грибы росли бы так свободно не только в лесах, но в парках в Германии, то там мобилизовали бы всех безработных, организовали бы массовый сбор грибов, открыли бы специальные заводы для переработки, выросли бы тресты, создалась бы огромная промышленность грибов. И сколько рабочих обрели бы работу и сколько людей можно было бы кормить грибами...

Вскоре я перешла на научную и преподавательскую работу. Мы виделись с Кларой реже. Но где бы мы с нею

ни встретились, она всегда была очень внимательна ко мне и добра. В одном из своих писем в Международный женский секретариат она даже требовала, чтобы меня вернули на прежнюю работу.

Помню, однажды при встрече она высказала мне свое суждение по поводу моей книги о Лассале, появившейся в 1926 году. Клара сама книгу не читала. Но работавший тогда в ИМЭЛе один научный сотрудник из Германии, который, правда, был в плену старых представлений о Лассале, обратил внимание Клары на то, что автор книги оспаривает установившийся взгляд. Я действительно доказывала, что у истоков рабочего движения с самого начала наметились два течения: лассальянство и марксизм, что от Лассалья идет теоретическое обоснование приспособления рабочего движения к господствующему режиму, а от Маркса — учение о классовой борьбе, пролетарской революции и диктатуре пролетариата; что социал-демократы — прямые наследники Лассалья, а наследники Маркса — коммунистические партии.

Клара деликатно заметила на это: «Все мы шли через Лассалья к Марксу». Мне оставалось только возразить ей, что она пришла к Марксу и осталась верна ему до конца, в то время как социал-демократы и социалисты требуют теперь возврата «назад к Лассалю».

Очень тяжело перенесла Клара весть о кончине Лепина. В день похорон она пришла, несмотря на лютый мороз, утром, очень рано на Красную площадь. Я ее отвела на трибуну и усадила на скамейку. Никто уж там речей не произносил. Клара все шептала: «Как же он ушел так рано... раньше меня...» И горячие слезы текли по ее щекам, застывая...

В статье, написанной после его смерти, Клара, перефразируя слова Энгельса по поводу кончины Маркса, очень точно выразила мысль и чувство, охватившие всех: «Воистину человечество стало ниже на целую голову, самую крупную, но в добавление к этому надо сказать — человечество оскудело на одно великое сердце».

Начиная с 1925 года Клара жила в нашей стране, или, как она сама говорила, на «своей второй родине». Эти ее годы были насыщены огромным трудом: выступления, лекции, доклады, статьи. Она посещала фабрики, заводы, побывала во многих городах. Встречалась с рабочими, ра-

ботницами, представителями интеллигенции. Будучи свидетелем первой пятилетки и трудового энтузиазма масс, она с особым восторгом говорила о хозяйственном росте нашей страны и расцвете ее культуры.

В качестве одного из руководителей Исполкома Коминтерна и председателя Исполкома Международной организации помощи революционерам (МОПРа) Клара работала буквально день и ночь, организуя во всем мире помощь жертвам террора реакционных режимов, господствовавших тогда в целом ряде капиталистических стран. Но особенно велик ее вклад в историю борьбы с надвигавшейся на мир коричневой чумой — фашизмом.

Говоря о Кларе Цеткин, нельзя не сказать о той последней, изумительной странице, которую она вписала в свою замечательную биографию. Мужество Клары Цеткин поразило весь мир — и ее друзей и врагов. Эта семидесятипятилетняя больная и слабая женщина решилась поехать в Германию, чтобы по праву «старейшего депутата» открыть в Берлине первое заседание вновь созванного рейхстага. Еще задолго до открытия фашистские громы грозились расправиться с Кларой, если она появится. Товарищи, естественно, отговаривали ее от этой поездки, сопряженной с большими опасностями. Но слабеющая Клара, стоя уже на краю могилы, твердо заявила, что обязательно поедет, чтобы выполнить свой последний долг: произнести обвинительную речь против фашистов, предупредить об угрозе, которую они несут всему миру.

30 августа 1932 года огромный ярусный зал рейхстага горел огнями люстр, сверкал позолотой. Но снаружи здание было оцеплено нарядами полиции, которая пропускала узенькой струйкой входивших депутатов. А кругом на площади и в рабочих кварталах люди гадали: откроет ли Клара парламент? Хватит ли на это силы у старой, больной женщины? Осмелится ли она выступить перед сборищем врагов?.. Буржуазные газеты уже много дней травили ее, угрожали полицейскими репрессиями, лишением депутатской неприкосновенности, арестом и даже убийством.

Но вот ровно в три часа отдернулась портьера и на трибуну взошла поддерживаемая под руки двумя депутатками седая Клара. Вся правая коричневая половина зала оцепенела при ее появлении. Но вдруг с левых скамей раздалось трижды: «Рот-фронт, рот-фронт, рот-

фронт!» И эта немощная, сгорбленная старая женщина вдруг выпрямилась, высоко подняла голову, как будто выросла на глазах у всех. Она собрала весь остаток сил и заговорила. Ее слова, горевшие пламенем, весь ее облик заставили молчать даже врагов. И при гробовой тишине зала она бросила фашистам в лицо гневные обличительные слова. Лишь изредка, когда ей не хватало воздуха, сдавливала спазма, она на минуту умолкала, чтобы перевести дух, а затем с новой силой возвышала голос. Она предупреждала, что «борьба продолжается». Клара призывала немецких пролетариев и трудящихся всего мира тесней сплотиться, объединиться, чтобы не допустить рвущихся к власти фашистов.

Она и впоследствии писала о том, что варварский режим и зверства, которые они принесут с собой, оставят далеко позади себя все ужасы средневековья. Клара в своей речи пророчески предсказала, что наступает последний день этого рейхстага. Она требовала суда над высшими правителями Германии, которые пошли на поводу у фашистов и готовы уничтожить последние признаки буржуазного парламентаризма. Но при этом Клара остроумно заметила, что апеллировать к их суду — это все равно, что «жаловаться черту на его бабушку».

Свою речь она закончила словами: «Я надеюсь, несмотря на мое теперешнее болезненное состояние, еще открыть в качестве старейшего члена рейхстага — первый съезд Советов Германии».

Но этому не суждено было сбыться. После огромного напряжения силы Клары иссякли. Она вернулась в Советский Союз, но не прошло и года, как ее не стало. И все же предначертания Клары осуществились — германский фашизм был раздавлен. Умирая, она еще успела продиктовать «Заветы Ленина женщинам всего мира»:

«Величие цели не допускает никаких колебаний, оттяжек в борьбе... Задачи момента и благоприятная историческая ситуация повелевают вступить в решительный бой. Они громко повелевают массам пролетарских трудящихся женщин:

Станьте сознательными, действуйте, боритесь!.. Выходите и идите вперед, бесчисленные миллионы безыменных, безвестных вчерашних «рабынь», сегодняшних бойцов! Завоюйте победу!»

Яков
Михайлович
Свердлов

До переезда Советского правительства в Москву я лично Якова Михайловича не знала. Но от товарищей, с которыми я работала в Моссовете и в большевистской фракции: Ломова, Милютина, Ногина (которые были также членами ЦК партии), я часто слышала, что Свердлов — человек необыкновенного организаторского таланта и огромной воли. Трудностей для него не существует. Он «все может». Рассказы эти неизменно заканчивались рефреном: «А какой это жизнерадостный, какой веселый человек! И какой замечательный товарищ!» Но, к моему изумлению, впервые я увидела Свердлова весьма сердитым.

Сразу же после переезда правительства в Москву он неожиданно для нас поздней ночью появился в Московском Совете рабочих депутатов. Уже давно кончилось заседание президиума, многие разошлись, но Совет имел свой обычный ночной облик: звонили телефоны, стучали пишущие машинки, дежурные члены исполкома были на своих местах, сновали красногвардейцы из караульной команды.

Вдруг появился человек, весь словно в панцире из черной кожи — от фуражки до сапог. Что-то очень деятельное, стремительное было в складной фигуре Свердлова. Невысокого роста, худощавый, в пенсне, он выглядел совсем молодым. От его жестов, движений веяло энергией, бодростью. А голос звучал внушительным басом.

Едва поздоровавшись, Свердлов с места в карьер начал отчитывать товарищей из исполкома за то, что нет заботы

о переехавших из Питера в Москву рабочих, за плохую подготовку помещений. А ведь эти товарищи, кого поругивал Яков Михайлович, были хорошо ему знакомы по ссылке. Но таков уж был Свердлов: дело всегда на первом месте.

Критикуя Моссовет за нерасторопность и отсутствие инициативы, Свердлов не преминул упрекнуть москвичей: «Вы, мол, и в Октябре медлили, затапули бои». Тут уже я не удержалась и робко заметила:

— Нет ничего удивительного, что мы долго дрались, не по нашей вине затапулись бои. Ведь на нашу долю выпало драться с юнкерами и прочим вороньем, слетевшимся сюда спасать своих господ, которые, по их мнению, «прошляпили власть в Питере». — И привела известную поговорку, которую любил повторять Гейне: «Лучше драться с самим хозяином, чем с его слугой». Яков Михайлович как-то лукаво поглядел на меня и расхохотался. Вот тогда-то в первый раз я услышала знаменитый свердловский смех. Он был действительно заразителен. Недаром Мануильский говаривал, что к семи чудесам древнего мира надо прибавить современное чудо: смех Свердлова и его бас.

Ближе мне пришлось познакомиться со стилем работы Якова Михайловича и некоторыми чертами его характера во время совместной поездки в Харьков на III съезд КП(б)У и на съезд Советов Украины. Среди работников, съехавших вместе с председателем ВЦИКа, была и я. (Мне была поручена секретарская работа.) Отъезд был назначен в 9 часов утра 27 февраля с бывшего Николаевского вокзала. До самого вокзального тупика по обеим сторонам московских улиц тянулись снежные валы от неубранного снега. Чтобы не опоздать, я предусмотрительно отправилась на вокзал не в машине, а на санях. Хотя в Моссовете существовал транспортный отдел, но в его распоряжении были всего две или три древние, облупленные легковые машины. Они были столь изношены, что в пути неизбежно случались поломки. Вот почему, когда времени в обрез, лошадь была куда более надежным средством передвижения, нежели автомобиль.

Старинные московские сани, в которых я ехала, были на очень высоких полозьях и такие узенькие, что на сиденье с трудом умещались двое седоков. Извозчик, лениво

подстегивая тощую лошаденку, вез меня по трамвайной линии, вполне уверенный, что никакой трамвай его не догонит: в ту пору трамвай не ходил.

В тупик вокзала был подан поезд для председателя ВЦИКа.

В назначенный час наш поезд, состоявший из трех вагонов, без звонков и свистков тихонько отошел от перрона и направился к Харькову.

Яков Михайлович занимал всего лишь купе в одном из вагонов.

Поезд набирал скорость: путь ему был открыт, так как движение было еще нерегулярным. К тому же машинист старался изо всех сил и опережал установленный ему график. Помощник народного комиссара путей сообщения извещал нас телеграфно, что в такой-то час мы будем на такой-то станции. Это делалось для того, чтобы председатель ВЦИКа мог вызвать нужных ему людей, которых хотел повидать в пути. Но мы получали эти телеграммы уже после того, как поезд миновал не только указанную в телеграмме, но и следующую станцию. Поэтому некоторые встречи и совещания, которые Яков Михайлович наметил провести по пути в Харьков, пришлось отложить на обратную дорогу. Этим объясняется и то, что первую часть своей поездки Свердлов был сравнительно свободен от дел.

В ночь перед отъездом, как он сам признался, ему довелось спать всего три часа. Чтобы закончить в Москве спешные, неотложные дела, Яков Михайлович работал почти до утра. Однако в вагоне он был свеж и бодр, своим смехом и шутками то и дело прерывал дремоту своих спутников.

Свердлову, привыкшему к непрестанной деятельности, было сейчас как-то не по себе. Тишина и покой вагонной обстановки, отсутствие деловой напряженности и телефонных звонков нарушали привычный уклад его жизни. Правда, впереди предстояла большая работа. В Харькове на партийном съезде надо было разрядить атмосферу, создавшуюся внутри украинской организации, мирить товарищей «разных оттенков». Ленин, как всегда в подобных случаях, посылал Свердлова, уверенный, что он это сделает лучше и тактичнее, чем кто-либо другой. Помню, когда так называемые «левые коммунисты» в Москве подняли шум против Брестского мира, Ленин тоже направил Свердлова урезонивать «шумливых», как он говорил.

Позади — в Москве — у Свердлова тоже осталось много прерванных дел, нерешенных вопросов. Но сейчас он был свободен. Едва поезд тронулся, все мы, сопровождавшие председателя ВЦИКа, и сам Яков Михайлович собрались в общем вагоне — прежде, очевидно, это был салон-вагон. Посредине стоял громоздкий стол, за который мы сразу все уселись; там проводили мы в пути почти все время, только на ночь расходясь по своим купе.

Яков Михайлович снял с себя кожаную тужурку. По-детски улыбаясь, тихо мурлыкая какую-то песенку, он принялся разбирать и чистить свой мундштук. На лице его спокойная умиротворенность. Время от времени слышится его протяжное «да-а-а». Под рукой у него не оказалось подходящего инструмента для чистки мундштука. Он попросил у меня шпильку. Но вскоре заворчал: она, мол, никуда не годится — гнется, вот какую дрянь производит Моссовет, бросил он. В оправдание я заметила, что руки у нас еще не дошли до более важных вещей, не то что до шпилек, да и вообще шпилек мы не будем производить — в них просто не будет нужды. При социализме все женщины будут носить короткую стрижку, как комсомолки. Свердлов пожурил меня за нигилизм и сказал, что социализм не исключает женских причесок и даже женских мод. Но это будут прически и моды, созданные нашим стилем жизни, нашим трудовым бытом. Они будут красивы, скромны и рациональны.

Так началась наша поездка.

Нужно было видеть, как этот человек, всегда занятый, деловой, гроза врагов революции, меньшевиков и эсеров, теперь с детской мягкой улыбкой на лице балагурил с нами. Он сидел, подобрав ноги и непрерывно оглашая вагон раскатистым, заразительным смехом.

Один из наших спутников увлекся вагонным вентилятором. Крылообразный никелевый вентилятор, привинченный к потолку, был не в порядке и начинал вращаться лишь после того, как дергали привязанный к нему шнур. Этот товарищ всю дорогу занимался тем, что тянул за шнур и заставлял вентилятор вертеться, а сам при этом, полуоткрыв рот и подняв кверху глаза, восхищенно следил за «хитроумной штучкой». Свердлов наблюдал, посмеиваясь, и время от времени окликал его. А тот, сконфуженный, при общем смехе оставлял «игрушку». Но вскоре снова принимался за нее. Кое-кого уже одолевала дремота, и некоторые товарищи поклевывали носом. Мы

стали уговаривать Якова Михайловича тоже вздремнуть. Но он заявил, что днем не может заснуть и что со времени революции ему приходится спать вообще очень мало — четыре-пять часов в сутки.

Ночной работой в ту пору злоупотребляли многие, но Яков Михайлович, кажется, больше всех. В какой бы час ночи ему ни позвонить, Свердлов оказывался на месте. Поразительно, как мог он физически вынести такой образ жизни. Видимо, все держалось только на подъеме духа.

Кто-то стал журить Якова Михайловича, что он хищнически относится к своему здоровью. Он, как всегда, отшучивался: революция, дескать, тоже не спит, а бодрствует.

А затем пояснил, что его вынуждает большая загруженность удлинять свой рабочий день за счет ночи, но что он уже приучил себя к этому. Теперь ему ничего не стоит поздно лечь и рано встать.

— Встаю я очень бодрым, как бы мало ни спал. Словно кто-то невидимый меня будит: «Вставайте, вас ждут дела!» А ведь у меня нет слуги, который подобными словами будил Сен-Симона каждое утро, — заметил он со смехом. — Только то плохо, — продолжал он, — что иногда мой недолгий сон прерывают. Вдруг ворвется кто-нибудь с «неотложным делом»...

В качестве примера Яков Михайлович привел следующий эпизод.

— Однажды после тяжелого трудового дня с бесчисленными приемами работников с мест, совещаний и т. п. я наконец прилег очень усталый. Было уже часа четыре ночи. Но едва заснул первым крепким сном, как был внезапно разбужен неожиданным стуком в дверь. Встревоженный и удивленный, так как все неотложные дела рассмотрел и закончил, спросил: «Кто там еще?» — «Это я», — донесся до меня голос Чичерина. — «Яков Михайлович, — у меня к вам еще одно важное дело, о котором я забыл сообщить». А ушел он от меня только что, в третьем часу ночи... Ну, на этот раз я ему ответил довольно сухо: «Георгий Васильевич, на сегодня хватит, идите спать!»

Как известно, Свердлов обладал феноменальной памятью. Он признался нам, что хорошая память всегда очень помогала ему в нелегальной партийной работе и особенно после Октября, когда надо было двинуть огромное

количество новых людей в государственный аппарат. Яков Михайлович запоминал людей очень хорошо, причем запоминал их особенности и склонности.

— Ведь человек только тогда горит на работе, когда работа ему по душе,— заметил он.— Поэтому важно расставить людей правильно.

И действительно, в ту пору Яков Михайлович, как никто другой в руководстве партии, знал и помнил каждого товарища в отдельности еще с подпольной работы. Знал он и новое пополнение, влившееся в партию после взятия власти.

У Якова Михайловича в партийном аппарате были всего три помощника, но три замечательных помощника: Елена Дмитриевна Стасова, Клавдия Тимофеевна Новгородцева и... знаменитая записная книжка!

Ах, что это была за волшебная книжечка! Заглянув в нее, Свердлов мог тотчас же сказать про любого товарища, где он в данный момент работает, что собой представляет, на что гожд, на какую работу его направить с наибольшей пользой для дела и для него самого. Более того, Свердлов имел о товарищах совершенно конкретное представление; они запечатлевались в его памяти так образно, что он мог рассказать даже про ближайшее окружение каждого работника. Это звучит неправдоподобно, но это так.

Однажды Яков Михайлович решил «отдать одного очень дельного работника» в распоряжение Моссовета. Но, заглянув в свою книжечку, всю испещренную ему одному понятными иероглифами, он тут же заметил:

— Да, работник он подходящий, я бы охотно вам его направил, но его нельзя оставить в Москве, он тут будет тяготиться. Его невеста живет в городе N, и из-за больной матери она не может переехать в Москву. Придется его послать на работу туда...

Была, понятно, огромная разница между организацией подпольной партийной работы в царской России и строительством Советов в государственном масштабе. Не все из старых партийных работников, даже крупных, могли сразу приспособиться к новым условиям, но Яков Михайлович на государственном посту чувствовал себя в своей стихии, как рыба в воде. Все он делал быстро, легко, просто, без всяких формальностей и все успевал.

А ведь работа велась огромная — перестраивался весь аппарат государственного управления — от ВЦИКа до во-

лостного Совета. И все это легло на плечи Свердлова и его товарищей.

И здесь помощников у него было совсем мало: два секретаря ВЦИКа — Авель Сапронович Енукидзе и Варлам Александрович Аванесов, член президиума Глафира Ивановна Теодорович-Окулова да технический секретарь Цырина. Помимо этого Свердлов нес колоссальную нагрузку. Он был одновременно и председателем ВЦИКа и секретарем Центрального Комитета партии и, кроме того, выполнял еще много других обязанностей. Так, например, он уделял большое внимание организации политического просвещения Красной Армии. По его инициативе были организованы курсы агитаторов и инструкторов, преобразованные впоследствии после его кончины в Коммунистический университет имени Свердлова. И само собой разумеется, он возглавлял комиссию по выработке первой Конституции РСФСР, инициатором и вдохновителем которой был Владимир Ильич Ленин. В связи с этим произошел очень характерный для Свердлова эпизод.

Накануне созыва V Всероссийского съезда Советов, который должен был утвердить конституцию, Яков Михайлович вызвал к себе редактора «Известий» Стеклова, дал ему проект конституции, все дополнения и поправки, принятые комиссией, и велел все это срочно включить и окончательно отредактировать к следующему дню. Стеклов схватился за голову и указал, что осталось слишком мало времени для такой большой работы. Но Свердлов ему возразил: «Как — мало времени? У вас еще целых 24 часа!» Он дал ему еще одного товарища в помощь, запер в одном из номеров «Метрополя», снабдив их кофе и хлебом, и сказал, что не выпустит их из комнаты, пока вся работа не будет проделана и проект конституции готов.

Невольно приходит на ум другое: Наполеон, как известно, поручил составить конституцию Сийесу. И когда тот долго тянул, вызвал его к себе для объяснений. Сийес в свое оправдание сказал, что составление конституции дело очень сложное: «Ведь надо, чтобы в конституции все было изложено очень подробно и ясно». На что Наполеон ответил: «Надо сделать как раз наоборот: чтобы все в ней было очень коротко и неясно». Совсем иное было с проектом Советской Конституции. Она составлялась очень внимательно и тщательно. В комиссии было очень много споров, дискуссий. Ведь в комиссию ВЦИКа входили тогда и представители других партий: левых эсеров, эсеров-

максималистов и т. п., которые не хотели, чтобы Конституция отражала достигнутое Октябрьской революцией.

Свердлов отстаивал партийную точку зрения и указания лично Ленина. Наконец проект был передан в специальную комиссию, созданную при ЦК партии. Таким образом, была проделана большая тщательная предварительная подготовка, чтобы наконец Конституция смогла стать ленинской Конституцией.

Но приведенный эпизод характерен для Свердлова в том смысле, что он любил, чтобы работали слаженно, хорошо и, главное, быстро.

Во время одной из бесед мы спросили Свердлова:

— Как это у вас все получается? Можно подумать, что вас с детства готовили для управления государственной машиной.

Он ответил, что любое дело, которое ему предстоит осуществить, у него немедленно связывается с конкретными людьми, которые будут этим делом непосредственно заниматься. Потому что только определенные люди могут выполнить намеченное, иначе все останется на бумаге. А так как вера его в людей была безгранична, то он был оптимистом и в делах. Но Яков Михайлович подчеркнул, что не верит в людей слепо, а видит и их недостатки.

— Ведь и на солнце есть пятна. Люди, даже лучшие из них — большевики — пока сделаны из старого материала, выросли в «старом свинстве». Только будущие поколения будут без этих родимых пятен капитализма. Важно, — добавил Свердлов, — тянуть человека за его хорошее звено, играть на его лучших струнах.

И он умел это делать превосходно. Яков Михайлович передвигал огромное количество людей. И расставлял их мастерски. В массе он всегда различал отдельного индивидуума. Он был прирожденным диалектиком и великую тайну категории общего и единичного, массового и индивидуального постиг в совершенстве. Председатель ВЦИКа был настоящим философом-диалектиком на практике, диалектиком по самой своей сущности, по складу ума и способу мышления.

Хотя Якова Михайловича все воспринимали не как теоретика, а как практика-организатора, но он был теоретически образованным марксистом. Он с увлечением изучал философию. Его любимыми философами были Спиноза

■ Фейербах. Он сожалел, что у него не было возможности глубже и больше их штудировать.

Вынужденный рано зарабатывать на жизнь, Свердлов не мог получить и среднее образование. А затем пошла жизнь профессионального революционера: тюрьмы, ссылки... Но даже тюрьму Свердлов сумел превратить в университет для себя и товарищей.

Один из ехавших с нами всю дорогу был тих и печален, часто вздыхал. Яков Михайлович, очевидно, знал причину его угнетенности и заговорил вдруг о радости жизни, о том, что в самую отчаянную минуту всегда утешал себя самого: «А ведь могло быть еще хуже». Эта мысль, рассказывал Свердлов, не покидала его, даже когда он тонул, переправляясь через реку во время бегства из нарымской ссылки. Под натиском бушующих волн его лодка-«душегубка» перевернулась, и он оказался по макушку в ледяной воде. От верной гибели Якова Михайловича чудом спасли местные рыбаки.

— Жизнь полна неожиданностей,— продолжал он.— В самые счастливые минуты нас иногда поджидает непредвиденная беда, и наоборот, в тяжелую минуту вдруг находится выход. Надо только твердо и неизменно верить в людей, в жизнь... и самому не теряться.

В связи с этим он вспомнил два побега из Сибири. Удачный побег мог кончиться плачевно, а неудачный кончился общим смехом товарищей по ссылке и самой полиции.

Находчивая хозяйка¹, у которой Свердлов скрывался в ожидании парохода, завидев полицию, спрятала Свердлова под матрац, а сама легла на матрац, укрывшись периной, и притворилась больной.

— Но, избежав ареста,— рассказывал Свердлов,— я чуть не задохнулся под таким тройным прессом: матрац, хозяйка, перина... И был момент, когда я даже колебался:

¹ Это была, как я узнала впоследствии, замечательная большевичка Дилевская, расстрелянная Колчаком. Нельзя читать без содрогания страшные строки воспоминаний ее мужа, случайно уцелевшего. Колчаковцы расстреливали обоих вместе с другими коммунистами у края свежевырытой могилы. Они упали в яму раненые. Но она была смертельно ранена, а он легко. И она успела в последнюю минуту перед смертью шепнуть мужу, чтобы он бежал во имя спасения и воспитания маленькой дочурки, которая была оставлена на руках у престарелой бабушки. Он перешагнул через нее, выкарабкался и темной ночью бежал.

а может, лучше отдаться в руки полиции живым, чем укрыться от нее под матрацем, но быть задушенным намертво?

В другой раз, когда он с большим риском для жизни бежал из ссылки и наконец забрался на пароход, где устроился в каюте первого класса, его в пути все же обнаружила полиция.

Со смехом Яков Михайлович вспоминал, что несколько тогда не растерялся. Прикидываясь спящим пассажиром, он протер глаза и очень вежливо поблагодарил полицейских, которые его разбудили. «Чуть не проспал нужную пристань, как раз сюда ехал». Он так ошарашил полицейских своей выходкой, что те даже не наказали его за этот побег. Правда, он не успел далеко отплыть.

Действительно, Яков Михайлович был очень находчивым. Так, например, очень затруднительным для него оказался однажды переезд из Перми в Екатеринбург, куда его направила партия для усиления подпольной работы. На вокзале дежурил жандарм, которому была вручена фотокарточка Свердлова и описание его примет. Как устранить жандарма на время отправки екатеринбургского поезда? По предложению Свердлова одного товарища одели в дорожную шубу с бобриковым воротником и пышную меховую шапку. Он, как «заправский барин», подошел к жандарму, протянул ему небрежно крупную ассигнацию и приказал взять билет, а сдачу оставить себе. Тот, расшаркиваясь, услужливо бросился в билетную кассу, оставив свой пост. А Свердлов тем временем успел пройти на перрон и проскользнуть в вагон.

Полиция неустанно охотилась за Яковым Михайловичем, но он был неутомимым беглецом.

Один из товарищей, сидевший с ним в тюрьме, рассказывал, что, едва оказавшись в заключении, он уже на другой день начинал строить планы побега. Для этого он придумал специальную игру «в слона». В камере устраивали нечто вроде пирамиды: один становился на плечи другого, прикидывая примерную высоту наружной стены, которая окружала тюрьму, чтобы во время прогулки можно было таким образом перепрыгнуть эту стену. Да, Свердлов и неволя — это несовместимые, взаимоисключающие понятия.

Побеги Свердлова были притчей во языцех. Полиция Российской империи буквально не знала покоя, всю ее ставили на ноги для его поимки.

Но Яков Михайлович со своей стороны делал все, чтобы направлять полицию по ложному следу. Так, готовясь к очередному побегу, он нарочно распространял заранее слух, будто собирается бежать в такой-то город, находящийся в противоположном намеченному им направлении.

Совсем недавно научный сотрудник Государственного архива Латвии О. Волкова обнаружила распоряжение департамента полиции «принять соответствующие меры в случае обнаружения бежавшего из Нарымского края Якова Михайловича Свердлова, при этом прилагается его фото». А Свердлов и не думал бежать в Латвию. Это он нарочно распространил такой слух, чтобы водить полицию за нос. И совсем не случайно ленинградская поэтесса Елизавета Полонская посвятила свою поэму о беглеце — легендарному Я. М. Свердлову. Там есть такие строки:

У власти тысяча верных слуг,
Но больше друзей у беглеца
Ветер за ним
Закрывает дверь,
Вьюга за ним
Заметает след.
Эхо ему
Говорит, где враг,
Дерзость даст ему легкий шаг.

А в городе шепот, за вестью весть,
Убежище верное в городе есть...
Шныряет разведчик, патруль стоит,
Но тот, кому надо скрываться, скрыт.

Затем, что из дома в соседний дом,
Из сердца в сердце мы молча ведем
Веселого дружества тайную сеть.
Ее не нащупать и не подсмотреть!

И все же, несмотря на пережитое, Яков Михайлович оставался всегда бодрым, веселым.

И в первые трудные годы Советской власти, когда Свердлов взвалил на свои плечи огромную тяжесть и беспокойную ответственность, он тоже не терял своей жизнерадостности. В ушах по сей день звучат его слова, которые он часто повторял в вагоне: «Хорошо жить!» Впоследствии, когда мне приходилось слышать, как Маяковский читал с трибуны «И жизнь хороша, и жить хорошо», мне всегда чудился голос Свердлова. Его бодрость и молодость

духа, его жизнерадостность были просто юношескими. Он любил молодежь и относился к ней по-товарищески.

Комсомольцы тех лет не раз ходили к Свердлову со своими нуждами, думами, сомнениями... И он всегда шел им навстречу. Якова Михайловича иногда даже упрекали, что он чересчур доверчиво, смело и, пожалуй, рискованно поручает «безусым юнцам» — парням, у которых еще молоко не обсохло на губах, ответственные и сложные задания. Но Свердлов такие разговоры всегда парировал: «Нельзя научиться плавать, не бросившись в воду».

Очень трогательно относился Свердлов к детям и всегда находил с ними общий язык. В связи с этим не могу без улыбки вспомнить такой случай. Вместе с другими я была приглашена к Свердловым домой после праздничной демонстрации 1 мая 1918 года. Я приехала с большим опозданием и никого из приглашенных уже не застала. А Яков Михайлович уединился уже у себя в кабинете и вел деловые разговоры с приехавшими из провинции товарищами. Мы с Клавдией Тимофеевной решили покататься по Кремлю на велосипедах. (Я приехала к ним на велосипеде.) Клавдия Тимофеевна вынесла свой велосипед, и мы стали кружить возле Спаса на Бору. Вдруг я почувствовала такое торможение, что дальше двинуться не могла. Я было предположила, что трава мешает. Она густо прорастала тогда между камней на кремлевских площадях... Но, оглянувшись, я увидела, что маленький сынишка Свердлова Адька догнал меня, ухватился обеими руками за седло и раму. Отделаться от него не удалось, и мы вернулись домой. Я потом пожаловалась Якову Михайловичу на сынишку. Но он ответил:

— Ну, если мальчишка Андрей сумел пешком вас догнать и удержать велосипед, значит, он растет настоящим молодцом. Одобрю!

Свердлов часто любил повторять: ребятишки — хороший народ! И тогда в пути, сидя в вагоне, Яков Михайлович вдруг начал с юношеским задором рассказывать сказки, читать по памяти стихи. А знал он их несчетное количество. Мы очень удивились. Свердлов признался, что питает большую слабость к поэзии. Когда было свободное время — в тюрьме, в ссылке, — охотно читал поэтов, особенно любимых: Гейне и Беранже. И тут же стал читать наизусть строки из поэмы «Атта Троль» Гейне, где старый медведь в беседе с сыном высмеивает собственнические инстинкты людей:

Собственности не творила
Бескарманная природа:
Без карманов в наших шубах
Мы являемся на свет.

Только человек бесшерстный,
Что сумел чужою шерстью
Прикрывать себя, сумел
И карман себе устроить.

Затем Свердлов стал читать по памяти «Конька-Скакунка» Басова-Верхоянцева:

Говорит Иван тут: «Браты!
Уж поделим и палаты;
Чай, ведь строили дворцы
Не дворяне, не купцы...»

Яков Михайлович также очень хвалил сказку-памфлет «Конек-Горбунок» Ершова. Выразил сожаление, что мало кто пишет теперь в этом жанре. Между тем, продолжал он, это очень доходчивая форма, с помощью которой можно хорошо воздействовать на массы и молодежь в революционном духе.

От шуток и непринужденной беседы, как это часто бывает в дороге, перешли к политике. Заговорили о Февральской и Октябрьской революциях. Свердлов рассказал, что в далекой ссылке, ни от кого не получая вестей, отрезанный от всего мира, он узнал о свершившейся Февральской революции только после того, как ему сообщили об освобождении. Чтобы не оказаться застигнутым весенним половодьем и выбраться поскорей из Сибири, он проделал на лодках, санях и пешком две тысячи верст, пока наконец добрался до Красноярска. Только там, в центре Сибири, он узнал подробности Февральской революции.

Тогда же, в Красноярске, еще до возвращения Ленина в Россию и, следовательно, до опубликования Апрельских тезисов, Свердлов заявил местным партийным товарищам, что на свержении монархии революция не может и не должна остановиться. Он уже тогда, к удивлению местных большевиков, доказывал, что за Февральской революцией должна обязательно последовать вторая революция, пролетарская, когда все лозунги и требования трудящихся масс будут воплощены в жизнь. И естественно, он был против сотрудничества и блоков с меньшевиками.

Находясь на огромном расстоянии от революционных

центров, Свердлов занял ясную большевистскую позицию, обнаружил огромную революционную интуицию, зоркость и дальновидность крупного политического деятеля. Поэтому не было ничего удивительного в том, что на Апрельской конференции он сыграл выдающуюся роль, горячо отстаивая линию и тезисы Ленина.

И Ленин сразу, почувствовав искреннюю поддержку Свердлова, сблизился с ним. При разговоре на эту тему Свердлов заметил:

— Понять и извинить можно было провинциальных товарищей, оторванных от центра, дезориентированных, но я был весьма удивлен, когда в Питере узнал, что Сталин и Каменев проводят линию на поддержку Временного правительства «при некоторых условиях».

Затем заговорили об Учредительном собрании и захвате власти. Очень ярко сохранился у меня в памяти рассказ Якова Михайловича, который он сопровождал милой, лукавой улыбкой и выразительной мимикой.

— Это был,— начал он,— самый короткий в человеческой истории парламент, и в то же время весьма шумный... На заседании большевистской фракции ВЦИКа, предшествовавшей Учредительному собранию, где мы обсуждали нашу тактику, было решено, что Учредительное собрание откроет председатель ВЦИКа (то есть я) от имени этого высшего органа. Наше заседание затягивалось... Меньшевики и эсеры нервничали — им не терпелось. Они решили самочинно открыть собрание «учредилки», поручив это «старейшему по уставу». Таким оказался бывший народо-волец и земский деятель, эсер Швецов. Но едва только Швецов вскарабкался на трибуну, как депутаты-большевики, появившиеся в эту минуту в зале, подняли невообразимый шум, не выражая ни малейшего уважения к «высокому собранию». Очень здорово им в этом помогали рабочие и матросы, сидевшие в качестве гостей на хорах. Швецов безрезультатно звонил и пытался что-то лепетать, с мольбой в голосе обращаясь к присутствующим. Но его слабенький голос тонул во всеобщем крике. Он совсем растерялся.

Опоздав к началу «представления», — продолжал Свердлов, — я застал эту картину. Недолго думая, я с ходу вскочил на трибуну, стал позади Швецова и выхватил из его дрожащей руки председательский звонок. Резко зазвонил и на свойственных мне басовых нотах призвал собрание к тишине и порядку... Швецов опешил... Он так и за-

стыл с рукой, повисшей в воздухе, и раскрытым от удивления ртом. Аванесов и другие товарищи, стоявшие рядом, стали потихоньку оттеснять его. Наконец он сполз с трибуны. В зале сразу воцарилась тишина и порядок. Во время этой сцены многие от неожиданности вообще потеряли дар речи, и мне удалось тут же огласить Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа от имени нашей фракции большевиков.

Да, председателем на различного рода собраниях, съездах Свердлов был непревзойденным. Самые важные и притом самые «шумные» съезды тех лет, имевшие огромное историческое значение, Яков Михайлович вел с великим мастерством и всегда добивался нужных результатов.

А ведь в те годы на самих съездах приходилось унимать визг и крики меньшевиков и эсеров, которые часто пытались сорвать работу.

С особым негодованием и, я бы сказала, с презрением относился Свердлов к эсерам за их авантюризм и истеричность.

— Эти «герои» на поверку оказались самыми настоящими паникерами и трусами, — сказал он.

В вагоне тогда кто-то напомнил, как в опасную для страны минуту, во время предательского эсеровского мятежа, Свердлов в разговоре с Лениным бросил скороговоркой, в несколько шутливой форме, свою знаменитую фразу: «Ну и что ж, придется от Совнаркома снова перейти к Ревкому. Вот и все...» Фраза короткая, но она оказалась очень емкой. В ней заключалась целая программа действий, которые эсеры очень скоро испытали на себе.

...4 июля. Идет V Всероссийский съезд Советов. Якову Михайловичу не впервые приходилось председательствовать на столь бурном собрании. С первых минут работы съезда началась демонстрация, обструкция левых эсеров. С мест несутся свист, крики с требованием отменить Брестский мир, возобновить военные действия против Германии. Свердлов вносит на рассмотрение съезда резолюции: решать вопросы о войне и мире может только Всероссийский съезд Советов и установленные им органы центральной Советской власти — Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров.

Левые эсеры в бешенстве. Они демонстративно покидают зал. Резолюция ставится на голосование и принимается единогласно.

А через день началась левоэсеровская авантюра. Левые эсеры, пытаясь спровоцировать Германию на войну с Советской Россией, убили германского посла графа Мирбаха. Мятежники захватили телеграф. Арестовали Дзержинского, Смидовича. В это время ничего не подозревавшие делегаты съезда заполнили зал. Однако заседание не открывается. Свердлов предлагает провести совещание по фракциям. Когда члены фракции левых эсеров собираются отдельно, входят красноармейцы и арестовывают их. Все делается быстро, без суеты. Молниеносно убраны эсеровские часовые, вокруг Большого театра сомкнулось железное кольцо... Через несколько часов был захвачен эсеровский штаб, мятеж подавлен.

Интересно при этом отметить, что Свердлов, который не терялся в самой сложной ситуации, умел прибегать к весьма крутым мерам, проявлять необыкновенную твердость характера, когда этого требовала политическая обстановка, был в то же время необычайно мягок, демократичен, скромнен и очень не любил выпячивать свою личность.

Занимая ответственные посты, он считал обязательным для себя советоваться с товарищами, с рядовыми партийцами и беспартийными рабочими и крестьянами. Вот только один, но очень характерный факт. Яков Михайлович написал нижегородцам, что считает их решение (по какому-то конкретному вопросу) ошибочным. Из Новгорода срочно телеграфировали: если Свердлов настаивает, они отменят свое решение. Свердлов ответил: «Настаивать отмене решения губкома считаю лишним, могу лишь советовать».

Помню, в одной из наших бесед в пути заговорили мы о мятеже чехословацкого корпуса. В тот период была уже отрезана наша житница — Поволжье; голод давал себя чувствовать все сильнее. Кулацкие восстания разрастались, а Красная Армия еще только создавалась.

Кто-то из ехавших с нами товарищей высказал предположение: быть может, мы допустили ошибку, разрешив чехословацким легионерам проезд через Сибирь и Дальний Восток. А там они сомкнулись с нашими внутренними и внешними врагами?

Яков Михайлович с минуту подумав сказал:

— Это, конечно, неверно. Наши внутренние и внешние враги сплюхались с чехословацкими офицерами и генералами еще раньше. Ведь в руководство чехословацкого

корпуса пробралось много русских белогвардейцев. А за ними стоит вся наша многочисленная нечисть, которую мы согнали с насиженных мест, ну, а в борьбе против нас все средства хороши. Не только заговоры, убийства, блокада, но и поход империалистов. Известно, что за спиной чехословацкого корпуса стоит Антанта. А он был ее ударный кулак. Официальные требования этого корпуса были только для виду. Это маскировка. Чехословацкий мятеж, вражеские десанты — не первый и не последний фронт. Мы еще будем иметь вокруг себя железный кордон из внутренних и внешних врагов. Это будет еще более широкий фронт против нас.

Признаюсь, такое его пророчество тогда никому из нас не пришлось по душе. Но поразительно, как далеко видел Свердлов. Ведь многое из тайных договоров представителей агрессивных держав, их коварные планы стали известны Советскому правительству лишь позднее. Яков Михайлович не мог еще знать их в тот период. Однако действительность доказала, что Свердлов правильно предугадал дальнейший ход событий и логику их развития.

И все же эту беседу на военную тему Яков Михайлович с большой уверенностью и твердостью в голосе закончил обнадеживающей фразой: «А все-таки победа будет за нами».

Потом заговорили о «маленьких недостатках нашего механизма», о работе советских учреждений (как тогда это именовали в газетах). Яков Михайлович был убежден, что все это объясняется тяжелыми объективными условиями времени, саботажем прежних чиновников, отсутствием опыта у наших людей. Он был глубоко уверен и доказывал нам, что, как только окончится гражданская война и иностранная интервенция, огромные массы рабочих примут участие в управлении государством, весь характер власти изменится, будет иным. Он подчеркивал также преимущество нашей организации власти: объединение законодательной и исполнительной власти в одном органе, когда они не отделены, как в западных странах, глухой стеной. Поэтому все проблемы можно решать и тут же быстро проводить их в жизнь. Как известно, такую же точку зрения он отстаивал в споре с юристами, возглавляя комиссию по выработке первой конституции Советского государства.

Благодушное пастроение Якова Михайловича в начале пути постепенно затем сменилось деловым.

На некоторых станциях к нему являлись представители местной власти, которых он, очевидно, сам вызвал еще накануне выезда из Москвы.

Когда наш поезд остановился на станции Белгород, Яков Михайлович беседовал с членами местного ревкома. Они ходатайствовали о выделении Белгорода с окрестностями в самостоятельный центр ввиду его географических особенностей, «которыми он резко отличался от Курска» (в чью губернию входит). Свердлов внимательно их выслушал, взял все материалы, чтобы изучить вопрос и устроить с ними заключительное совещание на обратном пути.

Помню, нам, присутствовавшим тогда при этом разговоре, казалось, что «особые географические свойства» в виде меловых отложений в районе Белгорода — не такая уж веская причина для выделения его в самостоятельный центр. Но Яков Михайлович отнесся очень серьезно к их предложению.

После ухода белгородцев мы все дружно расхохотались, однако по другой причине. Дело в том, что делегацию членов белгородского ревкома, одетых по тому времени, как все, в потертые ватники, с помятыми кепками на головах, возглавляла довольно странная фигура, точно из другого мира. Это был еще не старый человек, по виду смахивавший на предводителя дворянства. Широкополая черная фетровая шляпа, добротное демисезонное пальто, трость с набалдашником из слоновой кости, напмаженные волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор... И фамилия его была Меравиль де Сен-Клер. Уж очень странно он выглядел среди большевиков периода военного коммунизма. Но Яков Михайлович тут же оборвал наш смех, сказав, что у товарища большие революционные заслуги, что он принимал активное участие в Октябрьском перевороте. Яков Михайлович знал все про всех.

Свое обещание вновь встретиться с белгородцами Яков Михайлович выполнил в точности. На обратном пути в Москву они были вызваны к 12 часам ночи.

Совещаний и деловых разговоров в пути было у Свердлова много. Бывало и так, что не только представители местной власти, вызванные заранее, но рабочие, крестьяне, узнав случайно от железнодорожного начальства о предстоящей остановке поезда Якова Михайловича,

приходили на станцию: кто приветствовать, кто поговорить о своих нуждах «с центральной властью».

Поездка в Харьков была продолжительной, а с питанием в поезде дело обстояло более чем скромно. Не только горячей пищи не было в пути, но даже хлеба не хватало. Здесь тоже проявилась характерная черта Якова Михайловича: его скромность и нетребовательность. Жена коменданта поезда Петерсона, маленькая, изящная, голубоглазая, в светлых кудряшках полька, пекла какие-то лепешки из крупы. Яков Михайлович был очень признателен и за это. Говорил он с нею с большим почтением, величая ее «пани Конопко», и на все лады расхваливал лепешки. В это время зашел к нам в вагон товарищ Я. А. Берзин (на одной из станций его вагон прицепили к нашему поезду). Узнав, что мы сидим на голодном пайке, он сказал, что у него в вагоне оборудована кухня и есть настоящий горячий обед. Мы уговорили Якова Михайловича пойти к Берзину поесть супу. Он согласился.

Когда на станции Курск Яков Михайлович переходил из одного вагона в другой, крестьяне, находившиеся случайно на перроне, узнали председателя ВЦИКа. Они подошли, приветливо поздоровались с ним и просили заступиться за них перед местной властью, которая «обложила» их непосильной продразверсткой.

Враждебная нам зарубежная пресса лживо писала тогда, что Якова Михайловича якобы убили в пути крестьяне. Мне кажется, что именно во время этой беседы он простудился. Переходя из вагона в вагон, он не надел, как следует, а лишь накинул на плечи свое знаменитое «подбитое ветром» демисезонное пальто, между тем стояли еще морозы, было ветрено, на перроне Свердлов задержался: причем крестьяне, быстро изложив свою просьбу, намеревались уходить, однако Яков Михайлович сам удерживал их. Он стал выспрашивать их о жите-быте. На следующее утро я заметила, что Свердлов посапывает.

— Чувствую, вы простудились вчера, — сказала я ему.

Но он со свойственным ему юмором тут же отпарировал:

— Скажите, пожалуйста, какая чувствительная особа — простужен я, а чувствует она...

Когда поезд прибыл в Харьков, к нам в вагон вошли

Н. И. Подвойский и председатель Совнаркома Украины Х. Г. Раковский, которые пришли встречать председателя ВЦИКа. Донеслись звуки оркестра. На лице Якова Михайловича появилось недовольство, когда он узнал, что это его встречают с оркестром и почетным караулом. Он стал их отчитывать и заявил, что такие почести ни к чему. Нельзя без улыбки вспоминать, как Свердлов, шагая по перрону и отдавая честь почетному караулу, потихоньку продолжал журить под красноармейские возгласы «ура» шедших с ним рядом украинских руководителей:

— Ну к чему такая pompa? К чему она? К чему?

Затем я видела Якова Михайловича уже на III съезде КП(б)У, происходившем в одном из харьковских театров. Он произнес речь-приветствие от ЦК РКП(б). Свердлов мало находился в президиуме, куда был избран. То он уходил в укромный уголок обрабатывать упрямого «уклони́ста», то спускался в партер и беседовал с делегатами, то устраивался у суфлерской будки и что-то писал.

Съезд проходил шумно, даже бурно. Из-за разногласий страсти разгорались до предела. Общая атмосфера на съезде была крайне напряженной. Если бы не присутствие Якова Михайловича, чей решительный голос в критические моменты единственно заставлял униматься товарищей, то трудно было бы довести съезд до конца.

Только своим личным авторитетом и авторитетом секретаря Центрального Комитета РКП(б) Яков Михайлович мог в такой сложной обстановке найти равнодействующую и предлагать приемлемые решения.

Непрестанно перегруппировывая, как на шахматной доске, «левых» и «правых», перемежая «правых» с «левыми», он помогал составить ЦК. Кто, кроме него, так умел создавать единство из противоположностей! Понятно, это единство не было механическим. Конечно, делал он это, всегда соблюдая принципиальную линию партии, с огромным тактом, без личных счетов и с пользою для общего дела. На этот раз самым сложным делом для Якова Михайловича было помочь украинским товарищам сконструировать новый Центральный Комитет, который не разъедали бы внутренние споры, который был бы вполне работоспособным.

Помню: Яков Михайлович сидит на ступеньках маленькой винтовой лестницы, которая ведет от суфлер-

ской будки в подполье сцены — откуда, между прочим, отчаянно дуло, — и на листочке бумаги набрасывает различные варианты состава нового ЦК, помогая местным руководителям решать сложнейшую задачу. Затем он принял деятельное участие в работе съезда Советов Украины. И здесь, как на партийных съездах и конференциях, Свердлов умел добиваться дисциплины, единства, спаянности при проведении важных решений. За это его особенно ценил Ленин.

Ленин и Свердлов... Они были единомышленниками, соратниками по прошлой революционной работе, но как-то особенно слаженно и тесно сотрудничали в советское время. Владимир Ильич высоко ценил «человека из Туруханской ссылки». И недаром он называл его «главнейшим организатором».

Яков Михайлович всегда преклонялся перед гением Ленина. С первых шагов революции и до последнего дыхания он был верным ленинцем. Но он был не только одним из самых верных учеников и последователей Ленина, а еще как-то по-особому чувствовал и угадывал замыслы Ленина. Свою задачу Свердлов всегда видел в том, чтобы как можно быстрее осуществить то, что намечено вождем революции. То, что Ленин еще только намечал пунктиром, Свердлов на завтра же подносил в макете — образно, выпукло и показывал, как это будет выглядеть в деталях, опосредствованное через живое дело, через живых людей. Это было какое-то особое, только Свердлову свойственное понимание Ленина.

Как часто Владимир Ильич говорил товарищам, обращавшимся к нему по разным поводам: «А вы об этом Свердлову сообщили? А Свердлов об этом знает? А что он сказал?»

Яков Михайлович всячески стремился оберегать Ленина от лишней нагрузки, освобождать от мелочной работы, экономя и сохраняя его силы для важного и великого. Особенно Ленин ценил Свердлова за исключительное умение организовать дружную, слаженную, полезную работу. Это о нем Ленин сказал:

«Всем, кому приходилось, как приходилось мне, работать изо дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно было, что только исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордились с полным правом. Он обеспечивал нам полностью возможность дружной, целе-

сообразной, действительно организованной работы, такой работы, которая бы была достойна организованных пролетарских масс и отвечала потребностям пролетарской революции...»

Когда мы возвращались в Москву, в газетах уже появились сообщения о создании Коммунистического Интернационала и отчет о его первом конгрессе.

Читая эти сообщения, Яков Михайлович весь просиял. Он только выразил сожаление, что еще два года тому назад не принялись за создание Третьего Интернационала. Вспомнил Свердлов и то, что Владимир Ильич еще в 1917 году предложил товарищам приступить к созданию нового Интернационала, обронив свое любимое выражение: «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». Но некоторые товарищи оспаривали своевременность этого.

— Зря, зря слушал их Владимир Ильич. Давно пора, — сказал в заключение Свердлов.

На обратном пути в Москву Яков Михайлович все время напряженно работал. Телеграммами были вызваны к нему в вагон представители партийных и советских организаций Курска, Орла, Белгорода, Тулы, Серпухова.

Белгородцы приглашались к двенадцати часам ночи, курским работникам отводилось время в пять часов утра. Всю ночь в пути — уже больным — работал Свердлов. Теперь о его проезде знали уже многие. И местные работники, и просто друзья, которые не успели побеседовать с Яковым Михайловичем по дороге в Харьков, торопились не прозевать его на обратном пути.

Якову Михайловичу пришлось даже помитинговать. Это произошло в Орле. Когда поезд подошел к перрону, недалеко от станции происходило собрание железнодорожных рабочих. Товарищ Б. М. Волин, который был тогда председателем Орловского губисполкома, пришел к Свердлову просить его выступить на митинге. Все мы отговаривали Якова Михайловича — у него был очень утомленный вид. Он нас послушал, отказался — видно, недомогание уже давало себя знать, и предложил выступить другому товарищу. Но пришла делегация от

самых рабочих и заявила, что железнодорожники хотят слушать только Свердлова. Он вдруг поднялся и заявил, что пойдет сам. Было это сказано по-свердловски — так твердо и решительно, что мы не стали спорить. Он был восторженно встречен рабочими, поделился с ними своими радостными думами о создании Третьего Коммунистического Интернационала. Вернулся Яков Михайлович совершенно охрипшим...

И вот мы в Москве. Якова Михайловича пришла встречать жена — Клавдия Тимофеевна Новгородцева, дети Андрей и Вера, брат Вениамин Михайлович Свердлов, товарищи по работе.

Яков Михайлович бодрился. Он сразу же окунулся в свою обычную работу. Дел у него за время отсутствия накопилось горы, а впереди VIII съезд партии. Меж тем температура непрерывно лезла вверх. Испанка — тогдашняя тяжелая форма гриппа — дала осложнение: воспаление легких. Организм Якова Михайловича был слишком истощен и подорван. В его сжигаемой высокой температурой мозгу еще роились мысли, заботы о предстоящем VIII съезде партии, слабеющая рука тянулась к телефону, а холодеющие губы шептали:

— На съезд, на съезд...

И вдруг у изголовья постели — Ленин. Он ласково гладит его свисающую руку. Лицо Свердлова озаряется на миг последней улыбкой: он узнал Ленина...

Второй Дом Советов. Стены зала и люстры задрапированы черным крепом. На трибуне бледный Владимир Ильич.

«Никто не поверил бы, — говорит он, — что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии и Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор, который завоевал себе абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей Советской власти в России и единственный, по своим знаниям, организатор работы партии, которая создавала эти Советы и практически осуществляла Советскую власть...»

И в этой же прощальной речи Ленин напомнил о том, что теперь, после кончины Свердлова, придется перестроить всю работу: «Та работа, которую он делал один

в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям,—эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек».

После похорон Свердлова по просьбе Надежды Константиновны я пришла рассказать Ленину о последних днях Свердлова, проведенных в поездке. Ленин с волнением выслушал мой рассказ и со вздохом, не глядя ни на кого, проговорил:

— У меня такое ощущение, будто я лишился правой руки...

Инесса
Федоровна
Арманд

Я знала Инессу Федоровну Арманд со времен ее возвращения из эмиграции в 1917 году. Всем — своей красотой, одухотворенностью, сосредоточенностью и серьезностью — Инесса очень импонировала нам, тогда молодым.

Особенно привлекала наше внимание ее необыкновенная, яркая жизнь. Но, всегда несколько замкнутая и слишком скромная, она не любила рассказывать о своем прошлом. В ту пору еще не были написаны воспоминания Крупской о ней, еще не были опубликованы письма Ленина к Арманд. Только узкий круг партийцев знал ее по подпольной работе в России и о той помощи в работе, которую она оказывала Ленину в годы эмиграции.

Поближе я узнала Инессу Федоровну в период совместной деятельности в отделе работниц Центрального Комитета партии. Много о ней я узнала также от Надежды Константиновны, которую я расспрашивала еще при жизни Инессы, а еще больше после ее трагической кончины, когда Крупская предложила мне написать воспоминания о работе с Арманд.

Впервые я увидела Инессу Федоровну Арманд на партийной конференции в 1917 году в Москве, где она защищала Апрельские тезисы Ленина.

Помню, как прекрасен был весь ее облик! Тонкие, правильные, словно точеные черты; великолепно очерченный, сомкнутый рот; большие с зеленоватым отливом, очень выразительные и какие-то магнетизирующие глаза; пристальный и умный взгляд; светлые, пышные длинные во-

лосы, зачесанные на косой пробор и собранные сзади. Стройная, выше среднего роста, она держалась очень прямо. Какая-то собранность, подтянутость, законченность была во всей ее фигуре. Весь ее облик — необычный, отмеченный, казалось, самой природой, производил неотразимое впечатление.

А ее выступление на Московской конференции — как много оно значило! Это были решающие дни для нашей революции. Быть ли России буржуазной или пролетарской — так ставил вопрос Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах; буржуазную революцию необходимо превратить в социалистическую.

Не все сразу поняли всемирно-историческое значение этих тезисов Ленина.

Для многих то, что утверждал Ленин, было еще мало-понятной алгебраической формулой. Особенно для тех товарищей, которые были оторваны от живой действительности многолетним тюремным заключением, ссылкой. Но Инесса была непоколебима. Она прошла ленинскую школу, работала под его непосредственным руководством. Не поддавалась она и влиянию товарищей, близких ей по эмиграции, которые пытались ее удержать от «скачка в неизвестное». Горячо и убежденно выступала она в защиту ленинских тезисов. Ее выступление, веские аргументы были весомой гирей на чаше весов, которая определила решение конференции.

Чем дальше я узнавала Инессу, встречаясь с ней на советской работе, тем больше я поражалась ее цельности.

Жизнь Инессы делилась на два периода, резко отличавшихся один от другого. Она прожила жизнь в двух резко противоположных плоскостях, совершила как бы скачок из мира барского в мир пролетарский. И тем не менее в ней не было и следа раздвоенности, излома. Казалось, она все прошлое, наносное сорвала с себя и сложила у порога партии, у начала революции. Революционная убежденность как будто всю ее сцементировала.

Недалеко от Москвы, по Ярославской дороге, в живописном районе Пушкино гнезился целый выводок текстильных фабрик отечественных «рыцарей первоначального накопления»: Сапожникова, Дюнина, Лижина, джутовая мануфактура и другие. Там же была расположена фабрика Арманда и имение Ельдигино, которое досталось

сыну фабриканта Александру Арманду, когда он женился на Инессе Федоровне.

Память и легенды об Инессе Арманд — смелой беглянке из барского дома, за которой охотилась затем царская полиция, долго еще жили в воображении старожилов. Легенды передавались из уст в уста новым кадрам рабочих и в период революции, когда давно уже не было ни фирмы Армандов, ни имения Ельдигино и не было в живых даже самой Инессы.

Мне пришлось во время ленинского набора в партию посетить фабрику бывшей джутовой мануфактуры. И одна из присутствовавших работниц сказала:

— Вот нас зовут идти в партию помогать строить новую жизнь. А что такое партия? Это ведь мы сами — рабочие и работницы. Когда мы идем в партию, это значит, что наиболее сознательные из нас переходят из задних рядов в передние. Вот эти первые ряды и есть партия. Партия — это наш родной дом. Мы переходим как бы из задней, темной комнаты в переднюю, светлую с большими окнами, откуда все яснее видно. Другое дело такие, как Инесса, — вот ей пришлось ради партии бросить хорошую жизнь, оставить хоромы, вытерпеть тюрьмы и ссылки. И ради кого? Ради нас, ради народа... Вот это жертва, вот это героизм, вот это подвиг!

Как-то Ленину довелось охотиться в тех местах, где находилось бывшее имение Армандов. И он в связи с этим черкнул Инессе Федоровне пару слов, где в шутливой форме заметил: «Охота раньше *была* хороша, теперь все разорили. Везде слышал Вашу фамилию: «Вот при них *был* порядок...»

Да, все было необычно в Инессе Арманд — ее биография, происхождение, прекрасная внешность, богатый духовный мир, поразительный жизненный путь и даже конец этого пути — такой преждевременный и трагичный...

Действительно, среди замечательной плеяды легендарных женщин-большевичек Инесса Арманд занимает особое место. В партии большевиков в прошлом было не так уж много женщин. И не все из тех, которые пришли в партию, оставались в ней до конца. Слишком тернист, суров и длинен был путь подполья до Октябрьской победы.

Для того чтобы бороться десятки лет под знаменем большевистской партии, где работа отдельного члена партии не всегда и не сразу видима и заметна, — надо было обладать огромным мужеством, негибимой волей к борьбе

и чувством самоотверженности. Однако только таким образом построенная партия могла выдержать тяготы и трудности подполья, слежку, аресты, ссылки, а затем подготовить успешное вооруженное восстание в Октябре, побеждать многочисленных врагов в годы иностранной интервенции и гражданской войны — и отстоять молодую Советскую республику.

И если жизнь каждого старого большевика — это героизм, эпопея, то еще более героической является жизнь женщин-большевиков, особенно женщин-матерей. Во имя партии шли они в тюрьмы и ссылки, расставаясь с детьми, с семьей...

Инесса Арманд пришла в партию, будучи уже зрелым человеком.

Дочь парижских артистов, Инесса была в детстве привезена в Россию. Она жила в семье фабрикантов Армандов, где ее тетка обучала детей французскому и музыке. Старший сын фабриканта Александр полюбил красавицу Инексу.

18 лет она вышла замуж за Александра Арманд. Будучи женой фабриканта, почетного дворянина, Инесса Федоровна занимала видное место в тогдашнем обществе, была окружена внешней блестящей жизнью, богатством, роскошью, но она задыхалась в этой обстановке.

Вообще Инесса по натуре была человеком ищущим, мятущимся... Путешествуя по Швейцарии, восторгаясь прекрасной, величавой природой, она пишет мужу, что завидует высоким горам, которые стоят так горделиво-спокойно, точно они утихомирились, нашли себя, успокоились...

У Инессы Федоровны было уже пятеро детей, когда после мучительных раздумий она покинула богатый дом, имение, порвала со своей средой и пришла в левинскую партию. Россия давно уже стала ее второй родиной, а пролетариат — классом, близким по революционному духу и целям.

Труден и длинен был, однако, путь от помещичьей усадьбы до большевистской партии. Это требовало мучительного раздумья, больших поисков. Инесса пришла в партию извилистым сложным путем: через толстовство, просветительство, борьбу с проституцией.

Все началось с душевного кризиса, который она пережила на религиозной почве. Как рассказывала Надежда Константиновна, Инесса Федоровна была в детстве вос-

питана в строго религиозном духе и позднее была верующей, всегда ревностно выполняла все церковные обряды. Совершенно неожиданно у нее поколебалась вера. Произошло это при таких обстоятельствах. Согласно религиозному обычаю беременной женщине в начальный период запрещено переступить порог церкви.

Этот, казалось бы, внешне незаметный и незначительный факт заставил, однако, Инессу о многом задуматься, многое пересмотреть в своих воззрениях и окончательно пошатнул ее веру в бога. Происшедший конфликт показал ей наглядно лживость и ханжество религии. Инессе стало ясно, что духовенство и церковь веками дурманили людей, воспевая и освящая материнство.

Общеизвестно, что церковь испокон веков тратила огромные средства на украшения храмов, чтобы влиять на паству. Церковь не только словом, проповедью взывала к чувствам верующих, но средствами живописи, архитектуры, скульптуры старалась влиять на их чувства и воображение. Основным содержанием картин, витражей, статуй, украшавших церковь, было большей частью изображение святой Марии с младенцем, то есть воспевание материнства. Церковь богато одаривала талантливых живописцев, скульпторов, которых она заставляла работать по ее заказам на религиозные темы. Гениальные художники и зодчие эпохи Возрождения не изображали мадонн страдалицами, с высохшими лицами, как на иконах средневековья. Они брали в качестве натуры простых, крепких, сотканых из плоти и крови женщин.

И вот Инесса вдруг увидела, что освящение материнства, которое так рекламировано церковью, в действительности оказалось сплошной ложью и фарисейством.

Так постепенно, шаг за шагом восстает Инесса Федоровна против ханжеств религии, затем против двойственности буржуазной морали, против фальшивых устоев буржуазной семьи, наконец, против общественного буржуазного строя в целом, где все продается: и совесть, и честь, и женское тело.

В 1903 году Инесса Федоровна очутилась в Швейцарии. В том самом памятном историческом году, когда состоялся II съезд партии.

Ленин тогда уже распознал в меньшевиках российскую разновидность международного оппортунизма. Тактика Владимира Ильича, которая тогда казалась преувели-

чешием даже некоторым большевикам, была восприимчива и понятна Инессой. Это решило всю ее дальнейшую необычную судьбу.

Усвоив марксистское мировоззрение, Армапд поняла железную закономерность исторического развития, роль партии в этой борьбе. Придя в партию Ленина в 1904 году, она до конца жизни оставалась ей верна и никогда с этого пути не сворачивала.

Порвав с буржуазной средой, с эксплуататорским классом, Инесса не знала к нему ни снисхождения, ни жалости. И этот класс платил ей тем же. Ее арестовывали, ссылали. Ей мстили за отступничество. Но она любила повторять:

Он слышит звуки одобрения
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобления.

Накопец Инесса нашла себя. Ясна цель, виден путь. Нет больше раздирающих душу сомнений. Она много и увлеченно работает, взрыхляя почву для близкой революции. А вот и сама революция, вспыхнувшая в 1905 году ярким пламенем. Но, к сожалению, ненадолго. Вскоре наступили тяжелые, хмурые будни реакции. Инесса, принимавшая активное участие в революции, попала в тюрьму.

Надо заметить, что еще до этого, когда Инесса пересматривала всю свою жизнь, воззрения, она переоценила все ценности не только общественной жизни, но и личной. Возрожденная к новой жизни, Инесса строит заново все, в том числе и свою семейную жизнь. Она расстается с мужем Александром Армандом и связывает свою судьбу, свой жизненный путь с его младшим братом Владимиром Армандом, который был революционером и идейно, по духу, ближе ей.

К чести Александра Арманда надо сказать, что он понял Инессу. И как гласит французская поговорка: понять — значит простить. Он не только простил, но и заботился об Инессе. Между ними установилась теплая товарищеская дружба. В одном из ее писем мы читаем: «Спасибо тебе за твое последнее письмо. Я была до слез тронута твоей преданной самоотверженной дружбой, которую ты высказываешь в нем... Какое наша дружба хорошее чувство! Честь и слава тебе!..»

Когда Инессу арестовали, ее прежний муж делал все, чтобы облегчить ее участь. Пользуясь своими связями, он хлопочет об ее освобождении из тюрьмы, но Инесса, прин-

ципиальная во всем, и здесь остается верна себе. Она пишет ему: «Относительно хлопот у генерал-губернатора, я не знаю, что тебе ответить: если это общий ход хлопот об освобождении на поруки, то обратиться к нему, если же это особая «милость», то не следует этого делать». И все же он добился, чтобы ее выпустили на поруки под залог. В другой раз, когда ее отправили в ссылку, он провожал ее с букетом роз.

Но она не из тех, кто сникли в ссылке. Оттуда смелая Инесса бежала.

Не согнуло ее, не сломило и большое личное несчастье, обрушившееся на нее в этот период. В Швейцарии, в той самой Швейцарии, где она нашла себя, умирает от туберкулеза горячо любимый ею человек Владимир Арманд.

Инесса была человеком цельным, страстным. Все, что она переживала, — переживала глубоко и до конца. Казалось, налетевшая буря вырвет ее с корнем, сломает.

Из опубликованного теперь ее письма к знакомым видно, как, всегда собранная и неспособная к сентиментальным излияниям, Инесса Арманд на этот раз не выдержала и призналась, что она потрясена: «Для меня его смерть — непоправимая утрата, так как с ним было связано все мое личное счастье, а без личного счастья человеку прожить очень трудно...» Любая другая женщина на ее месте, может быть, и надломилась бы окончательно, но Инесса, такая женственная на вид, обладала натурой сильной, волевой, и она нашла в себе мужество преодолеть личное несчастье, растворить печаль, куя счастье для других, работая для других.

Инесса считала, что для работы нужны, кроме воли, бодрости и энергии, еще и знания. И она переехала в Париж, чтобы «позаняться». «Хочу познакомиться с французской социалистической партией; если я сумею все это сделать, то наберу хоть немного опыта и знаний для будущей работы. Надеюсь, что смогу заниматься», — писала она знакомым.

Да, она все это смогла. Брюссель, Париж, университет. Усиленные занятия по гуманитарным наукам: экономика, философия, социология, а главное — основательное штудирование марксизма.

В 1910 году Инесса встретила в Париже с Лениным и Крупской. С Лениным она познакомилась еще в 1909 году. Они подружились с ней на всю жизнь. Надежда Константиновна рассказывала, что Инесса ее сразу располо-

жила к себе, что она своим тактом, культурой, революционной целеустремленностью и волевым характером сильно отличалась от обычного типа «пеприкаянного» русского эмигранта за границей. Ленин и Крупская еще больше сблизились с Арманд, когда она временно поселилась в Поронине, возле Кракова, где они жили небольшим «замкнутым кругом» в отличие от Парижа с его большой колонией эмигрантов. Инесса Федоровна, по словам Крупской, внесла в жизнь людей этого круга какую-то живительную струю, неуемную энергию и жизнерадостность. «Уютней, веселей становилось, когда приходила Инесса», — вспоминала Крупская.

Пожалуй, две великие человеческие радости вносила Инесса Федоровна в дом Ленина — музыку и материнство. Инесса была прекрасная музыкантша. Своей вдохновенной игрой она скрашивала печальные дни Ленина на чужбине. И Крупская и Ленин очень любили детей. Но особенно они были привязаны к детям Инессы Федоровны.

Подружившись с Инессой за границей, Надежда Константиновна сохранила эту дружбу до конца. Недаром на ее столике рядом с фотографией Владимира Ильича и матери, Елизаветы Васильевны, стояла всегда и карточка Инессы Арманд.

Так же как в жизни, дружбы они были и на работе. Я не раз наблюдала и всегда восторгалась, как слаженно и сплоченно работали Крупская и Арманд в редакции «Коммунистки». Какое у них было полное духовное взаимопонимание!

Когда Инесса Арманд пришла в партию большевиков, она от всего прошлого отказалась, но один багаж взяла с собой — знания. И всю жизнь этот багаж пополняла. Постепенно она сделалась марксисткой не только по своей революционной убежденности, но и по своим знаниям. Причем марксизм ее был не абстрактный, не схоластический и начетнический. Она воспринимала главное — революционную сущность марксизма. И когда Владимир Ильич Ленин встретился с ней в Париже после окончания ею университета, то, естественно, он высоко оценил ее как образованнейшего марксиста. Особенно поражал также диапазон, широта знаний Инессы Федоровны.

И ничего нет удивительного в том, что именно Инессе Федоровне Ленин поручил вести практические занятия по политической экономии в партийной школе, где Владимир Ильич читал лекции по этой дисциплине.

Это было начало нового подъема. Ленин организует партийную школу в Лонжюмо, близ Парижа, чтобы подготовить кадры из русских рабочих для будущих боев. И его деятельной помощницей в организации школы становится Инесса.

От рабочих Котова, Чугурина и Бреслава (Захара), бывших слушателей, мне приходилось неоднократно слышать, какую прекрасную школу они прошли под руководством Ленина с помощью Арманд. Бреслав, например, говорил:

— У меня ведь не было никакого образования, я в прошлом работал сапожником. Лонжюмо — это был мой единственный университет. С запасом знаний, полученных там, я работал в подполье, побеждал в Октябре и затем строил Советскую власть.

По рассказам Бреслава, Котова и Чугурина, Инесса Федоровна скрашивала их жизнь на чужбине. Как поучительны были те беседы, которые она вела с ними в ее маленькой квартирке, где для них всегда был готов «и стол и дом».

Как известно, Владимир Ильич прилагал все силы к тому, чтобы восстановить надломленные в годы реакции партийные организации. С этой целью он посылает в Россию товарищей со специальными заданиями. Волнуется от каждой неудачи и радостно потирает руки при известии о том или ином успехе.

Инесса Арманд всегда с большим рвением выполняла всякое поручение Ленина, каким бы оно ни было трудным. Ни минуты не колеблясь, едет она в 1912 году по его указанию из эмиграции на подпольную работу в лютовую царскую Россию, где проживает по чужому паспорту. И хотя Инесса была схвачена вскоре полицией, но след ее работы остался. Прибывший после нее в Петербург Арон Александрович Сольц писал, что «после Инессы он нашел уже поле распаханное».

Деятельная Инесса старалась долго не засиживаться в тюрьмах, тем более что подкралась болезнь легких. Выпущенная под залог до суда, она бежала за границу. Опять рядом с Лениным и Крупской. Именно ей Ленин поручал выступить с разоблачением на совещаниях лидеров II Интернационала в Брюсселе и отстаивать большевизм от Плеханова и других противников. Господа Каутский, Гюисманс вкупе с Плехановым хотели тогда лик-

видировать большевистскую партию, объединив ее с меньшевиками. Важно было на этом совещании доказать, что именно большевистская партия — настоящая партия.

И здесь нужен был человек неустрашимый, способный отразить все нападки, все несправедливые упреки, всю клевету, которые посыплются на головы большевиков из уст отечественных иностранных оппортунистов. Вот почему Владимир Ильич настаивал, чтобы именно Инессе Федоровне поручить это ответственное дело.

В письмах Ленина к Инессе Арманд читаем:

«...*крайне* важно, чтобы хотя основной доклад был прочтен *действительно* с толком. Для сего безусловно необходим прекрасный французский язык...

Конечно, кроме прекрасного французского нужно *понимание сути дела* и такт. Кроме тебя *никого нет*. Посему прошу, изо всех сил прошу согласиться...»

Зная ее скромность, Владимир Ильич убеждает Инессу Федоровну не сомневаться и вселяет в нее уверенность: «Я уверен, что ты из числа тех людей, кои разворачиваются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту, — и по сему упорно *не верю* пессимистам, т. е. говорящим, что ты... едва ли... Вздор и вздор! Не верю! Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твердо их всех расшибешь...»

Хотя Ленин и уверен, что Инесса великолепно справится с поручением, но, зная ее как сверхделикатного человека, он ее предупреждает, что политической трусости всегда сопутствует нахальство, поэтому с нахалами не надо церемониться: «Ты должна все время занимать наступательную позицию... По моему опыту, это лучший прием с нахалами. Они трусы и сразу осядут, осекутся».

В то же время Ленин, как великий психолог, знаток людей и человеческих слабостей, предупреждает Арманд о всяких подводных рифах, которые могут неожиданно встретиться на пути. При этом Владимир Ильич подсказывал Инессе, как отвадить Плеханова, умеющего позолотить горькую пилюлю и делать хорошую мину при плохой игре, особенно перед дамами. «Плеханов любит «смущать» товарок, говоря им «вдруг» галантности (по-французски и т. п.). Надо быть готовым к этому для быстрого ответа — я восхищена, товарищ Плеханов, вы поистине старый волокита (или галантный кавалер) — или что-либо в этом роде, чтобы вежливо *отбрызнуть* его. Ты должна знать, что все будут очень злиться (я очень рад!),

увидев, что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои «ноготки» наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор».

Разумеется, Инесса Арманд, как хорошая ученица Ленина, все его указания выполнила, советов послушалась. И результат был великолепный, она блестяще справилась со своей задачей.

Из упомянутых писем Ленина к Арманд мы знаем, что Владимир Ильич остался очень доволен ее выступлением и хвалил: «Я в высшей степени рад за тебя и благодарен, что ты меня освободила от моих обязанностей в Брюсселе... Я тебе очень и очень благодарен за твою работу, столь неприятную и столь искусную». И через три дня Ленин снова пишет ей: «Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка, я бы взорвался, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. *А им только того и надо было* — на это они и провоцировали.

У вас же и у тебя вышло спокойно и твердо».

Это был уже канун империалистической войны, когда оппортунисты всех стран свертывали знамена своих партий, чтобы свободней проголосовать в парламентах за военные бюджеты своих правительств. И снова Инесса будет с теми, кто в дальнейшем поможет Ленину заложить фундамент будущего Коммунистического Интернационала. Создание Коминтерна подготовлялось упорной, длительной борьбой. Инесса становится глашатаем ленинских идей на всех международных конгрессах, в Кинтало и Циммервальде, на конференциях женщин и молодежи. Всюду выступала она на языке той страны, где находилась. Иностранными языками Арманд владела в совершенстве. Многие документы Ленина, имевшие международное значение, были переведены ею.

Когда началась империалистическая война, Ленин своей гениальной прозорливостью определил сущность и задачи момента. Владимир Ильич, стоявший во главе партии большевиков, призвал все партии к борьбе против грабительской империалистической войны, за превращение ее в войну гражданскую, в войну против своего правительства, против своей буржуазии и помещиков. Инесса

Арманд была в числе тех немногих, кто помогал Ленину нести знамя интернационализма в период империалистической войны, когда едкая волна шовинизма захлестывала социалистические партии.

При встрече с Инессой Федоровной бросалась в глаза ее скромность.

Скромность, как известно, отличительная черта старых большевиков, но ее скромность была какая-то особенная. Она сказывалась и в ее более чем скромной одежде, и в манере держаться, и в ее немногословности. Порой она даже казалась несколько скованной, сухой. Только тоненькое красное перышко на ее черпой шляпе с большими полями как бы символизировало язычок того революционного пламени, которое всегда в ней горело. Ее скромность подчеркивал также поношенный, но всегда опрятный синий костюмчик.

В 1919 году Инесса поехала с Мануильским и Давтяном во Францию для переговоров по поводу обмена военнопленных. И сейчас нельзя без улыбки вспомнить, как много лет спустя в Париже Давтян (будучи тогда советником нашего посольства там) говорил мне с недоумением о «некоторых странностях Инессы Федоровны». Оказывается, несмотря на их уговоры, она отказалась сменить обувь и свой поношенный костюм, считая это лишней тратой народных денег. Они же, зная буржуазные обычаи «встречать по одежке», немедленно сменили в Париже свои костюмы времен военного коммунизма на новые. Там даже острили на сей счет, что, мол, мужчипы в Совдепии одеты прилично, но женщин своих они одевают в ветошь. Впрочем, вопрос о паряде Инессы Федоровны решился совершенно неожиданно. Клемансо, который был тогда у власти, узнав, что с комиссией приехала та самая большевичка Инесса Арманд, которая ухитрилась вести подпольную агитацию во время первой мировой войны среди французских войск, настолько напугался, что вообще лишил ее права свободного передвижения. Вопрос о ее туалете отпал сам собой. Для нее теперь наряды никакой роли не играли, а ведь с ее фото прошлых лет глядит на нас очень шикарная и нарядная дама.

Вот эта скромность Инессы, ее равнодушие к своему внешнему виду в этот период лишь сильнее подчеркивали ее целеустремленность.

Вспоминаю также, как скромна она была в жизни, в быту.

Приехав в 1919 году с фронта в командировку за лекторами в Москву, в ЦК партии, я отправилась к Инессе Федоровне домой, навестить ее. Мне пришлось долго стучать — никто не открывал. Я уже стала спускаться по лестнице вниз, как вдруг щелкнул замок, дверь открыла Инесса. Оказывается, она больна. Дома нет никого, и ей пришлось подняться с постели. Я удивилась, что ее, больную, оставили одну. Инесса возмущалась:

— Дети работают, занимаются. Не должны же они из-за такой мелочи, как моя болезнь, манкировать службой или учебой. Я сама запретила им оставаться дома из-за меня.

В квартире было холодно. Дом не отапливался. Комната имела неуютный вид. Только книги были аккуратно расставлены. Видно, их часто касалась рука Инессы. Инесса кашляла. Я хотела согреть ей чай. Мы долго шарили по полкам в поисках спичек, так и не нашли их.

Казалось бы, Инесса, которая в прошлом росла в холе и довольстве, должна была теперь особенно тяжело переносить лишения, неустройство быта. Но она их как бы не замечала.

Из писем Ленина известно, что и Крупская и он постоянно заботились о ней. Надежда Константиновна, по просьбе которой я писала эти воспоминания после кончины Инессы, ознакомившись с ними, прислала мне пространное письмо по поводу этого места, где она писала, что с болью читала эти строки, они точно упрек ей, что она всегда заботилась об Инессе и считала это своим долгом. Инесса была их близким другом. Крупская ее очень любила. Но Инесса, к сожалению, часто скрывала свое состояние. И добавила при этом: все товарищи так истощены... К тому же так много дела, что руки часто не доходят...

Теперь опубликованы также записки Ленина, полные беспокойства о ее здоровье. Но, как старый член большевистской партии, прошедший ленинскую школу, скромная и принципиальная во всем до мелочей, Инесса не допускала каких-либо привилегий для себя, а предпочитала жить в тех же суровых условиях, в каких жили большинство рабочих и работниц в те напряженные годы. Этому она училась именно у Ленина и, естественно, предпочитала скрывать от него и от Крупской свои лишения.

Напрасно укоряла себя Надежда Константиновна. Очень занятая, сама больная, она всегда заботилась о товарищах, особенно об Инессе Федоровне, вплоть до мелочей.

Во время революции, бывая на съездах, конференциях, собраниях, Надежда Константиновна всегда к концу искала Инессу, чтобы отвезти ее домой на машине. Иногда Крупская просила меня: «Отыщите Инессу, она тут была и вдруг куда-то исчезла». Да, Инесса «исчезала». Ведь она хорошо знала, что сейчас вся аудитория как один человек поднимется и бросится за Лениным провожать его до машины. Она не считала возможным, удобным шествовать рядом в такие минуты.

Инесса была выдающимся организатором в хозяйственной и в партийной области. Но сердце и силу ума, особенно в годы революции, она отдала работе среди жепских масс. Это была ее стихия.

Когда я работала вместе с ней в отделе по работе среди женщин в ЦК партии, то всегда удивлялась ее работоспособности. Рабочий день Инессы длился шестнадцать-восемнадцать часов. Она была членом МК, работала во французской секции Коминтерна. Она же была редактором странички «Работница» (приложение к «Правде»), членом редколлегии журнала «Коммунистка», автором брошюр, листовок. Чтобы писать, она убегала в Румянцевскую библиотеку (ныне библиотека имени В. И. Ленина), где — как она мне неоднократно жаловалась, — было страшно холодно, не топили, приходилось писать в перчатках, но зато было тихо.

Большая и нелегкая задача легла на плечи Инессы Арманд, заведующей отделом работниц — в связи с необходимостью вовлечения массы женщин в промышленность, сельское хозяйство и государственное управление.

В то время мы были очень бедны. Не было огромной сети детских садов, яслей, нужного количества школ, бытовых учреждений, то есть всего того, что освобождало женщин от мелочных забот и непродуктивного индивидуального домашнего хозяйства.

В борьбе с этими трудностями заслуга Инессы Федоровны неоценима. Она вела пропаганду не только словом, но и делом. Ей принадлежала, например, идея организации института делегатов-работниц, которых привле-

кали к работе в различных секциях Советов. Делегатские собрания явились прекрасной школой воспитания. Делегатки работали преимущественно в секциях Советов, наиболее близких им: труда и быта, общественного питания, охраны материнства и младенчества, жилищной. Они вносили сюда свою инициативу, помогали практически делу раскрепощения женщин. Отчитываясь, как правило, на делегатских собраниях перед своими избирательными.

Вместе с делегатками Инессе, конечно, пришлось преодолеть немало трудностей. Прежде всего надо было разбить недоверие по отношению к женщинам со стороны старых служащих, зараженных различными пережитками и предрассудками. Такие руководители, как Вера Павловна Лебедева, возглавлявшая тогда отдел охраны материнства и младенчества (ее называли тогда сокращенно: «Матмлад»), встречали делегатов с распростертыми объятиями. Но сидевшие еще в советском аппарате старые служаки встречали в штыки этих «самозванных депутатов». Бывало, явятся они, к примеру, в жилищный отдел к такому типу с требованием предоставить им облюбованный особняк для устройства детсада, а он начинает их допрашивать:

— Кто вы, депутаты? Депутатки? А кто же? Ах, делегатки!.. Знать не знаю, что это еще за оказия такая.

И тогда они:

— Сейчас тебе принесем приказ от Инессы, и ты тогда живо сообразишь, что к чему!

И действительно, дело потом шло на лад.

Много женщин — работниц и крестьянок, выдвинувшихся в те годы на общественную и государственную работу, — такие, как Подчуфарова, Калыгина, Горева и другие — были обязаны своим ростом Инессе. Она умела отыскивать народные таланты, самородки, растила их, лелеяла. Мало-мальски способных выступать она собирала со всех районов Москвы и учила их «делаться агитаторами, пропагандистами». Но она всегда предпочитала пропаганду делом.

Прошедшая школу Ленина, Инесса была противником всякого фразерства, оторванных от жизни утопий, «мыльно-пузырных» планов.

Вспоминаю, как, придя с одного женского собрания на бывшей фабрике Цинделя, я сказала Инессе, что нам надо строить иначе нашу агитацию, менять лозунги. Там на

собрании после моего выступления и призывов к трудовой дисциплине одна очень истощенная, с ввалившимися глазами работница продемонстрировала принесенный из дому чугунок с картофельными очистками, чтобы доказать, чем она питается и чем вынуждена кормить ребенка. Я предложила Инессе, чтобы мы в своих выступлениях разворачивали красочные картины будущего, рисовали иной мир — мир мечты, чтобы хоть немного отвлечь работниц от окружающей мрачной действительности. Инесса пристально посмотрела на меня и спросила:

— А как вы себе представляете это прекрасное будущее, эти «красочные картины», которые хотите перед ними рисовать?

И я ей изложила все, что вычитала в утопиях различного толка. В ответ на это она мне сказала:

— Как хорошо, что вы все это выложили тут. Ни в коем случае не идите с этим в массы. Ленин учит нас: революция, коммунизм — это реальность, а не утопия!

Как уже известно, летом 1920 года была созвана Первая Международная конференция коммунисток.

Впервые после войны предстояло наладить связи с коммунистками разных стран. Из-за железного кордона, блокады, которой империалисты окружили молодую Советскую республику, было чрезвычайно трудно установить эти связи с иностранными товарищами.

Клара Цеткин не могла прибыть. Крупская была очень занята на работе в Наркомпросе, Коллонтай хворала. Вся тяжесть работы по подготовке конференции легла в основном на плечи Инессы. Она подготовила тезисы, доклады, резолюции. Устраивала частые встречи с приехавшими делегатками. Выезжала с ними для осмотра учреждений.

Вспоминаю: торжественное открытие Первой Международной конференции коммунисток в Большом театре. Делегатки разместились за столом президиума и в первых рядах кресел. А весь партер и ярусы заполнили пролетарки тех лет. Огромный зрительный зал напоминал бурное, всколыхнувшееся море с всплесками алых кумачовых волн — косынок. Пролетарки двадцатого года! Ткачихи с «Цинделя», «Трехгорки»! Кружевницы «Ливерс»! Табачницы «Дуката»! Шоколадницы «Эйнем»! Швейницы Бутырской фабрики, именующие себя «труженицами иглы»!

А сколько женщин в полушалках, домотканых шالях вместо пальто, в розовых кофтах навывпуск, с кружавчиками — по-деревенски, в платках-самовязках из оренбургской шерсти! Это обитательницы бревенчатых домиков московских окраин — крестьянских застав, проживавшие в столице, но так похожие еще на деревенских. Женщины из фабричных общежитий, казарм, бараков, из углов, отгороженных ситцевой занавеской, недавно одинокие, забытые, оплакивавшие в печальных песнях свою горькую женскую долю. А теперь под знаменами, в алых косынках они поют:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы счастья ключи...

У Инессы усталый вид, ведь она так мало спит. Беспокойство ни на минуту не покидает ее: все ли подготовлено? Делегатки? Ораторы? Докладчики?

А делегатки успокаивают ее: вы нам только товарища Ленина обеспечьте. А уж наши женщины все, как одна... Ну, раз товарища Ленина обеспечите нам, так ведь все пойдет... А уж мы все, как одна, будем стоять крепко за Интернационал...

И Инесса «обеспечивала».

И зал оглашается звуками:

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Воодушевленные речами выступавших, делегатки вернутся на свои фабрики, в мастерские, созовут своих товарищей и с гордостью скажут: работница, бери свою судьбу в собственные руки! Пробуждайся, подними голову выше! Ты — равноправное существо! Борись смело за создание новой жизни! Советская власть зовет тебя к борьбе, к победе, к Интернационалу...

Ум и глаза Инессы охватывали огромные масштабы организации. Она все согласовывает, намечает, увязывает... Это женское движение она вливает в русло партийной и интернациональной работы.

А после окончания Международной женской конференции Инесса Арманд еще приняла самое активное участие в работах II Конгресса Коминтерна.

Какой огромный груз несла Инесса на своих плечах!

После окончания женской конференции и конгресса ее здоровье было уже на пределе. И даже она, обычно сдержанная, стала жаловаться на свою усталость. Но Инесса была не только усталой, переутомленной, а изможденной до последней степени. Она буквально валилась с ног. Разумеется, на ней сказалось не только напряжение этих дней, но и тяжесть всей той огромной работы, которую она взвалила на себя с первых дней революции.

Как-то при совместной поездке с иностранными делегатами в Подмоскowie — в иной обстановке, среди других людей — по-новому предстала передо мной Инесса. И тогда-то я заметила, какая разительная перемена произошла в ней. Какую печать наложили тяготы революции на ее прежнее красивое лицо. Инесса очень побледнела, ни кровинки в лице, сильно похудела. Черты лица резко заострились... В глазах была печаль и какая-то общая подавленность.

Это объяснялось возможно и тем, что ее уже не удовлетворяла прежняя работа в отделе работниц, ей было тесно и хотелось большего простора. Да, работа среди женщин пошла быстро вширь и ввысь. Удалось всколыхнуть огромные массы. Выросли новые кадры. Теперь Инесса могла быть спокойна за женскую долю. В Советской России эта проблема была решена, и работа была уже на верном пути. К тому же в отделе работниц работала еще Коллонтай — член коллегии отдела.

Пролетариат, особенно женская его половина, может гордиться тем, что у истоков движения стояли такие замечательные женщины, как Арманд и Коллонтай.

Но надо при этом заметить, что не всегда и не по всем вопросам было у них полное согласие. Об этом упоминается вскользь и в одном письме Ленина к Арманд, где он писал: «Грустно очень было узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе)»¹.

Мне пришлось работать с обеими. И я знала, что у них были принципиальные разногласия по целому ряду вопросов. К тому же они сами были очень разные по складу ума, характера и темперамента, несмотря на то что прошли смолodu почти один и тот же жизненный путь.

И Арманд и Коллонтай вышли из среды, чуждой про-

¹ В данном случае речь идет о Коллонтай (об этом имеется примечание, сделанное редакцией ИМЛ к письму Ленина).

летариату. Обеим была обеспечена богатая беззаботная жизнь в высшем обществе. Но обе они, будучи уже матерями семейств, имея собственных детей, начали бунт против своего класса, против его моральных устоев и прежде всего против бесправного, униженного положения, какое женщины занимают в буржуазном обществе. Постепенно длительным, сложным, извилистым путем пришли они в большевистскую партию.

И все же, несмотря на это внешнее сходство их начального жизненного пути, повторяю: они были очень разными. Инесса, как я уже писала, была натурой глубокой, серьезной, сложной, человеком большого самоанализа, внутренне мятущейся, но очень сдержанной. Коллонтай, наоборот, была экспансивной, порывистой, увлекающейся, очень общительной. Как большой жизнелюб, она относилась легко к многим жизненным явлениям. И, если выразиться кратко, можно было бы сказать, что Арманд являла собой образ положительной героини шекспировских трагедий, а Коллонтай — гетевских женских типов.

Когда Инесса пришла в партию большевиков, она и сложила у порога партии все свое прошлое, привычки и вкусы.

Коллонтай не потребовалась такая внутренняя ломка. Она пришла в партию такой, как она есть, сохранив всю свою светскость, все привычки, вкусы, ни от чего не отказываясь.

Инесса, придя в партию, никогда не знала колебаний в дальнейшем. И ни тюрьмы, ни ссылки, не смогли ее сломить. Она шла по этому пути до конца (если не считать ее единственного колебания в вопросе о Брестском мире).

Другое дело Коллонтай. Она знала колебания, отходы...

В самой партии Инесса прошла тернистый тяжелый путь подпольной работы в годы тягчайшей реакции. Она познала полицейские преследования, необходимость скрываться, ночевки в чужих квартирах, тюрьмы, побеги, ссылки. Путь Коллонтай в партии был лишен таких перипетий. После поражения революции 1905 года и наступившей реакции она уехала в эмиграцию, где прожила до лета 1917 года. Ее выступления в Западной Европе и Америке происходили во вполне легальных условиях (если не считать, что она была однажды выслана из Швеции, откуда переехала в Данию). После революции

1917 года Коллонтай вместе с другими большевиками была арестована в июльские дни правительством Керенского и скоро выпущена.

Так же различны были Арманд и Коллонтай не только своими характерами, но и своей внешностью. Инесса была очень красивой: выше среднего роста, лицо удлиненное, очень волевое, с резко выраженными правильными чертами римского типа. Коллонтай была очаровательной хорошенькой женщиной, миниатюрной, с круглым овалом лица, из-под челки глядели голубые, улыбчивые глаза и маленький нос.

Разными эти женщины были и по своим способностям и склонностям. Инесса — глубокий теоретик, замечательный пропагандист и крупный организатор. Коллонтай — блестящий трибун и выдающийся публицист. Говорят: противоположности сходятся. Этого нельзя было сказать про них. У них был разный подход к людям, отдельным проблемам, различные организационные принципы.

Инесса, которая видела теперь постепенный рост вновь созданного Коммунистического Интернационала, возникновению которого она отдала столько сил, стремилась поехать на нелегальную работу во вновь созданные коммунистические партии на Западе, где был непочатый край работы, особенно в женском движении. И естественно, ей хотелось во Францию, где она работала подпольно под руководством и указанию Ленина в период империалистической войны, собирая левореволюционные силы под знамя Интернационала.

Как известно из писем Ленина к Инессе того периода, он очень ценил эту ее работу и знал, что она была бы и теперь там на месте. Но в то же время он опасался за ее жизнь. Он не забыл, как Инесса, официально командированная в 1919 году Советским правительством во Францию с комиссией по обмену военнопленных, была встречена в штыки французским правительством и лишена там права передвижения. Поэтому Ленин всячески отговаривал ее от этого шага. И он, и Надежда Константиновна усиленно советовали Инессе поехать отдохнуть и полечиться, считая, что в тот момент ей это необходимо прежде всего.

«Дорогой друг!.. Не могу ли, — писал ей Ленин, — помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конеч-

но, тоже помочь: побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Надо бы поосторожнее... Лучше бы не во Францию, а то Вас там на долго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию...

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? к Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце... Подумайте об этом».

К сожалению, поездка эта оказалась для Инессы роковой.

К Коллонтай судьба была более милостива. Александра Михайловна позднее попросилась на дипломатическую заграничную работу. На этом посту она пробыла много лет. И после заболевания (инсульт) она вернулась в Советский Союз, где прожила до глубокой старости. Она скончалась в Москве 80 лет от роду.

Инесса же умерла неожиданно, скоропостижно в возрасте 46 лет, в расцвете сил и творческого дарования.

Случилось это так. По совету Ильичей, она поехала на Кавказ отдохнуть и полечиться. Тем более что ее младший сын Андрей тоже нуждался в поправке здоровья. И вот мы втроем отправились в Кисловодск.

В первые дни отдыха Инесса Федоровна чувствовала себя настолько усталой, что старалась уединиться, уходила подальше от людей. Помню ее высокую фигуру на фоне гор. С книжкой в руке она медленно поднимается все выше... Ее утомляли шум, говор.

Правда, на очень многих из отдыхающих тогда в Кисловодске большевиков лежала печать истощения, физической усталости. Сказывалось и многолетнее пребывание в царских тюрьмах и первое напряжение первых лет революции. Товарищ Котэ Цинцадзе, старый грузинский большевик, был болен туберкулезом. Член партии рабочий Котов лежал неподвижно на койке, у него было горловое кровотечение. С ним была его жена Людмила Сталь, седая, с огромными выразительными глазами, очень живая, подвижная. Людмила Сталь — соратница Ленина и Крупской, была вместе с ними в эмиграции. Одна из пионерок женского коммунистического движения, она вынуждена теперь превратиться в сиделку и забросить на время свою работу. Старый большевик — рабочий Евсей Рихтерман страдал нервным расстройством.

В Кисловодске санатории тогда были еще совершенно

не оборудованы. В них не было самого необходимого, плохо было с питанием, не хватало мебели, постельных принадлежностей...

Крупская и Ленин были полны беспокойства об Инессе. Ленин писал Серго Орджоникидзе еще в день ее выезда: «т. Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследили исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают. Ответьте мне, пожалуйста, письмом, а если можно, то и телеграммой: «письмо получил, все сделаю, проверку поставлю правильно».

Серго лично знал Инессу Федоровну. Он, как неоднократно сам говорил, относился к ней с величайшим уважением. Ставил ее очень высоко. Ведь она его учила в партийной школе в Лонжюмо, где он был слушателем, как надо «читать и понимать «Капитал». Она же устроила его там на жилье в своей маленькой квартирке.

Серго Орджоникидзе, получив телеграмму от Ленина, поставил на ноги местных работников. Помню, партийные товарищи Кисловодска очень всполошились. Озадаченные, взволнованные, теребя в руках телеграмму, они явились ко мне, зная, что мы прибыли с Инессой вместе.

— Вот тут об Инессе Арманд... Подскажите, что надо делать, о чем позаботиться? Все сделаем... Ведь сам Ленин беспокоится.

Мы отправились к Инессе. Она жила с сынишкой в отдельном домике. И там было неблагоустроенно. Но Инесса, скромная, как всегда, во всем, ответила, что ни в чем не нуждается, кроме, как... в подушке... Понятно, ей притащили три подушки. Она оставила себе одну, а остальные отдала товарищам.

Но обстановка на Северном Кавказе не располагала к отдыху. В горах засели банды белых. Днем мы, как настоящие отдыхающие, играли в крокет, а по ночам ревком устраивал тревоги и сиреной вызывал коммунистов. Там снабжали нас винтовками, разбивали на отряды и посылали вышибать врага. Впрочем, враг в этом районе был уже обессилен и не решался на большое наступление, но он действовал налетами, диверсиями. Во время нашего отпуска на окраине Кисловодска были зверски убиты из-за угла два члена ревкома: Зенцов и Лонин. Тогда реше-

но было «прочесать» Кисловодск и выяснить, каких «тро-
янских коней» оставили белые в городе. Сергей Герасимо-
вич Уралов — член коллегии ВЧК, отдохавший с нами,
к которому обратились местные работники за помощью,
составил список лиц, кого можно было мобилизовать из
санатория. В этот список попала и я.

После недели работы по «прочесыванию» Кисловод-
ска я пришла к выводу, что с отдыхом уже кончено, и ре-
шила вернуться в Москву на свою работу.

Инесса — человек дисциплинированный — осталась.
Она доказывала мне, что «прервать», не использовать до
конца отпуск и вернуться на работу не отдохнувшей —
легкомыслие. И главное, она считала недопустимым «бро-
сить путевку». Раз путевка выдана, надо ее использовать,
ведь она пропадает, а другой, нуждающийся, уже не
сможет ею воспользоваться. Все же я уехала. Мне и в го-
лову не могло тогда прийти, что не увижу ее больше,
что через два дня после моего отъезда Инессы не
станет.

В последний перед отъездом вечер все собрались в го-
стиной, где стоял рояль, но было мало стульев. Мы дол-
го упрашивали Инессу играть. Она согласилась неохотно.
Но потом увлеклась. Лицо ее разрумянилось, шарф сполз
с плеч... Она играла сонату Бетховена. Концерт Шумана.
Равсодию Листа. Инесса была прекрасной музыкантшей.
Я и сейчас еще вижу ее, словно живую, за роялем, слы-
шу ее игру. Это была ее «лебединая песня».

И вот, наконец, я в Москве.

Вдруг, к моему великому ужасу, совершенно потряса-
ющее сообщение: «Скончалась Инесса». Уму непостижи-
мо! Как?.. Я только успела доехать до Москвы!

Как же это случилось?

Оказывается, на следующий день после моего отъез-
да произошло неожиданное: разбитая армия белых гене-
рала Фостикова решила сдаться. Но из-за других банд спу-
ститься с гор они могли только в самый город Кисловодск.
Да и вообще в его окрестностях создалась сложная обста-
новка. Обеспокоенный Ленин еще раньше писал Серго
Орджоникидзе: «Очень прошу Вас, ввиду опасного поло-
жения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд,
чтобы ее и ее сына эвакуировать, в случае надобности, во-
время на Петровск и Астрахань или устроить (сын болен)
в горах около Каспийского побережья и вообще принять
все меры». Инесса, разумеется, отказалась эвакуировать-

ся, пока не вывезут из Кисловодска остальных отдыхающих. Местная власть вместе с прибывшей комиссией решила эвакуировать всех в Нальчик. В числе эвакуированных была и Инесса. Направили их по Владикавказской дороге. Там было большое скопление беженцев из Грузии, где власть была в руках меньшевиков. Многие жители бежали из хваленного меньшевистского «демократического рая». Среди беженцев были случаи холеры. Эвакуация оказалась для Инессы роковой. Она заразилась в пути холерой, и в течение суток ее не стало...

Гроб с останками Инессы Федоровны был отправлен в Москву. Но потребовалось целых две недели, чтобы больные паровозы по израненным тогдашним рельсам смогли его доставить сюда.

В день смерти Инессы Ленин в беседе с Кларой Цеткин о женском движении выразил сожаление, что Инессы нет с ними. Он и не подозревал, что ее уже нет на свете...

В 3 часа ночи с 10 на 11 октября 1920 года меня разбудил телефонный звонок.

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Ленин, — сказала быстро телефонистка Кремля.

Не успела я спросонья что-либо сообразить, как в трубке прозвучал глухой, не совсем обычный голос Ленина:

— Простите, что вас разбудили... Сейчас на Казанский вокзал прибывает гроб с телом Инессы Арманд. Мы с Надеждой Константиновной уже едем. Вы готовы? (Владимир Ильич, очевидно, звонил мне по поручению Надежды Константиновны. Она знала, что мы вместе с Инессой поехали в Кисловодск и что я вернулась оттуда в Москву.)

Я механически отвечаю:

— Да, сейчас.

Затем следует чисто ленинский вопрос:

— А вы не устали?

Ночь. Мы на Казанском вокзале у траурного вагона, где стоит оцинкованный гроб... Здесь Ленин и Крупская, дети Инессы Федоровны, комендант Кремля Абрам Бельский и другие. Позже к нам присоединилась делегация Московского и районных отделов работников.

Гроб установили на траурный катафалк, в который были впряжены белые лошади, украшенные султанами и покрытые попоной. Колесница медленно двинулась в город.

На фоне рассветающего неба выделяются скорбные ли-

ца Надежды Константиновны и Владимира Ильича. Средоточенные и молчаливые, они провожают в последний путь своего близкого друга и боевого соратника.

Как мы все ни уговаривали Владимира Ильича сесть в машину, он ни за что не согласился.

— Пойду пешком за гробом,— сказал он так твердо, что возражать было бесполезно.

А путь был долг: от Казанского вокзала до Дома союзов.

Владимир Ильич шел, понутив голову, поглощенный своими думами. Время от времени он поднимал слегка голову и, сощурив глаз, оглядывал обшарпанные дома Москвы, которые давно уже, с кануна империалистической войны, не знали ремонта и продолжали разрушаться. Временами он вглядывался в осунувшиеся, исхудавшие лица, истощенные фигуры рабочих, служащих, случайно примкнувших к траурному шествию.

Рассвело. Рабочие и служащие спешат на заводы, учреждения. Они выходят еще затемно, чтобы поспеть к началу работы. Идти далеко, трамваев нет. Вдруг, увидев эту скорбную процессию, пешеходы замедляют шаг; в недоумении останавливаются, вглядываются и шепотом, удивленно, спрашивают друг друга и нас:

— Неужели Ленин? Это он?

И тоже присоединяются к процессии. Толпа растет, растет. Они увидели Ленина и пошли за ним.

Не все присоединившиеся к нам в пути знали, кто такая Инесса Арманд и каковы ее заслуги. Не все знали легендарную биографию этой женщины, деятельной, незаменимой помощницы Ленина в очень важный для партии период, когда большевизм вышел на международную арену, и потом, после победы революции в России, когда она поднимала под знамя революции женские массы.

И вот ее нет... Она лежит в наглухо запаянном гробу в голубоватом зале Дома союзов. И никто не может даже посмотреть на это некогда прекрасное, одухотворенное лицо. Мимо шагают шеренги женщин, которых она взрастила, пробудила.

Все читают на атласных лентах прощального венка: «Тов. Инессе Арманд — от В. И. Ленина».

Гроб подняли и понесли к Красной площади.

Был ясный солнечный день ранней осени. Небо высокое, синее.

Звучат траурные мелодии Шопена, Бетховена, которые Инесса часто играла раньше и которые любил слушать Ленин.

А над ее гробом колыхались знамена, на которых были лозунги:

«Шагайте бесстрашно по мертвым телам,
Несите их знамя вперед».

«Вожди умирают, а дело живет...»

«Мы, женщины, гордо под знамя встаем,
Из лавра венок тебе в память сплетем».

На трибуну Красной площади (где я по поручению отдела работников ЦК партии проводила траурный митинг) поднимались товарищи — по партийной работе, по подполью, по революции 1905 года. Невский — с надгробным словом от ЦК партии, Коллонтай говорила о совместной работе среди трудящихся женщин России и на международной арене, Садовская — от питерских работниц, которых Инесса будила к новой жизни. А вот одна из тех, кого вырастила Инесса, — Анна Калыгина. Сжав свои большие рабочие руки, гневно потряхивая стриженной головой, плотная, крепкая, она, выкинув вперед кулаки и словно стальным молотом по наковальне ударяя, закончила речь:

— Не горевать пришли мы, работницы, сюда, а сказать, что ее дело будет жить и крепнуть.

Когда выступали ветераны партии и молодое поколение — ученицы Инессы, — Ленина не было. Он появился в последнюю минуту, чтобы проститься с другом. Он стоял с обнаженной головой в наглухо застегнутом осеннем пальто, у самого края свежевырытой могилы, когда мы стали опускать тело покойной Инессы. Надежда Константиновна плакала, а он стоял прямой, суровый, неподвижный. Лицо его было гневным. Не так давно он хоронил своих близких и соратников — М. Т. Елизарова, а потом Я. М. Свердлова, — и вот теперь ушла Инесса.

После похорон я была у Крупской. Она спрашивала, и я рассказала, как Инесса «отдыхала» в Кисловодске... Ленин, слушая, вздохнул и сказал:

— В какое тяжелое время мы живем! Рядом падают буквально от истощения ближайшие друзья, товарищи, соратники, и мы бессильны им помочь. А на этот раз — как будто на отдыхе... Враг борется с нами не только пу-

лей, штыком, а и эпидемией и болезнями. Для него на войне все средства хороши.

Прах Инессы похоронен у Кремлевской стены, где покоится Н. К. Крупская, недалеко от Мавзолея.

Сюда, к Кремлевской стене, к Мавзолею нескончаемой чередой идут и идут люди со всех концов света. Что-то есть глубоко символичное в том, что сюда же приходят перед полетами герои-космонавты, устремляющиеся к далеким мирам. Недаром еще древние говорили: «Сквозь тернии — к звездам».

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	7
Революционный размах и старинная Москва	11
Ленин и новая столица	
Дружба на всю жизнь	33
В. И. Ленин и Н. К. Крупская	
Честь и совесть немецкого пролетариата	79
Карл Либкнехт и Роза Люксембург	
Ударница мировой революции	116
Клара Цеткин	
Последний жизненный рейс	155
Я. М. Свердлов	
Жизнь — подвиг	179
И. Ф. Арманд	

**Полина
Семеновна
Виноградская**

**ПАМЯТНЫЕ
ВСТРЕЧИ**

Редактор
А. Г. Перепелицкая
Художник
Г. В. Дмитриев
Художественный
редактор
В. В. Щукина
Технический редактор
Т. С. Никитина
Корректор
М. Е. Барабанова

Сд. в наб. 29/I-71 г. Подп.
к печ. 14/VIII-72 г. Форм.
бум. 84×108¹/₃₂. Физ.
печ. л. 6,5+8 вклеек.
Усл. печ. л. 11,76.
Уч.-изд. л. 11,71. Изд.
инд. ХД-219. А03193.
Тираж 50 000 экз. Цена
58 коп. Бум. № 1.

Издательство «Совет-
ская Россия». Москва,
проезд Сапунова, 13/15.
Книжная фабрика № 1
Росглавполиграфпрома
Комитета по печати при
Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь
Московской области,
ул. им. Тевосяна, 25.
Заказ № 2638,

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу:
Москва, проезд Сапунова, 13/15,
издательство «Советская Россия».